

2 (Даг)

Ш 65

А. Р Шихсаидов

И С Л А М
В СРЕДНЕВЕКОВОМ
ДАГЕСТАНЕ
(VII—XV вв.)

МАХАЧКАЛА 1989

2 (Дар)
Ш65
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ Г. ЦАДАСЫ

А. Р. Шихсаидов

И С Л А М
В СРЕДНЕВЕКОВОМ
ДАГЕСТАНА
(VII—XV вв.)



instituteofhistory.ru

Махачкала 1969

Ответственный редактор
профессор *Х-М. О. Хашаев.*

47763

Дарестандарт
Академия наук
Научная библиотека

ВВЕДЕНИЕ

К проблемам средневековой истории Дагестана, имеющим важное научно-теоретическое и практическое значение, но не ставшим еще предметом специального исследования, относится вопрос о проникновении и роли монотеистических религий, в частности, ислама.

Программа Коммунистической партии Советского Союза указывает на необходимость «...систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений».

Изучение истории религии и религиозных учений — одно из важнейших условий преодоления пережитков прошлого, в том числе и религиозных. В условиях Дагестана, где в течение веков господствовала идеология ислама, изучение его на местном конкретном материале приобретает особо важное значение.

Ислам — одна из наиболее распространенных мировых религий. Возникнув в Аравии, эта монотеистическая религия перешагнула вскоре далеко за пределы своей первоначальной родины и распространилась во многих странах Азии и Северной Африки. VII—XV вв. шел также процесс исламизации Дагестана. Процесс распространения ислама в Дагестане неразрывно связан с социально-экономической историей горцев, с их борьбой против многочисленных иноземных завоевателей.

Настоящая книга посвящена ранней истории ислама в Дагестане. Как, когда и при каких социально-экономических и политических условиях этот процесс протекал?

Каковы этапы исламизации Дагестана и кто выступал носителем идей новой религии? Какова социальная сущность и методы распространения «религии Аллаха»?

Каковы взаимоотношения ислама, христианства и первобытных религиозных представлений в Дагестане? Автор стремится осветить эти вопросы в предлагаемой книге.



Оглавление

Введение 1

Глава I. Исламизация Дагестана 10

Глава II. Христианство в Дагестане 25

Глава III. Первобытные религиозные представления в Дагестане 45

Глава IV. Взаимоотношения ислама, христианства и первобытных религиозных представлений в Дагестане 65

Глава V. Заключение 85

Список литературы 95

Приложение 105

Глава I.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.

Разработка истории монотеистических религий в Дагестане, в частности, истории проникновения и укрепления ислама, связана с серьезными трудностями, обусловленными прежде всего как малочисленностью источников, так и их слабой изученностью.

Среди источников важнейшее место и по количеству, и по полноте сведений принадлежит источникам арабским, вернее, арабоязычным. Значительная часть их падает на IX—X вв.— период апогея арабской историко-географической литературы. Известный советский ориенталист академик И. Ю. Крачковский считал эту литературу основным и авторитетным источником для изучения арабского мира, подчеркивал ее широкий диапазон, охватывающий также области с неарабским населением — Европу (за исключением крайнего севера), южную половину Азии, Северную Африку. «Иногда для отдельных стран,— писал он,— за некоторые периоды их истории арабская географическая литература является или единственным, или важнейшим источником. Очень показательно, например, что для древнего Ирана за тот сасанидский период, который представлен значительными памятниками в нашем Эрмитаже, основной материал сохранен арабскими авторами»¹.

Эти слова могут быть отнесены с полным основанием и к истории раннесредневекового Дагестана — литература на арабском языке составляет тот основной фонд, откуда можно почерпнуть сведения по истории дагестанских народов. При этом весьма характерно одно обстоя-

¹ И. Ю. Крачковский, Избр. соч., IV, стр. 15. Здесь и далее подробное описание источников см. в разделе «Библиография».

ительство — все сочинения, в которых нашел отражение ряд аспектов исследуемой проблемы в VI—X вв. — внедагестанского происхождения, в то время как последующий этап, XI—XV вв., представлен, в основном, местной литературой, созданной на арабском языке. Сравнение указанных двух групп источников вне хронологических рамок, выявило бы преимущество местных источников в смысле глубины и многосторонности сведений. Однако для VI—X вв., как уже указывалось, первая группа представляет почти единственную источниковедческую базу. Развитие жанра описательной географии, создание книг типа «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга о путях и владениях») и «Китаб ал-булдан» («Книга о городах») ², определило и характер сведений о Дагестане, когда предпочтение отдавалось военно-политической истории, истории политических и религиозных учений, этнографическим деталям, вопросам топографии и исторической географии, культурно-историческим подробностям. Социально-экономическая структура, как обычно, оставалась в тени, хотя и здесь нельзя отказать авторам в ценности сведений, хотя и кратких и сравнительно немногочисленных.

Среди плеяды авторов арабских историко-географических трактатов наибольшую ценность для нас имеют: ал-Белазури, ал-Йакуби, Ибн ал-Факих ал-Хамадани, Ибн Русте, ал-Масуди, а из более поздних авторов — ал-Идриси, ал-Гарнати, Йакут, Закарийа ал-Казвини. Особо выделяются ал-Белазури и ал-Йакуби, чьи сведения о раннесредневековом Дагестане и жизни его населения и поныне остаются чрезвычайно ценными и надежными. Ал-Белазури (ум. в 982 г.), «мусульманскому историку, одному из величайших историков своего времени» ³, принадлежит сочинение «Китаб футух ал-булдан» («Книга завоевания стран») ⁴, посвященное арабским завоеваниям от Мухаммеда до IX в. Он пользовался источниками, многие из которых до нас не дошли, критически относился к ним, выбирая наиболее достоверные сведения ⁵. Многие последующие авторы черпали сведения из «Книги завоевания стран». Две обстоятельные

² Крачковский, Избр. соч., т. IV, стр. 128.

³ Sarton, Introduction, I, p. 617.

⁴ Beladsofi; Белазури, Футух ал-булдан.

⁵ Медников, Палестина, стр. 21.

главы исторического сочинения ал-Белазури для нас особо важны. Это «Завоевание Эрменийи» и «Завоевание Азербайджана»⁶. Здесь нашла место подробная характеристика борьбы между арабскими войсками и дагестанскими народами, а его сообщения о политических образованиях Дагестана — «царствах» Серир, Филан, Табасаран, ал-Лакз, Зирихгеран, Хамзин, Гумик, об арабской колонизации в районе Баб ал-абваба (Дербент) можно отнести к числу наиболее ранних среди доступных нам материалов.

Наряду с ал-Белазури важный материал по политической истории средневекового Дагестана дает знаменитый историк и географ ал-Йакуби (ум. ок. 897 г.). Его «Тарих» («История») издавался дважды⁷ по единственной рукописи, хранящейся теперь в Мюнхене⁸. Сведения «Истории» приобретают особую ценность в связи с тем, что автор добросовестно собирал материал, значительное время пребывал в Эрменийе. Они в большинстве случаев совпадают с данными ал-Белазури, однако ал-Йакуби более точен и по ряду вопросов дополняет ал-Белазури. Особенно это относится к вопросу о насаждении ислама в прибрежных районах Дагестана: строительство опорных пунктов арабов близ Дербента, в Камахе, ал-Мухаммадии, Баб-Ваке и др. пунктах.

По вопросу об арабских завоеваниях сообщения ал-Йакуби не сходятся с данными ал-Белазури только в одном: ал-Йакуби настойчиво проводит мысль о добровольном признании дагестанскими племенами всех условий арабов.

Особое место по важности сведений о военно-политических событиях на Восточном Кавказе занимает арабоязычный историк и богослов ат-Табари (858—923)⁹. Его многотомный труд «Тарих ар-русул ва-л-мулук»

⁶ Beladsoori, стр. 193—212, 325—331. См. русский перевод этих глав — Белазури (пер. П. К. Жузе). Новое издание: Белазури. Футух ал-булдан (араб. яз.).

⁷ Jacubi (ed. Houtsma); Jacubi (ed. de Goeje).

⁸ Brockelmann, GAL, I, 226; SB, I, 405; EI, I, 624—625 (Becker); Sartou, Introduction, I, 607.

⁹ О нем: Беляев, Арабские источники, стр. 21—23; Медников, Палестина, стр. 35—138; Brockelmann, GAL, I, 142—143; SB, I, 217—218; Sartou, Introduction, I, 642; EI, IV, 607—608 (Paret); Бартольд, Туркестан, II, стр. 3; Медников, Источник, стр. 53.

(«История пророков и царей») ¹⁰ содержит много ценных описаний событий в Дагестане в VII—IX вв. Как писал академик Б. А. Дорн, выдержки из персидского текста ат-Табари «заключают в себе... драгоценные пособия при изучении истории закавказских стран и народов... как например, Карабага, Ширвана, Дербента и др.»

Х Наибольший интерес представляют данные ат-Табари о борьбе горцев с арабами и хазарами, о попытках внедрить ислам в Дагестане, хотя многое здесь противоречиво — обстоятельство, на которое обратил внимание Н. А. Медников, объяснивший противоречивость сведений книги в целом тем, что «об одном и том же событии сообщаются различные версии без попытки отличить истинную от обычной» ¹¹. Тем не менее значение ат-Табари для изучения истории раннесредневекового Дагестана огромно прежде всего потому, что он использовал не дошедшие до нас работы своих предшественников, непосредственных участников арабских походов на Кавказе ¹², хотя В. В. Бартольд указывал на «полное отсутствие критики в его труде» ¹³. Вместе с тем географическая номенклатура ат-Табари менее точна, чем у ал-Белазури и ал-Йакуби.

Почти полностью использовал сведения ат-Табари о событиях на восточном Кавказе в VI—IX вв. арабский историк Ибн ал-Асир (1160—1234), автор «Ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод по истории»). Характеристику методов работы Ибн ал-Асира и его отношения к ат-Табари дал еще Н. А. Медников: «Когда Ибн ал-Асир принимает данный рассказ ат-Табари, то, значит, другие авторы... или подтверждают ат-Табари, или заслуживают, по мнению Ибн ал-Асира меньшего, чем ат-Табари доверия» ¹⁴. Следует также отметить, что автор был «правверным мусульманином», и это обстоятельство оказало влияние и на оценку событий и на выбор материалов ¹⁵.

Среди сведений, относящихся ко времени после X в., для истории Дагестана наибольший интерес представляет описание событий XIII в., в частности, тех, что

¹⁰ Табари, Annalen.

¹¹ Медников, Источник, стр. 53.

¹² Бунятов, Азербайджан, стр. 15.

¹³ Бартольд, Туркестан, т. II, стр. 3.

¹⁴ Медников, Палестина, стр. 182; ср. Медников, Рецензия, стр. 374.

¹⁵ Ибн ал-Асир (пер. П. К. Жузе), предисловие.

связаны с монгольскими завоеваниями. Здесь можно почерпнуть сведения о тюркских элементах в Дагестане, сыгравших значительную роль в исламизации дагестанских обществ.

Текст Ибн ал-Асира¹⁶ (как и у ат-Табари) выгодно отличается от текстов других авторов наличием строгих хронологических рамок. Более подробно и с точным указанием дат (732—33, 735—36, 738—39) дается описание арабских походов на внутренний Дагестан, что дает возможность судить о середине VIII века как о периоде ожесточенной борьбы арабов за завоевание Дагестана и борьбы дагестанских народов за свою независимость.

Если названные авторы проявляют основной интерес на Восточном Кавказе к политической истории, вопросам арабских завоеваний и мероприятиям военно-административного характера, то сообщения таких авторов как Ибн ал-Факих ал-Хамадани, Ибн Русте, ал-Масуди, охватывают иную область, хронологически связанную с последующими этапами арабских завоеваний, вернее с тем периодом, когда Арабский халифат фактически распался. У этих авторов можно почерпнуть сведения о торговле и торговых маршрутах, оборонительных сооружениях и городах, о религиозных верованиях и политической географии.

«Первым автором, от которого дошло до нас географическое сочинение описательного типа» был Ибн Хордадбех (ок. 820—ок. 912)¹⁷. Будучи на ответственной государственной работе (он служил начальником дивана почты и государственного осведомления в персидской провинции Джибал, а в последствии был приближенным халифа ал-Му'тамида (870—892), Ибн Хордадбех имел доступ к богатым материалам и официальным сведениям о маршрутной сети стран Переднего Востока, Ирана, Кавказа, Средней Азии, о налогах, административном устройстве, отдельных городах. Поэтому сведения, содержащиеся в его географическом сочинении «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик («Книга путешествий и государств»)¹⁸, отличаются точностью и высокой

¹⁶ Ibn al-Athiri; Ибн ал-Асир (пер. П. К. Жузе).

¹⁷ О нем — см.: Крачковский, Избр. соч. IV, стр. 147—150; Brockelmann, GAL, I, 225—226; SB, I, 404; Sartori, I, 606—607.

¹⁸ Ibn Khordadbeh, BGA, VI (Это редакция, составленная примерно в 272 г. х., т. е. 892 г. и найденная в Египте).

достоверностью. Его обстоятельные сведения о Баб ал-абвабе, Семендере, о маршрутах, проходящих по территории Дагестана, о раннефеодальных государственных единицах Дагестана делают сочинение ценным для нас источником. Его сведения служат источником для многих авторов — Ибн ал-Факиха, ал-Йакуби, Ибн Хаукаля, Кудамы, Гардизи, Идриси, Йакута, для автора анонимного сочинения «Худуд ал-алам».

Труд арабского географа Ибн ал-Факиха ал-Хамадани (конец IX — начало X в.)¹⁹ «Китаб ал-булдан» («Книга стран») ²⁰, написан ок. 903 г. и дошел до нас в передаче автора XI в. Значительное место занимают в нем географические описания, среди которых два раздела особенно интересны — это «Рассказ об Азербайджане» и «Рассказ об Армении»²¹, где встречаем известия о строительной деятельности сасанидов в Дагестане, с обстоятельным изложением строительной техники, а также о первых арабских походах на Восточный Кавказ. Здесь представляется возможным извлечь интересные сведения о степени распространения ислама в Дагестане (в описании «360 замков ал-абваба»), причем описание дербентских стен позволяет судить о домусульманских верованиях жителей города и об остатках влияния христианства.

Несколько оригинальных и заслуживающих серьезно внимания сведений о религиозных воззрениях можно найти в астрономическом и географическом трактате «ал-Алак ан-нафиса» («Дорогие ценности») ²², написанном в начале X в. и принадлежащем арабскому автору Ибн Русте ²³. Разделы сочинения, посвященные Хазарскому

¹⁹ О нем: Крачковский, Избр. соч., IV, стр. 156—159; Валидов, Мешхедская рукопись; ЗВО, т. I, вып. II, 1886, стр. 239—242 (рецензия В. Р. Розена на издание де Гье).

²⁰ Ibn al-Fakih (-BGA, V)

²¹ Там же, стр. 284—301. Русск. пер.— см.: Караулов, Ибн ал-Факих; Сведения о странах в бассейне Каспийского моря переведены на немецкий язык Б. А. Дорном — см. Dorn, Vierzehn Schriftstellern, стр. 634—649.

²² Ibn Rosteh, BGA, VII; пер. на франц.— Ibn Rusteh (trad. G. Wiet); русский перевод — см.: Ибн Русте (пер. Д. А. Хвольсона); частичный немец. перевод — см.: Dorn, Vierzehn Schriftstellern, SS. 656—658; неполный русск. пер. сведений о Кавказе — см.: Караулов, СМОМПК, вып. 32.

²³ О нем: Крачковский, Изб. соч., т. IV, стр. 159—160; El, II, 435; Brockelmann, GAL I, 227; SB, I, 406.

морю («Хазарское море») и странам Закавказья («Армения, Арран, Азербайджан»), содержат неизвестные до Ибн Русте сообщения о почти сплошном «язычестве» одного из дагестанских раннефеодальных владений (Серира) при христианском, однако, населении в его столице. Впервые встречаемый у Ибн Русте похоронный обряд населения Серира и сведения о поклонении его сухой голове и бесплодному дереву показывают, насколько еще далеко было в X в. население одного из крупных «царств» Дагестана—Серира от принятия ислама.

Сведения о «царе» Хайзана Адзарнаесе, проповедовавшем три религии (христианство, иудейство и мусульманство) позволяют судить о времени проникновения этих религий в отдельные районы Дагестана.

Ряд известий Ибн Русте повторяет персидский историк XI в. Гардизи, автор «Зайн ал-ахбар» («Краса повествований»), в частности, о религиозных и похоронных обрядах жителей Серира, но он вносит интересные дополнения о домонотеистических религиозных культах, а также социальной структуре одного из политических образований²⁴.

Исключительно ценные сведения о Дагестане оставил знаменитый арабский путешественник, географ и историк ал-Масуди (ум. в 956 г.)²⁵, из сочинений которого дошло до нас только два—«Мурудж аз-захаб ва мадаин ал-джавахир» («Промывальни золота и рудники самоцветов»)²⁶ и «Китаб ат-танбих вал-ишраф» («Книга предупреждения и пересмотра»)²⁷. В истории арабской историко-географической литературы он сыграл весьма видную роль, и исследователи не без основания связывают с его именем этап в развитии определенного жанра²⁸.

Сведения по исторической географии и состоянию религиозных воззрений в Дагестане в X веке даны автором подробно, и в сравнении с предыдущими источниками

²⁴ Бартольд, Отчет, стр. 78—126.

²⁵ О нем: Крачковский; Избр. соч., т. IV, стр. 171—184; Brockelmann, GAL, I, 143—145; SB, I, стр. 220—226; Sartou, Introduction, I, стр. 639; EI, III.

²⁶ Masoudi, Les prairies d'or; частичный пер. о Кавказе — Караулов. СМОМПК, вып. 38.

²⁷ Masoudi, Le livre.

²⁸ Sartou, Introduction, I, стр. 619 (глава названа: «The time of Masudi»); Крачковский, Избр. соч., т. IV, стр. 170 (глава названа «Масуди и путешественники X в. на север»).

обладают тем преимуществом, что показывают темпы проникновения ислама и христианства. В его труде явно чувствуется падение влияния Арабского халифата на Восточном Кавказе, а сообщение ал-Масуди об усилении влияния Ширваншаха в X в. и расширении подвластной ему территории за счет соседних земель до Дербенда включительно — факты, которые помогут поставить вопрос о путях и очагах дальнейшего распространения мусульманской религии в Дагестане.

Среди авторов, сочинения которых могут быть использованы в разработке проблемы, можно назвать также ал-Истахри, писавшего в первой половине X в. (особенно заслуживает внимания описание маршрутов, Каспийского моря, о религиозной жизни в Семендере и др.), Шамс ад-дин ал-Мукаддаси (946/47—1000), «Аноним Туманского» и др.²⁹.

Если X в. был эпохой высшего расцвета арабской культуры и к этому времени относится «апогей арабской географической литературы в ее творческой линии самостоятельного движения»³⁰, если «вторая половина XI в. была продолжением золотой эры»³¹, то в последующее время «мы не встречаем сколько-нибудь выдающихся произведений в области географии» (XVI в.), что не исключает многочисленности и разнообразия «памятников, которые сохраняют свое значение в науке и сейчас», или же важнейших энциклопедических словарей, подобных «Муджам ал-булдан» знаменитого Якута (XIII в.)³².

Перечень вопросов, затрагиваемых в произведениях писателей XII—XIII вв., также разнообразен по своему содержанию, а по ценности материалов в ряде случаев не уступает сведениям классической эпохи арабской историко-географической литературы.

Большую ценность по вопросу об исламе в Дагестане представляют сведения испанского араба Абу Хамида ал-Гарнати ал-Андалуси (1080—1169)³³. Его произведение космографического характера «Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-аджаб» («Подарок умам и выборки дикови-

²⁹ См. библиографию.

³⁰ Крачковский, Избр. соч., IV, стр. 171.

³¹ Sarton, I, стр. 738.

³² Крачковский, Избр. соч., IV, стр. 311.

³³ О нем — см.: Brockelman, GAL, II, 161; Крачковский, Избр. соч., IV, стр. 299—303.

нок») ³⁴, написано в Мосуле в 1162 г. Вторая глава этого сочинения, «Описание чудес различных стран и удивительных построек», дает ценные сведения о жителях Табасарана, о распространении ислама Масламой в ряде «царств», о погребальном обряде и хозяйственной жизни «зирихгеран», о борьбе жителей Зирихгерана с мусульманами в начале XII в., причем, как писал И. Ю. Крачковский, «Абу Хамид оказывается единственным, кто приводит данные об их погребальных обрядах». ~~О~~

В 1131 г. он через Каспийское море прибывает к устью Волги, по пути побывав в Дербенде, и это придает особую ценность его сообщениям о Восточном Кавказе.

В 1949 г. появилась статья В. Ф. Минорского и Клода Каэна с разбором сочинения из архива местного секретаря — курда Масуда ибн-Намдара ³⁵, автора начала XII в. Особый интерес представляют здесь два письма ширваншаха, одно — «к пограничной области Гумик», другое «к жителям некоторых селений Лакз». Оба документа представляют важный источник по изучению процессов исламизации лаков. Они с очевидностью позволяют ставить под сомнение сведения местных хроник и преданий о принятии ислама лаками в VIII в.

Видное место среди арабских историков и географов занимает знаменитый энциклопедист Йакут ар-Руми ал-Хамави (ок. 1179—1229) ³⁶. Сводом «сокровищ, накопившихся в арабской литературе за шесть веков» назвал И. Ю. Крачковский его огромный труд «Муджам ал-булдан» ³⁷ («Словарь стран», или «Алфавитный перечень стран»). В этой многотомной исторической компиляции помещен целый ряд статей, посвященных отдельным областям и городам Дагестана (Баб ал-абваб, Баланджар, Дербенд, Серир, Семендер, Филан, Лакз) ³⁸.

В качестве своих первоисточников Йакут имел арабских авторов IX—X вв. (ал-Истахри, Ибн ал-Факих и др.). В «Словаре стран» встречаются исключительно

³⁴ Garnati, Le Tuhfat al-albab; нем. пер. отрывков — см.: Dorn, Vierzehn Schriftstellern, стр. 667—700. Имеется мадридское издание: Al-Garnati, ed. Dubler; Hrbek, Ein arabischer Bericht; Монгайт, (пер. отрывка о Зирихгеране).

³⁵ Minorisky et Cahen; См. также: Минорский, История, стр. 21, 57.

³⁶ О нем: Крачковский, Избр. соч., т. IV, стр. 230—254.

³⁷ Jacut, I—IV.

³⁸ Jacut, I, 437—442, 727—730; II, 564; III, 88, 111; IV, 324.

ценные сведения о Дагестане, полученные им, очевидно, за время пребывания в Азербайджане, т. е. относящиеся к XII—XIII вв. Таковы единственные и важные известия, позволяющие осветить идеологические (конфессиональные) контакты Дагестана с такими крупными центрами средневековой общественной мысли как Багдад и Бухара, позволяющие говорить о шафиитском толке как наиболее распространенном в Дагестане, о происходящих из Дагестана мусульманских факихах (законоведы), обосновавшихся в названных городах³⁹.

Сообщения о Филане, Лакзе, Серире, христианском и мусульманском населении в них, впервые встречаемые у Якута, также относятся к XII—XIII вв.

К числу заслуживающих особого внимания авторов принадлежит Закарийя ал-Казвини (1203—1283), создавший обширный космографический трактат «Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мауджудат» («Чудеса тварей и диковины существующего») и географическое сочинение (условно «География») «Асар ал-билад» («Памятники городов») ⁴⁰. Он часто ссылается на ал-Гарнати ал-Андалуси, но этим не ограничивается. В его сочинении можно найти данные о Дагестане, относящиеся ко времени написания работы, т. е. к XIII в., это прежде всего относится к сведениям о культовых сооружениях (мечеть) в Дербенте, о религиозной, культурной и хозяйственной жизни в двух южнодагестанских селениях — Цахуре и Шиназе. ❧

Персидская придворная литература, эпохой расцвета которой считается монгольский период истории Ирана, представлена именами двух крупных авторов — Рашид ад-дина и Хамдуллаха ал-Казвини ⁴¹. Оба они занимали крупные государственные должности при монгольских правителях — ильханах, имели доступ не только к богатейшим библиотекам, но также к официальным документам.

д. Основной труд Рашид ад-дина «Джами ат-таварих» («Собрание летописей») — важнейший источник по исто-

³⁹ Jacut, II, 478; IV, 364.

⁴⁰ Caswini, Kosmographie, I—II. См: Крачковский, Избр. соч., т. IV, стр. 358—366; Генко, Арабский язык, стр. 94; EI, II, 891—895.

⁴¹ Подробное исследование творчества Рашид ад-дина и Хамдуллаха ал-Казвини см.: Петрушевский. Рашид ад-дин; его же, Хамдуллах Казвини.

рии Азербайджана и Дагестана XIII в. Для Дагестана наиболее важен раздел, который посвящен истории государства ильханов, от Хулагу до Газан-хана, который и проливает в некоторой степени свет на политическую и экономическую историю южного Дагестана, на процесс феодализации этого района, на экономические и идеологические предпосылки, приведшие к усилению процесса исламизации отдельных районов Дагестана.

Из сочинений персидского историка и географа Хамдуллаха Казвини (1281/2—1349), нельзя не упомянуть «Нузхат ал-кулуб» («Услада сердец») ⁴² с его описанием хозяйственной жизни Дербента, сведениями об арабомусульманском населении города.

Большая часть арабских и персидских источников, освещающих события XIII—XIV вв., стала широко известна, благодаря огромному труду В. Г. Тизенгаузена, подготовившего к печати два тома извлечений по истории Золотой Орды ⁴³.

В I томе интерес представляет только автор XIV в. Ибн Баттута, совершивший путешествие в столицу Золотой Орды — Сарай, при Узбеке (1312—1342). Правда, непосредственно о Дагестане Ибн Баттута ничего не сообщает, но его упоминание о дагестанском правоведе в столице Золотой Орды позволяет судить о роли мусульманских элементов из Дагестана в религиозной жизни Золотой Орды.

II том представлен сведениями персидских авторов, среди которых следует выделить Низам ад-дина Шами, писавшего в самом начале XV в. Его «Зафар-наме» («Книга побед»), доведенная до 1404 г. — полноценный источник по истории войн Тимура в Дагестане в конце XIV в. Причем географические сведения Шами позволяют остановиться на вопросах исторической географии, а показ борьбы между мусульманами и «кяфирами» дает представление о рамках ислама в Дагестане в конце XIV в. и о политике Тимура по насаждению ислама.

Данные Шами почти полностью вошли в «Книгу побед» (закончена в 1424/1425 г.) другого автора — Шереф ад-дина Йезди (ум. в 1454), причем он дает ряд важных дополнений к тексту своего первоисточника.

⁴² Сведениями Х. Казвини мы пользуемся в переводе И. П. Петрушевского и по тексту с немецким переводом Б. А. Дорна (см. Дорн, Beitrage; EI, II, 895—896).

⁴³ Тизенгаузен, I—II.

Однако при использовании сведений Шами и Йезди необходимо иметь в виду тенденциозность этих придворных историографов, восхвалявших, в основном, походы Тимура и, как писал В. Г. Тизенгаузен, превращавших иногда поражения Тимура в его победы. Критически должны быть осмыслены, в частности, отрывки о «неверных» в Кайтаке в конце XIV в., имея в виду обычные политические приемы завоевателя, объявлявшего «неверными» также мусульман, если они в данный момент представляли воюющую сторону.

Таким образом, общий обзор источников на арабском и персидском языках устанавливает их ценность и важность, как единственных письменных данных, характеризующих первый этап проникновения ислама в Дагестан. Будучи, в основном, свидетелями политической и идеологической жизни, они, вместе с тем, дают представление о социально-экономических условиях исламизации Дагестана. Весьма характерно то обстоятельство, что арабские историки и географы (хотя они, за редкими исключениями, не бывали в Дагестане) оказались наиболее достоверными из всех авторов внедагестанского происхождения. Вопросы исторической географии изложены, например, с таким знанием местности, которым не могли похвалиться иные авторы в XIX в. Очевидно, арабская географическая и историческая литература обязана этим административной и налоговой политике халифата, немислимой без более или менее достоверного и точного описания входящих в его состав земель.

Описание второго этапа распространения ислама (IX—XV вв.) может быть основано преимущественно на источниках местного происхождения, разнообразных по происхождению и содержанию и охватывающих такие области как письменная литература, эпиграфическое наследие, фольклор, топонимика.

Наиболее раннее произведение («История Ширвана и Дербенда») ⁴⁴ местного происхождения (не считая эпиграфических памятников), относится к XII в. Оригинал сочинения до нас не дошел, но оно сохранилось в передаче турецкого автора XVII в. Мюнаджжима баши, включившего историю Дербента в свой многотомный

⁴⁴ Minorsky, Studies; Minorsky, History; Минорский, История.

труд «Собрание династий»⁴⁵. Текст «Истории Дербенда и Ширвана» был составлен в 1106 г. Автор его не известен, но превосходное знание Дербента, его жителей, их обычаев, политической истории, топографии города, социальных слоев, отношений с соседями — все это позволяет думать, что он был жителем Баб ал-абваба.

«История Дербенда и Ширвана» охватывает внутреннюю жизнь и внешнеполитические акции города с конца VIII в. до 1075 г. и помимо очень важных сведений о социальной структуре города и его полной военных перипетий жизни дает краткий, но единственный в своем роде обзор деятельности «гази» («воителей за веру»), крепко обосновавшихся в городе и принимавших энергичное участие в «битвах за веру». Это дополняется первыми в источниковедении Дагестана упоминаниями о вакуфной собственности и других формах вознаграждения «борцов за веру». Дербент предстает в «Истории» как крупный на Восточном Кавказе религиозный центр и пропагандист ислама.

С Дербентом связана и другая историческая хроника, давно привлекающая внимание исследователей — «Дербенд наме»⁴⁶.

Вопрос о происхождении «Дербенд наме» и его первоначальном языке явился предметом специальных исследований⁴⁷.

Как сообщает В. В. Бартольд, наиболее ранняя из дошедших до нас списков — румянцевская версия — написана по-турецки и по этому списку и можно установить, что сочинение Мухаммеда Аваби было сокращенным переводом другого «Дербенд наме», написанного по-персидски⁴⁸.

При изложении политических событий, в частности,

⁴⁵ Выдержки из турецкого перевода Мюнаджжима баши, касающиеся Дагестана, были впервые использованы в европейской литературе немецким востоковедом К. Э. Захау (1845—1930) — см.: Sachau. Описание рукописей сочинения Мюнаджжима баши., в том числе и использованной В. Ф. Минорским рукописи — см.: Dietrich, стр. 268.

⁴⁶ Derbend-Nameh. (Весьма положит. отзыв — см. Дорн, Отзыв); Дербенд наме (Резко отрицательный отзыв о русском издании — см. Е. В.) Самый ранний печатный перевод — см. Reipegg's; французский перевод — см. Klaroth (положит. отзыв — Минорский, История, стр. 21).

⁴⁷ Бартольд. К вопросу, стр. 42—58; Саидов. Дербенд наме.

⁴⁸ Бартольд. К вопросу, стр. 51.

в рассказе о взаимоотношениях хазар и персов, о строительстве сасанидами дербентских укреплений, о походах арабов в Дагестан автор «Дербенд наме» пользовался трудами ал-Белазури, ал-Йакуби, ат-Табари и др. В. Ф. Минорский находит в ряде описаний связь между «Дербенд наме» и «Тарих ал-Баб»⁴⁹. Однако в хронике очень много новых данных. Дополнения фактического характера идут в сторону восхваления арабского оружия и ислама. Вопросам ислама и его распространения в Дагестане уделяется чрезмерно большое внимание⁵⁰, из чего можно заключить, что сочинение составлено одним из сторонников признания победоносного шествия ислама при первых походах арабов на восточный Кавказ.

Вопрос о начальном этапе проникновения ислама в Южный Дагестан нашел отражение в исторической записи, которую называют «Историей Абу Муслима»⁵¹.

«История Абу Муслима» — рассказ анонимного автора о пребывании Абу Муслима в Южном Дагестане, в частности, в лезгинских районах. Основная задача автора — показ процесса захвата Абу Муслимом Южного Дагестана и укрепления здесь ислама.

В настоящее время известно несколько списков «Истории Абу Муслима», но ни один из них не упоминает имя автора. Сравнение списков и привлечение эпиграфического материала позволяет считать X в. временем, в котором разворачиваются описанные в хронике события, выявляя, таким образом, вопрос о времени и методах усиления исламизации Южного Дагестана.

Многие вопросы социально-экономической и религиозной жизни средневекового Дагестана находят освещение в знаменитом «Тарихи Дагестан», приписываемом Мухаммеду Рафи (XIV в.)⁵².

Сочинение откровенно мусульманского направления является попыткой подвести теоретическую базу под власть дагестанских шамхалов и освятить их власть близостью к пророку. В. Ф. Минорский так оценил «Тарихи Дагестан»: «В целом работа Муллы Мухаммада Рафи или ее последняя редакция, — тенденциозный политиче-

⁴⁹ Минорский. История стр. 23—24.

⁵⁰ *Derbend-Nameh*, 517—520, 543—546.

⁵¹ Khanikoff, *Mémoire*.

⁵² *Derbend-Nameh*, стр. 659—677; Дербенд наме, прилож. IX; ССКГ, V, 1870, стр. 1—30.

ский памфлет, имеющий целью обосновать претензии шамхалов на преобладающее положение в Дагестане»⁵³.

Вместе с тем нельзя не отметить одно обстоятельство, выделяющее «Тарихи Дагестан» среди других местных исторических хроник и записей. Впервые в подобного рода литературе отчетливо выражена мысль о политической раздробленности как трагедии народов Дагестана в период нашествия монголов. Концепция политического единства, высказанная в сочинении Мухаммеда Рафи, перекликалась с объединительными тенденциями газикумухских шамхалов.

Значительная часть местных источников — из коллекции кайтакских уцмиев — обнаружена в 1830 г. академиком Ад. Берже и опубликована во II-м томе «Актов Кавказской археографической комиссии». Из включенных сюда документов особую ценность представляют два источника:

1. Родословие Рустама Уцмия-хана, «переписанное со старой рукописи 1030 г.» (1620)⁵⁴.

2. Список с «древнего родословного дерева», сделанный Мухаммедом Хиналукским в 861/1456⁵⁵.

Первый из указанных источников представляет наибольший интерес ввиду перечисляемой там генеалогии уцмиев. Имена некоторых из предков уцмиев связаны с борьбой за распространение ислама в Кумухе, Кайтаке, Табасаране, среди кумыков и аварцев. Следовательно, определение времени, когда жили указанные лица, позволяет нам не только проследить хронологически ход распространения ислама в Дагестане, но также проверить достоверность известий «Тарихи Дагестана» и других исторических хроник о повсеместном распространении ислама в Дагестане в VIII—IX вв.

Сочинение Мухаммеда Хиналукского, очень мало привлекаемое исследователями, не содержит сведений о религии и религиозной деятельности, но материал о тесных ширвано-дагестанских контактах рисует политическую и социальную обстановку окончательного утверждения ислама в Дагестане.

Неоценимыми источниками для разработки вопросов, связанных с религиозной, вообще культурной жизнью

⁵³ М и н о р с к и й, История, стр. 25.

⁵⁴ Акты, II, стр. 1072—1073.

⁵⁵ Акты, II, стр. 1076—1077.

средневекового Дагестана, являются многочисленные надписи, обнаруженные за последнее столетие на территории Дагестана и относящиеся в основном к XI—XV вв.

По количеству этих надписей Дагестан занимает первое место на Кавказе. За последнее время количество обнаруженных надписей значительно увеличилось. Собрание и изучение эпиграфического наследия Дагестана связано с именами Н. В. Ханькова, Б. А. Дорна, К. К. Фезе, а в наши дни — В. А. Крачковской, М. С. Саидова, М. Х. Нейматовой, Л. И. Лаврова⁵⁶. Ряд надписей опубликован автором данной работы.

В первой крупной сводной работе — монографии Л. И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв.»⁵⁷ собрано и описано более 450 надписей.

Значение надписей в изучении этого вопроса огромно. Утверждение о том, что арабские надписи на камнях — основной источник для изучения истории ислама в Дагестане в X—XV вв., не будет преувеличением. Эпиграфический материал, повествующий о строительстве культовых сооружений, относится к XI—XV вв., выделяя этот период как время интенсивной исламизации отдельных районов Дагестана. Значение этих надписей повышается также особой достоверностью их, как неоднократно это отмечалось исследователями.

Таким образом, весь рассмотренный материал по истории одной из монотеистических религий в Дагестане подтверждает мысль о вполне солидной источниковедческой базе по данному вопросу, материал этот может охарактеризовать как политические и социально-экономические предпосылки исламизации Дагестана, так и темпы проникновения ислама и методы его распространения.

Материал дает также возможность говорить о конкретных носителях мусульманских идей.

Одним из первых обратил внимание на арабские источники по истории Дагестана и Кавказа член Петербургской Академии Наук Юлий Клапрот. Но в своем сочинении⁵⁸ он, в основном, воспользовался, видимо, данными «Дербенд наме». Некритическое отношение к этому источнику привело к тому, что Клапрот признает завоева-

⁵⁶ См. библиографию.

⁵⁷ Лавров, Эпиграфические памятники.

⁵⁸ Klaproth, Tableau.

ние (после разгрома хазар в 732 г.) всего Дагестана и распространение Абу Муслимом ислама среди всех его жителей⁵⁹.

Автор справедливо подчеркивает роль многочисленных арабских колоний в укреплении завоеванной территории и в распространении ислама⁶⁰. Однако наличием арабских колонистов в VIII в. нельзя объяснить (как это делает Клапрот) значительное количество арабских слов «в наречиях лезгин».

Данными «Дербенд наме» исчерпывались, по-видимому, сведения об исламе, имевшиеся и в распоряжении крупного дагестанского ученого Хасана эфенди Алкадари⁶¹. Небольшой отрывок его сочинения «Асари Дагестан»⁶² освещает период арабских завоеваний, где признает успешную миссию арабских завоевателей по утверждению ислама в Дагестане.

Обстоятельное изучение многих проблем истории Кавказа связано с именем известного ориенталиста Б. А. Дорна (1805—1881).

Специального труда по истории религии до X века у него нет, но политические события, изложенные в его трудах⁶³ дают большой материал для ознакомления с перспективами распространения мусульманства.

Сведения арабских и персидских авторов, извлеченные им и изданные на языке подлинника с параллельными переводами⁶⁴, являются тем необходимым материалом, без которого невозможно описать религиозное движение в Дагестане. Будучи командирован Академией наук с научной целью на Кавказ и южное побережье Каспийского моря (1860—1861 гг.), он побывал в Дагестане, в частности, в Кубачах, Кала-Корейше, дал описание эпиграфического материала⁶⁵, а также опубликовал и исследовал известия Абу Хамида ал-Андалуси о необычном погребальном обряде зирихгеранцев⁶⁶.

⁵⁹ Там же, стр. 13.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ О нем: Крачковский, Дагестан и Йемен, стр. 358—360 (Крачковский. Избр. соч., VI); EI, I, 913; Абдуллаев, Из истории, стр. 215—259; Баймурзаев, Из истории.

⁶² Алкадари, Асари Дагестан.

⁶³ Дорн, Каспий; Dorn, Beitrage.

⁶⁴ Dorn, Beitrage; Dorn, Vierzehn Schriftstellern.

⁶⁵ Дорн, Отчет.

⁶⁶ Dorn, Die jetzigen Kubätschi, стр. 717—740.

Особо должна быть отмечена деятельность Н. В. Ханькова (1822—1878), «одного из тех русских востоковедов, которые ни по специальному образованию, ни по роду службы не принадлежали к числу профессиональных ученых, но тем не менее оставили в различных областях востоковедения очень видный след»⁶⁷.

Работы его⁶⁸, главным образом, посвящены арабской и персидской эпиграфике на Кавказе, особенно в Дагестане, и деятельность его в данной области тем более знаменательна, что, как отмечал И. Ю. Крачковский, многие памятники эпиграфики, описанные им, навсегда погибли и сведения его остаются единственными. Неоднократно возвращаясь к вопросу исламизации Дагестана, он опровергает на богатом фактическом материале версию о пребывании Абу Муслима в Дагестане. Здесь же дается список «Истории Абу Муслима», переписанный в 1185 г. (1780—81) и доставленный из Дагестана в 1842 г. князем Гр. Гагариным⁶⁹.

Изучение арабских надписей, собранных членом-основателем Петербургского нумизматического общества И. А. Бартоломеем в Южном Дагестане, и количественное размещение их дало Н. В. Ханькову возможность утверждать, что именно в Самурском округе преимущественно и скорее, чем где-либо «принялся и привился арабский элемент, внесенный туда последователями пророка огнем и мечом» и что «эпохой процветания его» были XII и XIII века⁷⁰.

В результате изучения фактического материала Н. В. Ханьков изменил свои взгляды на методы распространения ислама. Если в «Археологическом известии» внесение ислама автор считает насильственным актом, то, судя по «Mémoire», «новая религия проникла в равнины и горы Кавказского перешейка не посредством победоносного оружия честолюбивого владыки, а была внесена посредством ревностного фанатизма, глубокого убеждения в абсолютной истинности их веры»⁷¹.

Особое внимание вопросам, связанным с историей

⁶⁷ Крачковский, Очерк, стр. 193.

⁶⁸ См. библиографию.

⁶⁹ Ханьков Н. В. Археологические известия, «Кавказ», № 52, 1850.

⁷⁰ Khanikoff, Mémoire.

⁷¹ Бартольд. Дербенд.

Восточного Кавказа и Дагестана, в частности, уделял крупный востоковед академик В. В. Бартольд (1869—1930), много сделавший для изучения древней и средневековой истории Средней Азии и Кавказа.

Помимо публикации неизвестных источников, связанных с историей, политической и культурной жизнью Восточного Кавказа, В. В. Бартольд две свои работы посвятил, в основном, Дагестану. Одна из них посвящена только Дербенту, и хотя она явилась первым опытом собрания и систематизации сведений о Дербенте, В. В. Бартольд в ней не останавливается на вопросах религии и степени распространения ислама в Дагестане. Задача эта была выполнена позже, в лекциях, прочитанных в 20-х годах в Бакинском Университете⁷².

В последней работе большое внимание уделяется исламу в Дагестане, его роли и границам к X веку. В. В. Бартольд показал, что ислам на первых порах не знал миссионерства, что носители этой религии не преследовали ни христиан, ни зороастрийцев, и особо подчеркнул мысль об ограниченных рамках проникновения ислама в Дагестан, включивших фактически только район Дербента.

Из дагестанских советских историков, интересовавшихся историей раннесредневекового Дагестана и вопросами ислама, следует отметить Али Гасанова⁷³, переводчика «Асари Дагестан» Хасана эфенди Алкадари.

Свои взгляды на темпы и хронологические рамки распространения ислама в Дагестане А. Гасанов приводит в примечаниях к «Асари Дагестан». Он признает возможность построения мечетей в Дербенте и близ него, но указывает на невозможность этого в VIII в. в таких пунктах, как Кумух, Хунзах, Ахты и т. д. Все это, по словам автора, стало возможным только примерно через 200—300 лет, «когда культура арабская достигла своего кульминационного развития и когда миссионеры ислама высоко подняли авторитет халифата в глазах кавказских племен»⁷⁴. Однако, определение это становится недостаточным в применении к событиям после XI в; можно заключить, что в XI в. в основном закончился процесс исламизации Дагестана.

⁷² Бартольд, Место.

⁷³ Гасанов. Краткая история.

⁷⁴ Алкадари, стр. 172 (прим.)

После А. Гасанова вопрос об исламе в Дагестане долгое время оставался вне поля зрения исследователей, пока в 1936 г. к нему не обратился профессор С. В. Юшков. Его работа «Рукопись по истории Дагестана»⁷⁵ состоит из ряда статей, в том числе «Народы Дагестана в IV—VII вв.» и «Арабские завоевания». Хотя источниковедческая база исследования бедна, автор выдвигает ряд заслуживающих внимания положений. Он первый связал воедино два вопроса — уровень социально-экономического развития Дагестана и принятие ислама.

Касаясь вопроса проникновения ислама, С. В. Юшков обращает внимание на невозможность этого процесса в VII—VIII вв. ввиду того, что арабам не удалось прочно завоевать Дагестан. Он подчеркивает, что арабское влияние могло проявиться только на юге, а Северный Дагестан находился под экономическим и культурным влиянием хазар⁷⁶, отрицая тем самым культурные и экономические контакты с Арменией и Грузией в раннем средневековье. Своеобразно понимал также С. В. Юшков вопрос о культурном влиянии арабов: «Естественно, — пишет он, — арабская культура не могла распространиться из Дербента, где сидело несколько тысяч бойцов, вероятно, даже и не арабов»⁷⁷. С. В. Юшков характеризует также арабские завоевания, особо акцентируя внимание на их роли в ускорении процесса феодализации Дагестана (плоскостная часть)⁷⁸.

Вслед за статьями С. В. Юшкова вышла в свет работа Р. М. Магомедова «Завоевание арабами Дагестана в VIII—IX вв.»⁷⁹, в которой автор, не ставя перед собой задачи подробно остановиться на вопросах религии, ограничивается кратким выводом: «арабы в этот период не могли оказать какого-либо решающего культурного влияния на Дагестан. И распространение ислама и арабского влияния в горах шло медленно, в течение ряда веков. Христианство удерживалось в отдельных местах Дагестана вплоть до XIX в.»⁸⁰.

Более определенно мысль об исламизации Дагеста-

⁷⁵ Юшков, Рукопись.

⁷⁶ Там же, лл. 45—46.

⁷⁷ Там же, лл. 47—48.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Магомедов. Завоевание.

⁸⁰ Там же, л. 45.

на выразил проф. Р. М. Магомедов в школьном курсе «Истории Дагестана», где отмечены отсутствие в этот период «широких предпосылок для внедрения новой религии, которую арабы насильственно распространяли в Дагестане». Автор признает исламизацию лишь части территории, прилегающей к Дербенту, в то время как «в остальных районах новая религия не получила распространения даже в IX—XI вв. В Средний и Западный Дагестан ислам начал проникать, видимо, не ранее XI в.»⁸¹. Последствия арабских завоеваний охарактеризованы в работе слишком категорично: «Арабские миссионеры, чтобы подорвать влияние других религий, прибегали к варварскому уничтожению всего, что было связано с древнейшей культурой горцев. Уничтожались письменные источники и художественные памятники, разрушались языческие и христианские памятники»⁸².

Наиболее полную работу по изучению истории ислама в Дагестане проделал А. Н. Генко, который «дает суммарную, но продуманную характеристику всех основных категорий арабских источников, связанных в той или иной мере с Кавказом»⁸³.

А. Н. Генко затронул и разрешил в своей работе ряд вопросов по истории мусульманской религии в Дагестане. К ним в первую очередь относится показ медленных темпов и позднего распространения ислама. Касаясь главным образом значения арабских источников в изучении истории Кавказа (в основном Дагестана), автор в то же время дает краткий, но вполне достаточный перечень данных из различных источников, дающий ему полное право на следующий вывод: «Традиционная для XIX—XX вв. концепция о древнем распространении ислама среди горского населения Дагестана оказывается именно для большей части чистейшей фикцией»⁸⁴. А. Н. Генко первый обратил внимание на значение арабского этнического элемента в Дагестане.

Значительное место среди историков, изучавших историю Дагестана, принадлежит дагестанскому ученому Али Каяеву, усердному собирателю исторических

⁸¹ Магомедов, История, стр. 77—78.

⁸² Там же, стр. 82.

⁸³ Крачковский, Очерки, стр. 100.

⁸⁴ Генко, Арабский язык и кавказоведение, стр. 103.

сведений о Дагестане и серьезному их интерпретатору. Некоторые данные (отдельные записи из рукописей, эпиграфический материал и т. д.) дошли до нас только в его передаче⁸⁵. В вопросах истории ислама и арабских завоеваний А. Каяев стоит на традиционной точке зрения.

Исламу в Дагестане посвящен ряд статей ст. научного сотрудника Института ИЯЛ М.-С. Саидова. Наряду с изданием памятника обычного права — Гидатлинских адатов⁸⁶, а также ряда эпиграфических памятников, представляющих большую ценность в определении места ислама в лакских районах в XIV—XV вв.⁸⁷, М.-С. Саидов посвятил отдельную статью версии о пребывании Абу Муслима в Дагестане⁸⁸ в XI в. и показал несостоятельность этой версии.

Относительно времени распространения мусульманской религии в Дагестане М.-С. Саидов останавливается на XI веке как времени усиленного распространения ислама: «Распространение ислама в западной и северной части Дагестана относится к XI в., но не раньше»⁸⁹.

Значительную работу по изучению религиозных верований на Северном Кавказе, в том числе и Дагестане, проделал Л. И. Лавров. Итоги его многолетних работ объединены и систематизированы в книге «Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв.», изданной в 1966 г. издательством «Наука». В обширных комментариях к богатому эпиграфическому материалу Л. И. Лавров неоднократно останавливается на вопросах, связанных с проникновением ислама в Дагестан. Проследивая этапы распространения ислама в Дагестане, автор вносит ряд убедительных уточнений в существовавшие ранее взгляды на отдельные вопросы проникновения монотеистических религий в Дагестан. Так, например, новое чтение надписи из Кубачи позволило отказаться от прочно вошедшего в науку мнения о принятии кубачинцами ислама в начале XV в. Материалы, привлеченные в книге, дали также ученому возможность

85 К а я е в. Материалы.

86 Гидатлинские адаты.

87 Саидов, О некоторых памятниках.

88 Саидов, О распространении.

89 Там же, стр. 50.

прийти к выводу о широком бытовании в Дагестане в X—XVII вв. арабского письма и грамоты, проследить время проникновения ислама на Северный Кавказ.

Большую ценность при изучении истории ислама в Дагестане представляют труды русских дореволюционных и советских ученых, зарубежных востоковедов, создавших общие труды по истории ислама и мусульманской культуры. В первую очередь могут быть названы труды А. Е. Крымского, В. В. Бартольда, А. Э. Шмидта, И. Ю. Крачковского, А. Кремера, И. Гольдциера и А. Меца.

Подводя итоги работе дореволюционных и советских историков по изучению истории ислама в Дагестане, можно отметить: почти все авторы, вопреки историческим хроникам, признают позднее распространение ислама, вступая в противоречия друг с другом только в отношении определения времени после X века. Кроме того, в научных работах ряда авторов серьезное внимание было обращено на значение походов Тимура, на судьбы ислама в Дагестане; опубликовано много эпиграфических данных по средневековой истории Дагестана.

Однако ряд вопросов, связанных с исламом в Дагестане, не только не разработан, но и не был поставлен как предмет научного исследования.

В основном это касается таких важных вопросов, как социальные и экономические предпосылки распространения ислама в Дагестане и последствия его распространения; распространение ислама и феодальное общество в Дагестане; ислам и вопросы культуры и письменности; проводники идеологии ислама, роль Ширвана, Дербента, арабских, тюркских и монгольских элементов в распространении ислама; роль и место проповедников ислама; отражение религиозной борьбы в фольклоре и топонимике Дагестана.

Настоящая работа и посвящена изучению указанных вопросов.

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДАГЕСТАНА В IV—X вв.

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДАГЕСТАНА В IV—X вв..

При изучении вопросов исторической и этнической географии Дагестана мы сталкиваемся с весьма интересным явлением — начиная с IV в., особенно с VI в., чрезвычайно обогащается терминология авторов, писавших о Дагестане. Многообразнее становится тематика, точнее и внимательнее наблюдения авторов.

Территория восточного Кавказа, в том числе и Дагестана, уже не предстает в виде единой, хотя и многоплеменной Албании, с ее то соседями, то компонентами — легами и гелами. Появляются новые наименования, новые государственные образования, стали упоминаться неизвестные раньше племена. Уже в IV в. армянский автор называет более десятка дагестанских племен, которые выставили свои войска в помощь маскутскому царю против правителя Армении. Вот названия этих племен — хоны, похи, таваспары, хачматаки, ижмаки, гаты, глуары, гугары, шичбы, чилпы, баласины и т. д.¹

Другой автор, тоже армянский, называет додоев, леков, каспов, маскутов, тапатаранов, агутаканов, хенокков, чигбов и т. д.² Однако наиболее часто применяемым и емким остается термин «леки». Этот термин присущ, в основном, грузинским источникам, но употребляют его и армянские авторы³, хотя и значительно реже. Под этим термином они подразумевают не одно племя, а все дагестанские племена, а в конкретных случаях и отдельные племена, принимавшие участие в том или ином событии. Употребление этого термина — дань грекоязычной и латиноязычной традиции, оставившей сведения о гелах

¹ Бузанд, кн. III, гл. 7 (по книге Тревер Очерки, стр. 191—192).

² Патканов, стр. 29.

³ Егише, стр. 195 («гелы»).

и легах, северных соседях албан, в ряде случаев входивших в албанский союз. Для IV в. и более поздних времен этот термин звучит поэтому анахронизмом, отражая лишь этнографическую общность дагестанских племен, а не уровень социально-политического развития общества.

Эволюция знаний авторов о Восточном Кавказе, обогащение сведений о нем, его племенах, новые данные — все это находит объяснение в изменениях экономической и политической структуры общества.

Распад Кавказской Албании (вернее, включение ее в состав Ирана в качестве отдельного наместничества с середины V в.) и внутренние процессы, приведшие к дальнейшему укреплению территориальной общины, привели к образованию на территории современного Дагестана ряда мелких политических объединений, крохотных государств — Дербенд, Лакз, Табасаран, Серир, Гумик, Кайтак, Филан, Маскат, Зирихгеран и др. Границы этих владений, как правило, подвергались со временем существенным изменениям, влияние одних падало, другие же владения росли, включая новые территории. Но общая тенденция выражалась в стремлении к созданию более или менее крупных государственных единиц, независимых друг от друга, складывавшихся обычно по этническому принципу. Характерно, что, начиная с VI—VII в., положение новых государственных единиц вырисовывается более четко и определеннее. Границы их становятся более или менее стабильны, этническое лицо политических образований в основном определяется.

Дербенд, Лакз, Серир, Табасаран, Зирихгеран, Кайтак (Джидан), «царство гуннов», Хазария и др. единицы приобретают определенный территориальный и этнический облик.

Прежде всего следует говорить о Дербенде. Дербенд (точнее «дар банд») — это персидское слово, которое можно перевести, как «узел ворот». Впоследствии арабы точно передали это слово сочетанием Баб ал-абваб — «ворота ворот». Определение это наиболее наглядно и точно отражает значение города, возникшего на том месте, которое служило узловым пунктом, связавшим Северный Кавказ с Закавказьем, со странами Ближнего Востока, участком важного экономического и стратегического значения. Первые сведения о Дербенде легендарны, связаны с именем Александра Македонского,

однако раннее заселение плодороднейших земель у Дербентского прохода засвидетельствовано археологическими данными. Еще в I в. н. э. этот район получил название «Каспийские ворота», причем грекоязычные и латинские авторы I и II вв. применяют такие термины, которые можно перевести не только как «двери», «ворота», но и как «запор», «преграда», «вал», «пограничная крепость». Это дает основание предполагать, что во второй половине I в. н. э. здесь уже существовали какие-то стены и укрепления⁴. Впоследствии здесь был построен грандиозный комплекс оборонительных сооружений, остатки которых и поныне поражают воображение человека.

Уже в V в. Дербенд выступает не только как военно-административный пункт, ограждавший Закавказье от набегов северных кочевых племен, но также как город, как крупный политический и экономический центр на Восточном Кавказе, столица одного из наместничеств державы Сасанидов.

Раннесредневековые армянские авторы дают этому району наименования Чога и Чор, которые можно перевести с армянского как «ущелье»⁵. В середине V в. армянские авторы уже сообщают о правителе Джора и о Джорской стране⁶. Локализация Чога еще спорна. Одни склонны видеть в Чога только Дербенд, другие же отождествляют его с городищем Торпах-кала близ станции Белиджи⁷.

Эти взаимоисключающие мнения — отражение противоречивых сообщений самих армянских авторов, оставивших нам сообщения о Чоге. Автор «Истории агван» пишет о «воротах Чога, недалеко от Дербенда»⁸. В то же время этот же автор сообщает о Дербенде, где арабский полководец Маслама «не разрушил восточного патриаршего дворца, который еще и до сих пор существует в нем», а этот «патриарший» дворец, по едино-

⁴ Тревер, Очерки, стр. 274.

⁵ Тревер, Очерки, стр. 276. Моисей Хоренский так и пишет: «Ущелье Чора» (Хоренский, История Армении, стр. 113), а Себеос — «проход Джора», «Крепость Джора» (Себеос, История, стр. 24, 76, 159), у Гевонда «проход Чора» (Гевонд, История халифов, стр. 28.)

⁶ Егише, стр. 122, 123—125.

⁷ Исаков, стр. 156—157; Очерки истории Дагестана, стр. 33.

⁸ Каганкатваци, стр. 192.

душному мнению раннесредневековых армянских авторов, находился в Чога.

Можно предположить, что вопрос этот должен быть разрешен с учетом хронологических рамок, а также двух традиций — армянской и персидской, когда более ранняя, армянская, давшая проходу название Чора, была, возможно, использована ираноязычными авторами, которые передали это название как «Дарбанд», сохранив тем самым значение термина.

Так обстоит дело с названием прохода в целом, а не отдельного пункта. Очевидно, отождествление Чора (Чога) с Дербендом имело место только после того, как возник Дербенд как город, центр политической и культурной жизни. К югу от Дербенда расположено одно из крупнейших в Дагестане городищ, вокруг которого сохранились остатки стен с башнями и воротами. Городище было окружено глубоким рвом⁹. Это городище и носило, очевидно, название Чога¹⁰. Впоследствии с ростом значения Дербенда и строительством оборонительной стены значение Чога падает и название полностью переносится на Дербенд. Поэтому известны случаи, когда рядом с городом Дербенд назван «проход Чора»¹¹ или «врата Чога»¹². Соседние Дербенту народы и поныне называют город именем, весьма сходным с Чор: лакцы — Чуруль, даргинцы — Чулли.

Постепенно Дербенд выдвигается на первый план, превратившись в крупнейший город Кавказа, резиденцию иранских, потом арабских наместников, а впоследствии местных правителей.

Земли, подвластные городу, были незначительными, простираясь на несколько десятков километров к югу и юго-западу от города, что можно объяснить военно-политическим престижем соседних владений (Ширван, Лакз, Табасаран и т. д.). Город существовал самостоятельно, но иногда подпадал под власть Ширвана, и тогда он становился своего рода периферийным центром ширваншахов.

В ближайшем соседстве с Дербендом расположен Табасаран, самостоятельное существование которого

⁹ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 33.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гевонд, стр. 27—29.

¹² Каганкатваци, стр. 192.

уже можно отнести к IV в., а у армянского автора, кроме сообщения о войске таваспаров имеются сведения о «всем корпусе Таваспарана»¹³. Армянская хроника М. Хоренского (новый список) также знает «народ тапатараны» наряду с дидоями, леками, чигбами и др.¹⁴. «Бассейн реки Рубас, текущей прямо на юг от Дербендского водораздела образует область Табасаран, населенную особыми племенами горцев, хотя и со значительной примесью иранских поселенцев (так называемых татов)»¹⁵.

Население здесь действительно было этнически разнородным, хотя преобладающее место занимали местные жители — табасаранцы. Колонии персидских поселенцев, а также арабских семей здесь также были многочисленны, и это подтверждалось как письменными источниками раннего средневековья, так и позднейшими статистическими данными.

Правитель владения носил титул табасараншах. Земля табасаранцев раньше других подвергалась иноземным нашествиям, ибо находилась в непосредственной близости к Дербенду. «Они (т. е. жители Табасарана) — народ наиболее близкий Баб ал-абвабу»¹⁶.

Это была богатая и густонаселенная страна со множеством укрепленных населенных пунктов. Наиболее древними из них являются Дарвак, Ерси, Дювек, Марате и др.

Непосредственная близость к Дербенду служила причиной того, что Табасаран часто враждовал с ним или же подпадал под политическую зависимость от дербендских феодальных правителей. Еще при сасанидских правителях отряды табасаранцев охраняли дербендские крепостные ворота¹⁷, т. е. входили в число надежных правительственных войск.

«Страна Лакз» была расположена в Южном Дагестане и охватывала в основном территорию, занимаемую сейчас народами лезгинской группы языков. Авторы, писавшие о Лакзе, располагают его близ Дербенда

¹³ Егише, стр. 157.

¹⁴ Хоренский. Новый список, стр. 29.

¹⁵ Минорский. История, стр. 125.

¹⁶ Maçoudi, II, 7.

¹⁷ Doignon, V, 551.

и Табасарана. Один из них указывает на наличие общей границы между Лакз и Ширваном¹⁸.

Белазури сообщает, что арабский полководец Мерван, после того как разбил хазар, поселил их между Самуром и Шабираном «на равнине в области Лакз»¹⁹. Это говорит о том, что территория Лакза охватывала также земли южнее Самура, называемые ныне Мушкур, т. е. территории бывшего Маската.

«Опорой царства его (т. е. ширваншаха) является царство ал-Лакз, многочисленный народ которого живет на вершине этой горы»²⁰.

Маршрут войск Мервана Серир — Гумик — Зирихгеран — Хамзин — Табасаран — Лакз — Ширван²¹ также позволяет расположить Лакз между Табасараном и Ширваном, т. е. на территории лезгин. Йакут так и пишет, «Лакз — страна за Дербендом»²² или «примыкает к нему (т. е. Маскату) страна ал-Лакз, а они народ многочисленный... Между ними и Баб ал-абвабом — страна Табасаран-шах»²³.

Только единственный автор, ал-Масуди, локализует в стране ал-Лакз также дидойцев («дуданийя»); «и среди них (—т. е. жителей Лакза) имеются неверные, которые не подчинились царю Ширвана. Называют их аддуданийя — язычники и не подчиняются (никакому) правителю»²⁴.

Известно также еще одно политическое образование — земля Базгун, примыкавшая к Дербенду с юга. «Базгун, — пишет сирийская хроника, — земля со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских»²⁵. При чем «земля» в понятии автора означала страну, область, государственную единицу с определенным географическим положением²⁶.

¹⁸ СМОНПК, вып. 29, стр. 31.

¹⁹ Белазури, Футух, стр. 215; Белазури (пер. Жузе) стр. 12—13 (араб.) 18 (пер.).

²⁰ Maçoudî, II, 5—6; Минорский, История, 191.

²¹ Белазури, Футух, стр. 215—216; Белазури (пер. Жузе) 13, 19.

²² Jacut, IV, 364.

²³ Jacut, I, 438.

²⁴ Maçoudî, II, 6; Минорский, История, стр. 191—192.

²⁵ Пигулевская. Сирийские источники, стр. 165.

²⁶ Пигулевская. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа, стр. 108.

Географическое положение Базгуна делает возможным отождествлять Базгун с Маскатом, что к югу от Дербенда. Армянский историк Моисей Хоренаци писал о территории, занимаемой жителями Маската: «Маскаты — до самого моря, куда примыкает рукав (отрасль) Кавказа, где проведена стена Дарбанда»²⁷, а Егише, армянский автор V в., в своей «Истории» пишет о «войске максутов», «подшедших через ущелье Джора».

Арабский энциклопедист Якут, пользовавшийся ранними известиями, так и писал, что «Маскат — это область на побережье Хазарского моря, перед Баб ал-абвабом, между ним и Лакзом». Маскат просуществовала до первой трети IX в., когда эмиры Баб ал-аббаба и его пограничных областей заняли ее²⁸.

Одним из небольших, но экономически растущих государственных образований в юго-восточном Дагестане был Зирихгеран — удивительная «страна» на небольшом клочке земли, известная далеко за пределами Дагестана как родина первоклассных оружейников и мастеров ювелирного дела. Главный аул «страны» по-персидски звучал как Зирихгеран, а на тюркских языках — «Кубачи», и в обоих случаях это означало «панцироделатели». Соседи же называют Зирихгеран — Арбуки, Ургабука, Зарбак, Урги.

Первое упоминание Зирихгерана дается в связи с событиями середины VI в., когда сасанидский правитель Ануширван (531—579) застал здесь уже оформившуюся государственную единицу с местным правителем, которого он поставил во главе страны. Значит возникновение Зирихгерана как политического объединения относится к более раннему времени, что и дало, возможно, повод к созданию легенды, связывающей возникновение Кубачи с жителями Рума и Греции²⁹.

Арабский автор X в. так описывает это «владение»: «За Гумиком следует по направлению к горам и Сериру царство по имени Зерекеран... Исповедуют они различные религии: мусульманскую, христианскую и иудей-

²⁷ Хоренский, стр. 267, прим. 336.

²⁸ Минорский. История, стр. 64.

²⁹ Анучин, Отчет, стр. 406; Комаров, Пещеры, стр. XVI—XVII.

скую. Страна их недоступна и, благодаря ее недоступности, она защищена от соседних с нею племен»³⁰.

Когда писали о Зирихгеране, то имели в виду не только один населенный пункт, современное Кубачи³¹. Ни один из авторов IX—X вв., писавших о Дагестане и его политических образованиях, не дает сведений, позволяющих отождествлять Зирихгеран только с одним каким-либо населенным пунктом. Напротив, они обязательно имели в виду «страну» Зирихгеран. Судя по ал-Белазури, по воле арабского полководца жители Зирихгерана должны были в середине VIII века поставлять ежегодно в Баб ал-абваб наряду с юношами и девушками 10 000 мер зерна, что превышает, как отметил Е. М. Шиллинг, экономические возможности одного населенного пункта. В источниках Зирихгеран фигурирует всегда в одном ряду с такими «царствами», как Лакз, Табасаран, Серир и т. д. Ал-Масуди прямо указывает на «царство» Зирихгеран: «За Гумиком по направлению к горам и Сериру следует царство Зерикеран.. Их страна гористая, и это защищает их от соседей»³².

Современная территория, занятая лаками, известна в средневековых источниках под названием Гумик, или Туман. «За этой землей (— владения царя Варзбана —) владение Гумик. Его жители — христиане — не подчиняются никакому царю, не имеют начальников (ру'аса) и живут в мире с царством Алан», — писал автор X века³³. Название Гумик сохранилось в имени самого крупного населенного пункта лаков Кумуха. Что касается названия Туман, то и поныне соседи (аварцы) называют лаков «туман» или «тумау»³⁴. В самоназвании лаков (лак, а страны — «лакнал кону» — «место лаков»), а также в терминологии соседей — «вулеги» (даргинцев), «вулугуни» (акушинцев), «вулекко» (сюргинцев)³⁵, «лакбу» (цахуров) — сохранилась древняя грузинская

30 Maçoudî, II, стр. 40; Минорский. История, стр. 203.

31 Шиллинг, стр. 6; Очерки истории СССР IX—XIII вв., стр. 668.

32 Maçoudî, II, стр. 40—41; Минорский, История, стр. 203.

33 Там же.

34 Бутаев, стр. 25.

35 Там же. См. также сведения Дирра — СМОМПК, вып. 40, отд. III, стр. 14.

(леки) и греко-латинская традиция, именовавшая всех горцев леги и гелы.

Сравнительно большую роль играл Кайтак (или Хайдак).

Сравнение источников позволяет отождествлять Кайтак с Хамзином, часто упоминаемым при описании походов арабских войн. Ал-Белазури и ал-Йа'куби нигде не упоминают о Кайтаке, или Хайдаке и неоднократно пишут о Хамзине. Со слов ал-Йа'куби, Ал-Бармак, правитель Армении, «отправился в сторону Бабул-Абваба, совершил нападение на крепость Хамзин»³⁶. Или же, со слов ал-Белазури, полководец Мерван при своем втором походе на Дагестан проходит из Зирихгерана в Табасаран через территорию Хамзина³⁷. Несомненно, здесь речь идет о современном Кайтаге, расположенном между Табасараном и Кубачами. Другое сообщение ал-Белазури также подтверждает это положение: арабский полководец Джаррах переправляется через Самур, разбивает хазар, сражается с жителями Хамзина, а затем идет на Гумик³⁸, т. е. Кумух. С другой стороны, авторы, писавшие о Хайдаке, нигде не упоминают Хамзин. Это взаимное исключение также говорит в пользу возможности отождествления Хайдака и Хамзина. Мы видим также, что под Хамзином подразумевалась сильно укрепленная крепость, население которой неоднократно и успешно отбивало нападение арабских завоевателей. Название этой крепости иногда переносилось и на всю территорию Кайтака.

До недавнего времени считалось, что наряду с Кайтаком (Хайдаком) на восточном Кавказе существовало «царство» Джидан. Однако В. Ф. Минорский довольно убедительно отождествил Джидан и Хайдак³⁹. Еще в 1828 г. Доссон обратил внимание на то обстоятельство, что Джидан — это ошибочное написание Хайдака, которое можно объяснить особенностью арабской графики⁴⁰.

³⁶ Я к у б и. История, стр. 10 (рус. пер.), 7 (арабск. текст).

³⁷ Белазури, Футух, 215; Белазури, (Жузе) стр. 18—19 (пер.), 13 (араб. текст).

³⁸ Белазури, Футух, 213; Белазури (Жузе), стр. 16 (рус. пер.), II (араб. текст).

³⁹ Минорский. История, стр. 126—127 и др.

⁴⁰ D'Ohsson, p. 19.

Поэтому, при описании Хайдака, мы уверенно можем использовать сведения о Хамзине и Джидане. Автор X в. ал-Масуди в известном сочинении «Промывальни золота» оставил такое известие о соседях Баб ал-аббаба (Дербенда): «...вреднейшим (шарр) из таких соседних народов является княжество Хайдак (в тексте Джидан). Его царь — мусульманин... В настоящее время, именно в 332/943 г. он известен как Салифан»⁴¹.

Границы Хайдака можно определить примерно из текста того же автора: во-первых, жители Хайдака занимают территорию непосредственно вблизи Дербенда («народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Хайдак (в тексте Джидан)»⁴², во-вторых, ряд даргинских земель (в частности, Уркарах) еще не входит в состав хайдакских владений («со стороны Кахаба и Сарира Хайдак граничит с (землей) царя, называемого Брзбан (Марзуби), который мусульманин и город его называется К.рдж (Карах)»⁴³. Хайдак подчинен в X в. Хазарскому каганату («...народ которого входит в состав хазарских земель») ⁴⁴. В исторической литературе уже отмечен тот факт, что правитель хайдаков имеет титул «салифан»⁴⁵. Еще в 915 г. салифан с «хазарским» войском пришел на помощь эмиру ал-Баба. Этот эпизод указывает на политическую зависимость хайдаков от хазар, от которых они, по-видимому, получали титулы и инвеституру⁴⁶. С начала X в. Хайдак активно участвует в политической жизни восточного Кавказа, неоднократно выступая на стороне Дербенда.

Первоначальной резиденцией хайдакских правителей был Кала-Корейш, древность которого засвидетельствована культовыми сооружениями — мечетью и надмогильными плитами, а также исторической традицией. Кала-Корейш в переводе — «крепость курейшитов».

Только впоследствии, если верить преданию, центр был перенесен в Уркарах, затем в Маджалис⁴⁷. Совсем недавно новое сообщение подкрепило мнение о Кала-

⁴¹ Минорский, История, стр. 202—203, Maçoudi, II.

⁴² Там же, стр. 192; Maçoudi, II, 7.

⁴³ Там же, стр. 203; Maçoudi, II.

⁴⁴ Там же, стр. 192; Maçoudi, II, 7.

⁴⁵ Там же, стр. 127.

⁴⁶ Там же, стр. 128.

⁴⁷ Вейденбаум, стр. 19—20.

Корейше как резиденции первых правителей Хайдака. Здесь обнаружена надмогильная плита, датируемая палеографически XI—XIII в., с именем Ах-с-б-ра сына Хиздана, «владельца Кала-Корейша»⁴⁸.

Среди дагестанских владений в X в. начинают упоминать Карах⁴⁹. Владение это (у Масуди — К. р. дж) лежало на запад от Хайдака по направлению к Сериру. Правитель его носил титул Марзубана, т. е. хранителя границы. Карах — это современный Уркарах, расположенный на дороге из Центрального Дагестана в Хайдак и Дербенд. В тексте «Истории Ширвана и Дербенда» упоминаются также селения Чишли и Дигбаша, что близ Уркараха. В X—XI в. Уркарах играет активную роль во внутривосточной жизни Дагестана.

Территория нагорного Дагестана, в частности, аварские земли, уже в VI в. известна в сирийской хронике VI в. Захария Митиленского под названием Бат-Даду. Автор как бы противопоставляет 13 «гуннским народам», которые «живут в палатках», т. е. ведут кочевой образ жизни, народ, живущий в горных районах, оседлый, с более высокой культурой — «из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости»⁵⁰. Из дагестанских народов наиболее близко по звучанию подходят здесь дидои, известные еще в древних текстах и давшие, очевидно, своей стране название Даду. Грузинские источники также знают дидо еще в V в., выступавших совместно с леками и дурузуками на стороне грузинского царя⁵¹. Бет-Даду в сирийском источнике — понятие более широкое, чем собственно дидойские земли. Это — нагорный Дагестан в целом, «горная страна», Серир арабских авторов. Первые упоминания о Серире отнесены к VI в. и связаны с именем иранского правителя Ануширвана. Наряду с другими дагестанскими землями в Серире, если верить арабскому автору, был утвержден местный правитель, подчинявшийся власти сасанидов⁵².

Дагестанские хроники никогда не называли территорию нагорного Дагестана Сериром. Они знали Ава-

⁴⁸ Лавров. Новые материалы, стр. 280—281: Его же, Эпиграфические памятники, стр. 111—112.

⁴⁹ Минорский, История, 129—131.

⁵⁰ Пигулевская, Сирийские источники, стр. 82, 165.

⁵¹ Grosset, Histoire de la Géorgie, I, p. 66.

⁵² Белазури, Футух, стр. 204; Белазури (пер. Жузе), стр. 5 (араб.), стр. 7 (рус. пер.)

рию. Что касается названия Серир⁵³, то оно связано с персидско-арабской географической традицией. Арабские авторы называют территорию Аварии землей «владельца трона», т. е. «Сахиб ас-серир». Таким образом, делается попытка объяснить происхождение «Серир» на основе легенды о золотом троне последнего представителя сасанидов, будто отправленном в Дагестан самим неудачливым правителем. Эта версия наиболее популярна среди исследователей и многими из них признана. Однако имеется более правильное мнение, высказанное советским историком С. Т. Еремянном: Серир — это то же самое, что грузинское «мтиулет», т. е. «страна гор» или «страна горцев». Произошло это название не от арабского «Серир» (трон), а иранского корня сэг т. е. «гора»⁵⁴.

Самоназвание аварцев «маарулал» («горцы», а соседи их называют: кумыки — тавлу, т. е. горцы, лаки — ярусса, акушинцы — хунзак, каратинцы — халби, цахуры — аварна) лишней раз подтверждает это. В средневековье аварцы, очевидно, так и называли себя «маарулал». Некоторые переводчики называют их серирами, однако это противоречит сведениям автора, подчеркивающего, что «Серир — имя государства, а не города или народа».

Все сведения о Серире сходятся на том, что он занимал территорию, населенную аварцами.

Мнение Доссона, что «небольшое царство Серир находилось в горах, к северо-западу от Дербенда, между территорией Кайтака и Гумика»⁵⁵ не подтверждается источниками. Известно, что восточная граница Серира проходила в двух фарсах от столицы хазар Семендера. На севере и северо-западе Серир граничил с аланами и хазарами. Наличие общей границы между Сериром и Аланией подчеркивает и ал-Масуди⁵⁶. Границей между жителями Серира и хазарами служила горная часть Северного Дагестана: Масуди подчеркивает, что «правитель Серира жил в горах, а хазары на равнине»⁵⁷.

⁵³ О Серире — см. Бейлис.

⁵⁴ Еремян, Моисей Каланкатуйский, стр. 44.

⁵⁵ D'Ohsson, p. 176.

⁵⁶ Maçoudi, II, 42.

⁵⁷ Maçoudi, II, 42.

Следовательно, под Сериром нужно понимать большую часть нагорного Дагестана, соответствующую примерно территории, известной под названием «Авария». В. В. Бартольд справедливо утверждал, что Серир занимал территорию, населенную аварцами⁵⁸. В. Ф. Минорский на карте располагает Серир в бассейне реки Койсу⁵⁹.

В X в. границы Серира заметно расширились, включив также иноэтнические элементы. Восточная граница его проходила в двух фарсах от Семендера, бывшей столицы хазар. Возможно, иногда восточная граница вплотную примыкала к побережью Каспийского моря. Ибн Хаукаль писал, что к Хазарскому морю прилегают «с запада — Арран, пределы Серира, земли хазар и часть пустыни Гузов». На севере и северо-западе Серир имел границу с аланами и хазарами. Границей между Сериром и Хазарией служила, по всей вероятности, река Сулак. Этим и нужно объяснить наличие системы оборонительных сооружений на правом берегу Сулака, близ станции Чирюрт, у древней трассы, проходившей через северокавказские степи и западное побережье Каспия — в Закавказье. Оборонительная стена охватывала с двух незащищенных сторон большое средневековое городище и тянулась на 550 м.; она была построена из рваного местного камня, с широкой кладкой по краям — средство для обороны от стенобитных машин⁶⁰. Западная граница примыкала к грузинским землям, о чем превосходно может свидетельствовать сообщение о путешествии некоего Саллама ат-Тарджумана («Переводчик») к легендарной стене «Йаджудж и Маджудж», когда правитель, живший в Тифлисе, обращается непосредственно к правителю Серира с предложением пропустить Саллама через земли Серира⁶¹.

Описание Серира в X в. очень подробны, если сравнить со сведениями о других политических образованиях. Автор X в. Ибн Русте писал: «Из страны Хазар в Серир ты едешь двенадцать дней по открытой местности (сахра), затем поднимаешься на высокую гору

⁵⁸ EI, I, 911; Minorsky, Hudud, p. 147.

⁵⁹ Minorsky, The Khasars, p. 145.

⁶⁰ Бредэ, л. 1—16, 83.

⁶¹ Caswini, II, 401; Lewicki, 78.

(и пересекаешь) долины. Ты едешь в течение трех (?) дней, пока не достигаешь царской крепости... Их царь зовется Авар.. Направо (т. е. на восток или юг?) от крепости проходит дорога, по которой можно выехать (из Серира) по высоким горам и многочисленным лесам и на расстоянии двенадцати перегонов (манзил) достичь города, называемого Хайдан (Хайдак), царь которого зовется Адзар-Нарса... Царь Сарира имеет другой крепкий замок, называемый Ал(Алал?)-ва-Гумик, где находится его сокровищница: этот замок был дан ему (т. е. его предкам) Ануширваном»⁶².

Анонимный автор X в. также оставляет свидетельство о значительной территории Серира: «Серир — это область с очень большими богатствами, горная и степная... Хандан — город, где живут военачальники... царя»⁶³.

Столицей Серира был город, названный в арабском историографическом сочинении Хумрадж. Арабская графика позволяет уверенно утверждать, что Хумрадж — это ошибочное написание названия Хунзах⁶⁴, известной резиденции аварских феодальных правителей. Столица правителя Серира названа «царской крепостью». «Она стоит на вершине горы, которая имеет площадь 4×4 фарсаха и окружена каменной стеной»⁶⁵. Описание это, скорее всего относится к Хунзаху, расположенному на плато над левым берегом Аварского Койсу⁶⁶.

Таким образом, Серир — крупное и самостоятельное политическое объединение. По сообщению автора X в. во владении его правителя «было 12 000 селений... Царь совершает нападения на хазар и одерживает победы над ними, потому что они на равнине, а он в горах. Правители Серира и Алана установили между собой брачные связи, «поскольку каждый из них женился на сестре другого»⁶⁷.

В Дагестане имеются и другие политические объеди-

⁶² Минорский. История, стр. 129—130; Бартольд, Отчет, стр. 124.

⁶³ Туманский, стр. 31. В тексте эти военачальники названы сипехселарами — см.: Minorsky, Hudud al-alam, p. 161.

⁶⁴ Minorsky, Hudud al-alam, p. 448.

⁶⁵ Минорский. История, стр. 219; Бартольд, Отчет, 124.

⁶⁶ Минорский. История, 213.

⁶⁷ Там же, стр. 204.

нения Филан, Шандан, однако отождествление их на данном этапе затруднено ввиду неясности источников.

Филан — «Это незначительная область», расположенная выше Табасарана⁶⁸. С этим согласуется другое мнение о нахождении Филана между Табасараном и Сериром⁶⁹. Автор IX в. называет жителей Филана после жителей Лакза и Шабирана⁷⁰. По В. Ф. Минорскому, Филан нужно искать где-то в южном Дагестане⁷¹.

Значительную роль в истории Восточного Кавказа и Дагестана в частности играли «царство гуннов», а затем Хазарский каганат.

Гунны известны еще в I в. до н. э. по китайским анналам. Массовое продвижение их на запад в 70-х годах IV в. привело к подчинению огромных земель в Причерноморье и в Прикаспии. На середину V в. падает время наивысшего расцвета союза гуннских племен.

Это же время было концом разноплеменной, этнически разнородной державы гуннов. Отдельные племенные союзы выделялись в самостоятельные единицы, с самостоятельным политическим управлением. Влияние гуннов настолько велико, что и после распада государства, новые политические образования выступали у соседей, устрешенных набегами, под именем гуннов.

Уже давно было обращено внимание на то обстоятельство, что гунны не составляли этнического единства. «Чем дальше двигались гунны, тем более редел среди них турецкий элемент, и примешивались другие народы»⁷²...

Так было и на территории Северного Дагестана, на равнине к северу от Сулака и на прибрежной узкой полосе. Здесь в VI в. образовалось государство, получившее название «царство гуннов», впоследствии подчинявшееся Хазарскому каганату. Гунны, пришедшие в IV в., не только подчинили местное население, но смешались с ним, сохранив свое имя в названии государства. В си-

⁶⁸ Jасut, I, 438.

⁶⁹ Белазури, Футух, 204; Белазури (пер. Жузе), 5 (араб.), 7 (русс.).

⁷⁰ Якуби, стр. 5.

⁷¹ И. Маркварт (Iberer und Nurganier, 95) располагает их близ аварцев, а А. Н. Генко (Арабский язык, стр. 108) отождествляет Филан с обществом Кель на Аварском Койсу.

⁷² Иностранцев, Хунны и гунны, стр. 119.

рийской хронике VI в. к западу от Каспийских ворот названо 13 племен — авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сиургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит⁷³. Многие из них входили в «царство гуннов».

Союз племен в Северном Дагестане только стал оформляться в стабильную политическую силу, ибо явно намечился переход кочевых племен к оседлой жизни, к земледельческо-скотоводческому хозяйству. С внутренними районами горного Дагестана «царство гуннов» входило в постоянное соприкосновение, и сообщение хроник о том, что в VI в. в нагорном Дагестане существовали крепости, говорит об основных чертах этих взаимоотношений. Подтверждается эта мысль сообщением армянского автора V в. об армянских князьях, которые «охраняли от гуннов северные Дербентские ворота⁷⁴, или же о гуннах, разрушивших вместе с армянами дербентские укрепления, построенные сасанидами⁷⁵.

В литературе существовало мнение (Ю. Клапрот), что гунны (отождествляемые здесь с аварами) смешались с древними обитателями этой страны лезгинами, язык которых они приняли, сохранив лишь некоторые свои слова и имена⁷⁶. Так, например, была сделана попытка объяснить гуннские имена «при помощи венгерского и лезгино-аварского языков»⁷⁷.

Вполне допустимо, что смешение жителей «царства гуннов» с населением центральных горных районов Дагестана имело в какой-то степени место, но метод произвольного истолкования имен и поисков чисто звуковых совпадений⁷⁸ не является научно обоснованным.

Дагестанская топонимика и ономастика дают материал, говорящий о следах пребывания гуннов — это название кумухского джамаата Гъуннал ал («народ гуннов»); тухумное имя аула Табахлу «Гъуннагъул» («из гуннов»)⁷⁹; пашенное место (Гъуннари хутил «пашня гуннов») в селениях Ханаг и Урулиг; «мельницы гуннов»

⁷³ Пигулевская, Сирийские источники, стр. 165.

⁷⁴ Егише, стр. 70;

⁷⁵ Там же, стр. 215.

⁷⁶ Иностранцев. Хунны и гунны, стр. 64.

⁷⁷ Там же, стр. 63.

⁷⁸ Клапрот, Voyage, II, p. 350.

⁷⁹ Хайдаков. Очерки, стр. 97.

в Дюевеке; «Коран гуннов» в сел. Хили; «Котел гуннов» в Ляхля; все эти названия из пяти табасаранских аулов обязаны своим происхождением, согласно легенде, последнему из гуннов, жившему здесь⁸⁰.

Первые достоверные известия о государстве гуннов мы находим у армянских авторов. По сообщению «Армянской географии»: «к северу (от Дербенда) близ моря находится царство гуннов. На западе у Кавказа город гуннов Вараджан, а также города гуннов Чунгарс М-с-н-д-р (Семендер)»⁸¹.

Столица «царства гуннов» — город Варачан, о котором Моисей Каланкатуйский (Мосес Каланкатваци), автор обширной «Истории Албании», живший в VII в., писал как о «великолепном городе Варачане»⁸².

Еще нет единого мнения о локализации Варачана. Считают, что Варачан был расположен близ Буйнакск или же близ Башлы. Иные отождествляют его с Семендером арабских авторов.

Можно предположить, что район современной Махачкалы — вот место, где нужно искать раннесредневековый Варачан. Варачан — это приморский город, это его жители бросали в море свое имущество и сами бросались в море, когда арабы вступили в город.

Когда армянский историк называет захваченный арабами «гуннский город Таргу»⁸³, а арабский называет тот же город Варсаном (т. е. Варачаном), это лишнее дает возможность считать, что столица гуннов была на прибрежной полосе, в непосредственной близости от моря. Если иметь в виду это обстоятельство, то раннесредневековое городище Урцеки, исследованное дагестанскими археологами, с мощной системой оборонительных сооружений и можно отождествлять (вслед за нашими археологами) с Варачаном из армянских хроник⁸⁴.

Во главе царства стоял правитель, носивший титул хаган: «Царь севера называется хаган. Он владыка хазар». Гунны северного Дагестана были в политической зависимости от хазар, а впоследствии вошли в состав Хазарского каганата.

⁸⁰ Генко. Указ, соч., стр. 105.

⁸¹ Хоренский, Новый список, стр. 31.

⁸² Каганкатваци, стр. 192.

⁸³ Гевонд, стр. 27—28.

⁸⁴ Котович. Новые данные, стр. 154—156.

В середине VII в. в степях северо-восточного Кавказа сложилось Хазарское государство. Еще во второй половине V в. степные просторы между Азовским и Каспийским морями, включая прибрежную полосу Каспия вплоть до Дербента, были заняты воинственным кочевым племенем савиров, которые в свою очередь были вытеснены из Западной Сибири. Этнически не отличаясь существенным образом от гуннов, они «очень быстро смешались с остатками последних в Восточной Европе и по большей части поглотили их»⁸⁵. Хазары, входившие сначала в савирский союз, также унаследовали от них систему управления, военную организацию, государственные традиции.

Подчинив Болгарское политическое объединение, хазары обеспечили себе политическое господство на Северном Кавказе. К 70-м годам VII в. хазарской власти подчинялось не только Азовско-Каспийское междуморье, но и также Северное Причерноморье⁸⁶.

Примерно к IX в. границы Хазарского каганата выглядели следующим образом: южная граница обычно проходила по линии дербендских укреплений. На западе каганат включал Керченский пролив и большую часть Крыма. Левый берег Дона, где в 835 г. был построен Саркел (ныне Цымлянское), составлял границу с мадьярами, кочевавшими между Доном и Днестром. На востоке, на Яике соседями хазар были печенеги, за которыми находились огузы⁸⁷. Южная граница хорошо прослеживается из ответного письма (X в.) хазарского царя еврейскому сановнику при испанских халифах: «с южной стороны живут 15 народов многочисленных и сильных, которым нет счета, до Баб ал-абваба»⁸⁸.

Столицей государства был город Семендер. Это был крупный город, выросший на торговой трассе, соединявшей Поволжье и юго-восточные степи с Закавказьем, Ближним Востоком. Первое упоминание о Семендере относится к VII в. — это «гуннский» город М-с-н-д-р, упоминаемый в армянской географии VII в.⁸⁹.

Локализация Семендера еще не уточнена. Большин-

⁸⁵ Артамонов, История хазар, стр. 78.

⁸⁶ Артамонов, Указ соч., стр. 174.

⁸⁷ Якубовский, О русско-хазарских отношениях, стр. 462.

⁸⁸ Коковцев, стр. 82.

⁸⁹ Патканов. Из нового списка, стр. 31.

ство ученых склонно считать⁹⁰, что Семендер и Тарки — это различные названия одного и того же города. Это кажется нам наиболее правдоподобным. Семендер оставался столицей хазар до 30-х годов VIII в., когда под натиском арабов хазарский правитель вынужден был перенести столицу на север, в город Итиль на Волге. Однако, значение свое город не потерял, и он оставался все еще важным торговым центром, значение его росло вместе с ростом каспийской торговли, и уже в X в. Семендер выступает как крупный торговый центр ремесла и транзитной торговли. Автор Хв. Ибн Хаукаль писал о Семендере: «он расположен между страной хазар и Дербендом... и жили в нем мусульмане и другие, у них были там мечети, у христиан церкви, у евреев синагоги»⁹¹. «Семендер — город на берегу моря, богатый; есть базары и купцы», — сообщал анонимный автор X века⁹². Семендер пал во второй половине X в. под ударами русов, был разрушен и долгое время не восстанавливался.

* * *

*

Мы дали краткий обзор развития политических объединений.

Изучение исторической географии Дагестана в IV—X в. представляет собой интерес в том плане, что наличие политических образований на Восточном Кавказе уже в IV в. является свидетельством того, что родовая община давно изжила себя и заменена территориальной общиной, а появление и развитие имущественного и социального неравенства способствовали созданию государственных объединений.

В основе всех этих изменений лежало развитие производительных сил. Успехи в хозяйственной деятельности дагестанских народов, мощный толчок в области земледелия, скотоводства, ремесла — обстоятельства, сыгравшие важную роль в процессе проникновения в Дагестан монотеистических религий.

Вопросы социально-экономического развития даге-

⁹⁰ Мипогскы, Hudud, стр. 162, 452; Дорн, Каспий, стр. 66. Еремян, Моисей Каланкатуйский, стр. 139—143; Лавров, Тарки, стр. 14; Klapproth, Tableau, 137.

⁹¹ Бартольд. Арабские известия, стр. 35.

⁹² Худуд ал-алам, стр. 31.

станского общества неразрывно связаны с политической историей и при отсутствии достаточного количества источников, они, возможно, дополняют друг друга. Историческая и этническая география, при всей своей кажущейся самостоятельности, определялась и корректировалась общественно-экономической структурой общества, косвенно отражала ее, становясь, таким образом, своеобразным источником в исследовании истории того или иного общества. Этот аспект изучаемого предмета оставался, к сожалению, вне интересов исследователей, что неизбежно вело к односторонности, к отрыву формы от содержания, фрагментарности исследования. Подобная методология оставляла в стороне много важных сторон изучаемой проблемы и в первую очередь таких как развитие государственных единиц, их общие тенденции, взаимоотношения этнических массивов и территориальных образований, вопросы периодизации.

В изучении географической, исторической и этнической номенклатуры основное внимание сосредоточивалось на вопросах идентификации и локализации, разрешаемых, правда, в ряде случаев с хорошим знанием дагестанского и вообще кавказского материала. Это представляло самостоятельную ценность, хотя далеко не исчерпывало проблемы. Наиболее обстоятельное знакомство с дагестанской топонимикой и этнонимикой проявили ученые, не бывавшие в Дагестане и лишённые поэтому возможности пользоваться ценным полевым материалом.

История государственных объединений раннесредневекового Дагестана и отдельных этнических общностей, их населявших, неоднократно входила в круг исследований медиевистов, в том числе и кавказоведов, как историков, так и лингвистов, но, как правило, в плане изучения общекавказского или ближневосточного материала или же источниковедческого анализа восточных и западноевропейских авторов. Специальных исследований по дагестанской тематике не было создано, но такая задача и не ставилась. В хронологическом отношении характерно одно важное обстоятельство — основное внимание было сосредоточено на этнической и исторической карте I—X вв, к последующим векам интерес резко падал. В основе этого явления лежит тот глубокий интерес, который во II половине XIX — начале XX в.

проявился к истории Кавказской Албании, Хазарии, Кавказа в целом, а также письменного материала, представленного арабской школой географов IX—X вв., а также закавказской историографией. Вопросы исторической и этнической географии V—X вв. оказались поэтому наиболее подверженными исследованию, наиболее научно аргументированными, а в ряде случаев наиболее запутанными.

§ 2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА В V—X вв.

Экономическое развитие Дагестана в раннем средневековье характеризуется крупными сдвигами в земледелии, скотоводстве, ремесле. Расширяется площадь используемых земель, распространяется пашенное земледелие, осваиваются новые пастбищные участки, растет количество мелкого рогатого скота. Ремесло находится в состоянии расцвета, оно совершенствуется, расширяется ассортимент ремесленных изделий. Явно наметилось крупное общественное разделение труда — выделение ремесла из земледелия. Возникают города. Оживляется внутренняя и международная торговля. Растет количество населения.

В V—VI вв. намечается общий подъем производительных сил. В области земледелия это выразилось в расширении площадей, занятых под основные полевые культуры — пшеницу, ячмень, просо. С усилением роли полеводства связано также увеличение количества крупного рогатого скота и возрастает значение лошади, особенно в плоскостной зоне, увеличение посевных площадей влекло за собой рост тягловой силы.

Выше уже отмечалось, что в результате роста производительных сил и в силу воздействия оседлых районов Дагестана, в районах северного Дагестана начался переход к оседлой жизни, к земледелию.

Характерным для раннесредневекового Дагестана был заметный рост населения. Так, на участке реки Сулак, протяжением 15 км обнаружено 15 раннесредневековых поселений, многие из которых функционировали продолжительное время¹. На территории Аварии известны многочисленные раннесредневековые поселения, располо-

¹ Каневец, Археологические исследования, стр. 216.

женные вокруг современных аулов, а культурный слой на них достигает в ряде случаев мощности в 2 м.²

Один из арабских писателей, подчеркивая густонаселенность Серира, отмечал, что у царя Серира «было 12.000 селений». Это были, очевидно, мелкие территориально-родовые поселения, объединившиеся впоследствии в крупные населенные пункты. Поэтому сведения средневекового географа об Алании могут быть отнесены к Дагестану: «Его царство состоит из непрерывного ряда поселений: когда утром запоят (где-нибудь) петухи, ответ им доносится из других частей царства, ввиду чересполосицы и смежности селений»³.

Материал из раннесредневековых поселений и могильников дает представление об оседлой земледельческой культуре, имеющей богатые традиции. В многочисленных погребениях обнаружены железные серпы, кости домашних животных (коров, овец), остатки зерен (пшеницы, ячменя и др.), каменные жернова, большие сосуды для хранения зерна и продуктов животноводства.

Значение земледелия в процессе хозяйственной деятельности подчеркнуто в характере дани, которой были обложены раннесредневековые владения арабскими завоевателями в VIII в.: Серир давал 100 тысяч модиев зерна, Зерихгеран — 10 тысяч, Кайтак — 30 тысяч, Туман — 20 тысяч.

Значительно выросло земледельческое хозяйство плоскостного Дагестана. В районе Дербента имелись обширные посеы, а марена, которую поставляли близлежащие селения, была известна далеко за пределами Кавказа. «В области Варсана, Бердаа и Баб ал-абваба... растет марена, которая вывозилась по морю Хазарскому в Джурджан, а оттуда сухим путем в индийские земли». По свидетельству Ширвани, город имел «красивые луга и желанные фрукты»⁴. В этом районе было много поместий и возделанных земель (имарат)⁵.

Применялось искусственное орошение — в конце VIII в. здесь был прорыт канал из реки Рубас. Росло

² Атаев. Нагорный Дагестан, стр. 216.

³ Минорский, История, стр. 205.

⁴ Научный архив, д. 1030, л. II (6).

⁵ Минорский, История, стр. 62.

число садов, пашен, огородов. Имеются сведения о строительстве мельниц⁶.

Садоводство и виноградарство также успешно развивались. В Семендере было «много садов и ... около 4 000 виноградных кустов, простирающихся до границ Серира. Из фруктов более всего встречается виноград»⁷. Это известие принадлежит ал-Балхи, известному географу начала X в. Оно впоследствии повторялось многими авторами, особо отмечавшими расцвет виноградарства в приморском районе.

Заметные сдвиги происходили в области скотоводства. Роль охотничьего промысла медленно, но неуклонно падает. Увеличивается число крупного рогатого скота (высокогорные районы)⁸. В X в. бараны уже входят в число товаров, вывозимых из Серира в другие страны через Дербенд⁹. Разведение мелкого рогатого скота во все возрастающих масштабах имело далеко идущие последствия — освоение новых пастбищных земель.

Особенный подъем наблюдается в ремесле, в частности, в его ведущей отрасли — металлообработке. Будучи неотъемлемой частью хозяйственной деятельности горца, ремесло развивалось, совершенствовалось вместе с успехами земледелия, и само, в свою очередь, давало толчок развитию земледелия.

Исследование археологических материалов показывает, что ремесленники были знакомы со сложными приемами обработки металла — ковкой, художественным литьем, паянием, инкрустацией, чеканкой, лужением и т. д.¹⁰. В VII—X вв. достигают высокого уровня такие виды ремесел как керамическое, кузнечное, ювелирное, литейное, строительное дело¹¹. В области гончарного производства характерно изготовление изделий на гончарном круге. Была известна техника поливной керамики. Успехи металлообработки выразились в уже установившейся отраслевой специализации технического производства — кузнечно-литейное и ювелирное дело выступают как отделившиеся друг от друга области

⁶ Алкадари, стр. 25.

⁷ Хвольсон, стр. 62.

⁸ Атаев, Указ. соч., стр. 218—219.

⁹ Миклухо-Маклай, стр. 106.

¹⁰ Атаев, Указ. соч., стр. 227.

¹¹ Смирнов, Археологические исследования, стр. 96; О ремесле в Дагестане — см.: Маммаев. Ремесло Дагестана.

ремесла. Это привело к расширению ассортимента и улучшению качества изготавливаемых изделий¹².

Место и роль ремесла, огромное значение металла в хозяйственной жизни отразились на прочно утвердившемся в средневековье культе металла у всех кавказских народов. Железу приписывается магическая сила, оно охраняет от болезней, отводит дурной глаз, приносит счастье, помогает при рождении детей¹³. Может быть поэтому и окружено особым ореолом имя кузнеца в сказках, легендах?

Даже адаты вынуждены учесть особое положение мастера-кузнеца. Они, как и лица, занимавшие общественные должности, не допускались к присяге¹⁴. Во всех дагестанских языках имеются местные названия слова «кузнец», причем оно связано или с железом («махулав» от «мах», железо по-лакски — муххал устар, по-кумыкски — темирчи) или же кузницей (лезгинское — чхатун устар от «чхад» — «кузница»).

Даже ряд собственных имен связан с металлом — Къебед («кузнец»), ПохьутIа («медник»), Чаран («сталь»), Меседу («золото»), Пулад («литая сталь»)¹⁵.

Для VIII — нач. XI вв. характерно не только дальнейшее развитие предшествующих форм украшения, предметов туалета и т. д., но также большое распространение оружия, железных сабель, копий, наконечников стрел, топоров¹⁶. Жители Зирихгерана (Кубачи) прославились как «мастера кольчуг, стремян, удила, мечей и других вещей».

Успехи земледелия, скотоводства и ремесла были неразрывно связаны с развитием торговли. Известно, что начиная с VII—VIII вв. важные торговые пути, соединявшие страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой, Нижним Поволжьем и Северным Кавказом переместились в бассейн Каспийского моря. Это было время расцвета «арабской» торговли. В VIII в. эта торговля настолько расширилась, в частности, в Закавказье, что почти во всех местных монетных кладах преобладает

¹² Агаев, Указ. соч., стр. 238.

¹³ Чурсин. Культ железа.

¹⁴ Там же, стр. 96.

¹⁵ Агаев, Указ. соч., стр. 227.

¹⁶ Котович, Шейхов., стр. 359.

арабская монета¹⁷. В торговлю втягиваются не только приморские, но и внутренние районы Дагестана. Это, в свою очередь, приводит к значительному оживлению хозяйственной деятельности, в частности, к дальнейшему развитию ремесленного производства. Процесс этот был характерен для всего «мусульманского» Востока, когда широкое развитие товарно-денежных отношений в раннем средневековье привело к исключительной заинтересованности земледелия в торговых операциях¹⁸.

Возникновение городов, центров торговли, ремесла, экономической, культурной и политической жизни — характерная особенность раннесредневекового Дагестана. В письменных источниках IX — X вв. этот процесс отразился очень наглядно — авторы стали упоминать о «городах», возникших на Восточном Кавказе.

«Худуд ал-алем» уже в X в. перечисляет следующие «города хазар, все с крепкими стенами»: Хамидж, Баланджар, Байда, Савгар, Х-т-л-г, А-к-н-, С-в-р, М-с-т¹⁹. Однако, когда говорим о городах Дагестана, то в первую очередь можно назвать Дербент, Семендер, Варачан, Кубачи.

Дербент — крупнейший город Кавказа, не уступавший по величине Тифлису и Бардаа. Изделия из Дербента на кавказском и ближневосточном рынке были широко известны, причем не было «в Аране, Армении и Азербайджане полотняных одежд, нигде, как тут»²⁰. В окрестностях города произрастал шафран и разводилась марена. Географ X века ал-Мукаддаси среди товаров Дербента называет: «полотняные одежды, рабы, шафран и превосходные мулы». «И в Арран и Азербайджан доставляют хлопчатобумажные ткани из Дербента»²¹.

Город служил портом для судов, шедших из Джурджана, Табаристана, Дейлема. Здесь имелся рейд для судов, причем «между рейдом и морем выстроены параллельно берегам моря две стены: проход для судов тесен, а вход сделан извилистым, и в устье порта протянута

¹⁷ Пахомов, Ганджинский клад, стр. 743.

¹⁸ Заходер, Хорасан, стр. 128.

¹⁹ Minor sky, Hudud al-alam, p. 162; Худуд ал-алам, стр. 32.

²⁰ Ибн Хаукаль. (СМОМПК, вып. 38, 1908, стр. 88).

²¹ Dorn, Beitrage, V, Geographica Caucasia, pp. 521—522.

цепь, так что не может судно ни выйти, ни войти иначе как с разрешения»²².

Как торговый центр, средоточие транзита Дербент был связан не только с внешним миром, но также районами внутреннего Дагестана. Город был известен как складочный пункт для товаров Хазарии, Серира, Кайтака.

Значительным по своему значению городом был Семендер, известный торгово-ремесленный центр на Восточном Кавказе. Восточные авторы единодушно отмечали богатство города, многочисленные сады и виноградники в нем, наличие там рынков и торговых людей. «Семендер—город на берегу моря, богатый, есть базары и купцы»,— писал персидский аноним X в.²³ Здесь изготовляли шерстяные ткани, а жители располагали значительными суммами денег, а также рабами, которыми нередко откупались от арабов²⁴. До нашествия русов город был в цветущем состоянии: «...в нем было много садов; говорят, что число наполнявших его виноградников доходило до 40 000»²⁵.

К юго-западу от Махачкалы, близ Изберга недавно обнаружен раннесредневековый город, известный у местных жителей под названием Урцеки. Предполагается, что Урцеки—это часто упоминаемый в армянских, а также арабских источниках «столица гуннов» город Варачан. Укрепленный город функционировал до первой трети VIII в. и пал под неожиданным ударом противника. Город²⁶ расположен на небольшой возвышенности, развалины его занимают площадь около 100 гектаров. На вершине холма находилась цитадель, окруженная стеной с 11 башнями и служившая резиденцией местного правителя, его приближенных. Урцекская долина была защищена мощными оборонительными сооружениями.

Обследованные археологами оборонительные соору-

²² Худуд ал-алам, стр. 31; Minorsky, Hudud al-alam, стр. 162.

²³ Minorsky, Hudud, p. 162; Худуд ал-алам, стр. 31.

²⁴ Савельев, Мухаммеданская нумизматика, СПб., 1847, стр. IX.

²⁵ Бартольд, Сочинения, т. II, ч. I, стр. 849.

²⁶ Сведения об Урцеки взяты из «Отчета о работе приморского отряда дагестанской археологической экспедиции» В. Г. Котовича, В. М. Котович и Н. Д. Путинцевой (Рук. фонд Института ИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 104).

жения, хозяйственные постройки, могильники, давшие значительный по количеству и исключительный по значению вещественный материал, рассказывающий нам о высоком уровне ремесленного производства и прекрасной строительной технике.

Город был не только крупным административным, но и ремесленным центром. Археологические раскопки показали, что здесь было развито кузнечное и керамическое производство, ювелирное дело, обособившиеся, очевидно, друг от друга. Мастера изготовляли разнообразную посуду, хозяйственно-бытовой инвентарь, предметы военного снаряжения и туалета, сосуды для зерна, всды, вина, железные топоры, ножи, щипцы, кольчуги, браслеты, шейные гривни и т. д.

Одним из видных ремесленных центров был Зирихгеран (Кубачи), родина ювелиров и изготовителей предметов вооружения. Персидское название Зирихгеран — «панцыроделатели» позволяет предполагать, что еще в VI в. он существовал, как один из центров ремесленного производства.

Раннесредневековый феодальный город — средоточие ремесла и торговой жизни, административный и культурный центр, отличается вместе с тем пестрым составом населения. В Дербенте обосновались иранцы, арабы, сирийцы, дагестанцы, русы, азербайджанцы, турки, армяне. В городище близ Чирюрта наряду с дагестанскими племенами жили аланы. Это явление вообще было характерно для раннесредневекового города на Ближнем Востоке.

Кроме перечисленных крупных ремесленных центров в Дагестане возникает ряд сравнительно мелких очагов ремесла, имевших в основном, местное значение. Они были тесно связаны с ближайшими селами, удовлетворяя все возрастающий спрос крестьянских хозяйств на сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода, украшения. Агачкала, Гапшима, Галла, Бежта, Хлют, Куяда, Бавтугай, Верхнее Казанище, Большой Гоцатль и многие другие населенные пункты выступали, судя по археологическим данным, средоточием ремесла, хотя и неразрывно связанного с сельским хозяйством.

Крупные города, как Дербенд и Семендер, как уже указывалось, принимали самое активное участие в меж-

дународной торговле. Они обязательно отмечаются во всех торговых маршрутах, по западному побережью Каспия или Каспийскому пути²⁷. Имеются подробные списания расстояний между Итилем, Семендером, Дербендом и городами Закавказья и Южного Прикаспия в X в.. Так, например, от Бердаа до Баб ал-абваба (Дербенда) путь лежал через Берзендж, брод через Куру, Шемахи, Ширван, Абхаз, мост на Самуре (джасар Самур). Сухопутные или морские пути к Дербенду и Семендеру шли из Булгара, Хорезма, Тифлиса, с Дона. Эти описания могли появиться только при наличии регулярных, прочно устанавливающихся торговых операций.

Страны Ближнего Востока и Юго-восточной Европы, Северного Кавказа также имели торговые связи, о чем говорят материалы археологии и письменные источники. Инвентарь из Агачкалинского могильника (датируется VIII—X вв.) — аббасидские дирхемы, медальоны, стеклянные и каменные бусы-печатки, стеклянные сосуды и т. д. свидетельствуют о размахе торговых связей населения Дагестана с арабскими странами и, вероятно, с Византией²⁸. Что касается торговли с Византией, то она велась через посредство Хазарского каганата²⁹. Греческие купцы вели с хазарами обширную торговлю тканями, мехами, рыбой³⁰. Связь эта, очевидно, и впоследствии имела место, если учесть сведения о Зирихгеране, где в XII в. пользовались византийским шелком.

С северокавказским миром, с аланами связи также были оживленны и регулярны. Способствовало этому то обстоятельство, что с северо-западными соседями дагестанцы сохраняли обычно добрососедские отношения. В X в. царь алан, один из наиболее сильных правителей Кавказа, вошел в родство с царем Серира, женившись на его дочери. Еще раньше проникновение аланского элемента в дагестанскую среду также зафиксировано в археологической науке³¹.

²⁷ Маршруты систематизированы: Sprenger, Reiserouten. См. также Бунятов, Азербайджан, стр. 166—170.

²⁸ Смирнов, Указ. соч., стр. 96.

²⁹ О следах торговых связей хазар с Византией — см. Neud, Geschichte, S. 17.

³⁰ Григорьев. О древних походах, стр. 240 со ссылкой: Chrest. arabe, p. 17.

³¹ Кузнецов, Аланские племена.

Известно, что аланские племена были носителями так называемой катакомбной культуры. Подобные памятники обнаружены и в Дагестане. Южнее Дербента, на плато Паласа-сырт расположен огромный курганный могильник с катакомбными захоронениями. Катакомбы датируются IV—VII в.³². Многочисленные катакомбы обнаружены также в числе погребений Верхнечирюртовского могильника, относящегося к V—VII в.³³. В ряде могильников прослеживается деформация черепа, т. е. искусственное удлинение головы человека в младенческом возрасте, обычай, существовавший у соседних аланских племен³⁴. В Бавтугае на реке Сулак также обнаружена катакомба.

Таким образом, на полосе, примыкавшей к Каспийскому морю, найдено три памятника, на которых рельефно отразилось влияние аланских племен. Влияние это сказалось в погребальных сооружениях (катакомбы) и в деформации черепов, в деталях погребального обряда (в погребениях в качестве подсыпки употребляли мел или древесный уголь, захороненные части конской туши), в некоторых формах керамики³⁵.

Все указанные выше памятники сохранили много черт, свойственных местным, дагестанским племенам. Это дало основание ряду ученых считать, что все эти памятники оставлены местными племенами, испытавшими на себе сильное влияние широко распространенной аланской культуры³⁶. Нам кажется что полемика лишена смысла, ибо в данном случае речь идет не о доминирующей культуре, а о средневековом городе с обычно пестрым этническим составом населения.

Известно, что аланские купцы в описываемое время известны не только в Крыму и на Кавказе, но также в

³² Котович, Новые памятники, стр. 148.

³³ Каневец, Дагестанская археологическая экспедиция, стр. 162—164.

³⁴ Там же, стр. 163.

³⁵ Кузнецов, Аланские племена, стр. 32—34.

³⁶ Котович, Шейхов. Археологическое изучение Дагестана, стр. 358; Каневец. Указ. соч., стр. 164. Существует мнение о том, что упомянутые памятники принадлежат аланам, подвергшимся культурному воздействию местных племен. См. Кузнецов, Указ. соч., стр. 33—35.

различных странах восточного мира — Хорезме и Египте³⁷. Все это в целом взятое может дать объяснение близости вещественного материала из некоторых ранне-средневековых могильников Дагестана (Агачкала, Верхний Чирюрт, Верхний Каранай, Хлют, Галла, Куяда и др.) инвентарю синхронных памятников Северного Кавказа аланской культуры³⁸.

Рост производительных сил, дальнейшее совершенствование орудий труда, расширение торговли и товарообмена сопровождались дальнейшей имущественной и социальной дифференциацией. Археологические работы в самых различных районах Дагестана документируют это вполне рельефно. В Агачкалинском могильнике (VI—X вв.) она нашла отражение в особенностях погребального обряда: встречаются различные формы погребальных сооружений — каменные склепы и грунтовые могилы вокруг них, причем иногда грунтовые могилы разрушались в угоду склепам³⁹.

Резко выраженную картину имущественного неравенства раскрывает Бежтинский могильник (VIII—X вв.), где наряду с богатыми погребениями с тысячей находок, имеются и бедные погребения с незначительным инвентарем или же вовсе без него. В Верхнегоцатлинском и Бежтинском могильниках социальное неравенство четко прослеживается в том, что рядом с богатыми погребениями найдены захоронения отдельных черепов⁴⁰.

Письменные источники, где впервые встречаются упоминания о «царях», также дают возможность говорить и о социальном неравенстве.

К V веку относятся сообщения об «одиннадцати царях» горцев, выступавших против сасанидского Ирана⁴¹ и о Шергире — «царе» «леков»⁴², к VI веку подобные же сообщения о «царях» на территории Дагестана становятся более подробными. Как свидетельствует арабский историк ал-Белазури (конец IX в.), иранский правитель Хосров Ануширван «провозгласил... царей,

³⁷ Якубовский, Рассказ Ибн ал-Биби, стр. 68.

³⁸ Шейхов, Погребальный обряд, стр. 104; Котович, Шейхов, стр. 356.

³⁹ Шейхов, Погребальный обряд, стр. 103.

⁴⁰ Атаев, Указ. соч., стр. 245.

⁴¹ Егише, История, стр. 333.

⁴² Хоренский, История Армении, стр. 174.

назначил их, представив каждому из них шахство (над отдельной) областью. Среди них: хакан горы, а он владетель ас-Серира и называется он вахрарзаншах, царь малик Филана, а он филаншах, табасараншах и царь ал-Лакза, с титулом Джуршаншах и царь Маската, царство которого не существует, и царь Лирана, с титулом лираншах, и царь Ширвана, называемый ширваншахом. И назначил он владетеля Бухха над Буххом и владетеля Зирикерана над Зирикераном; и утвердил он царей горы ал-Кабк в их владениях и заключил с ними мир, на условии внесения подати»⁴³.

Мы видим, что иранский царь застал в Дагестане в VI в. местных правителей, власть которых над местным населением он сохранил.

В местной хронике «Ахты наме» в связи с событиями VIII в. в Южном Дагестане также сообщается о местных правителях — «эмирах Тарсы, Рутула, Джиныха и Руфукка», выступавших против хазар, а также о мусульманском правителе Ахты.

Правда, хроника «Ахты наме» дошла до нас в позднейших записях и многие сведения ее требуют проверки и уточнения, тем не менее нельзя не обратить внимания на то, что селения Тарсы, Рутул, Джиных, Руфук, Ахты, Микрах представлены как самостоятельные политические объединения во главе с правителями, названными эмирами.

В феодальной историографии Дагестана утвердилась своего рода «норманская теория» — концепция об иноземном происхождении государственной власти, об арабском (или иранском) истоках государственности дагестанских племен. Мнение это усиленно поддерживалось раньше правящими классами и их идеологической опорой, а ныне — представителями духовенства. Местные исторические хроники («Тарихи Дагестан», «Асари Дагестан») связывали происхождение дагестанских феодальных правителей майсумов, уцмиев и шамхалов с именем Абу-Муслима⁴⁴: подчинив Дагестан, он назначил в захваченные области своих ставленников. Амир-Гамза был назначен правителем Кайтака (его наслед-

⁴³ Белазури, Футух ал-булдан, стр. 304—305; Белазури стр. 7 (рус.) 5 (араб).

⁴⁴ О нем см. статью В. В. Бартольда: «Abu Muslim», EI, I, p. 103.

ники — уцмии); Майсум — в Табасаран (наследники власти — майсумы); Шамхал, «потомок Аббаса, дядя пророка», — правителем всего Дагестана с резиденцией в Кумухе.

Цель подобного рода интерпретации происхождения государственной власти сводилась к тому, чтобы в угоду правящей верхушке феодалов освятить близостью к пророку и его сподвижникам власть феодалов и феодалов правителей, оказать идеологическое воздействие на эксплуатируемые массы. В действительности же, ни в одном из источников, датируемых VIII—XII вв. ни разу не упоминаются шамхалы, уцмии, майсумы. Ни один из арабских авторов не пишет о них; более того, никто из них не пишет о назначении арабских правителей в дагестанские владения (кроме Дербенда). Напротив, судя по сообщениям представителей арабской историко-географической литературы, арабы застают, как уже указывалось, местных правителей, «царей», воевавших с арабами, вступавших с ними в военно-политические союзы или подчинявшихся им. Все приведенные выше сведения говорят о наличии государственной власти в Дагестане еще до VI в., т. е. до установления в некоторой части Дагестана власти иранских правителей.

Совершенно с иной традицией связана версия о происхождении правителя Серира. Он, согласно преданию — потомок Бахрама Чубина⁴⁵, прославленного громителя кочевых врагов сасанидского Ирана и вместе с тем организатора восстания⁴⁶ против иранского царя Хосрова II (590—628). Традиция эта зафиксирована в X в. и дошла до нас в произведении ал-Масуди: Иездигерд, последний сасанид, во время бурных потрясений, стоивших ему жизни, отослал в Серир «свой золотой трон, свои сокровища и имущество с неким потомком Бахрама Гура, чтобы тот хранил их до его (Иездигерда) прихода. Этот человек поселился в этой области и захватил в ней царскую власть, и престолонаследие осталось в его семье»⁴⁷.

Резкая социальная дифференциация, наличие феодализирующейся верхушки прослеживается не только

⁴⁵ Минорский И. История, стр. 191.

⁴⁶ О восстании Бахрама Чубина — см.: Пигулевская, Византия и Иран, стр. 84—94.

⁴⁷ Минорский И., История, стр. 204.

в наличии «царей» или «владельцев», но также в выделении определенного привилегированного сословия, верхушки приближенного к «царю» слоя. Сообщения Якута (со ссылкой на X век) дает право говорить об этом: «в земле Лакз (имеется слой) сводных, известных под именем ал-хамашира, а над ними (т. е. управляют ими) — малики, а ниже — ал-мишак, а затем пахари (акара) и слуги или ремесленники (муххан)⁴⁸.

К сожалению, это любопытное известие не подвергнуто еще тщательному анализу. Терминология автора непонятна, не удалось еще этимологизировать термины «ал-хамашира» и «ал-мишак». Очевидно «свободные» — это независимые крестьяне — в противоположность зависимому податному сословию крестьянства — «ал-мишак». Высказывается также мнение об отождествлении хамашира с персидским словом «хам-шахари», т. е. горожанин (букв. «из того же города»). Слово «малик» обычно переводится «царь», но в данном контексте предпочтительней употреблять термин «царек», или владелец ряда населенных пунктов.

Интересен также встречающийся в тексте термин «акара». Он сходен с термином из древнеармянских и древнегрузинских текстов в форме «агарак» или «агара», означая тип земельных владений, в частности, (в Армении) — частновладельческую землю, частновладельческое хозяйство, усадьбу с пахотными полями, имение, поместье, а позже поселение⁴⁹. В основе своей «агарак» восходит к шумероаккадскому агар (акар) — в значении посева, пахотное поле, луг.

В Дагестане «акара» означало, как и в Азербайджане и других областях халифата⁵⁰, издольщик, получивший земельный участок от землевладельца на условиях издольной аренды⁵¹.

⁴⁸ Jacut. I, 438. У Н. А. Караулова (СМОМПК, вып. 38) слово «ахрар» переводится как «привилегированный класс», Ср. Минорский. Указ. соч., стр. 113.

⁴⁹ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 414, 416 (со ссылкой: Еремян, Рабовладельческое общество, стр. 21; его же. О рабстве, стр. 13 и сл.; Джанашиа. Труды, I, стр. 282).

⁵⁰ Бунятов, Азербайджан, 128.

⁵¹ Об арендных отношениях в халифате — см. Якубовский, Об испольных арендах. На арендные отношения в раннесредневековом Дагестане впервые серьезное внимание обратил Ш. М. Ахмедов — см.; Ахмедов. Феодалные отношения.

Таким образом социальное расслоение и общественное разделение труда прослеживаются четко — правящая верхушка («малики»); свободное население; податное сословие крестьян; акара — издольщики; ремесленники, выделившиеся из общей массы сельского земледельческого населения.

Социальная дифференциация прослеживается также и в других районах Дагестана. Так правитель Серира также обладал огромной властью и имел при себе значительное привилегированное сословие. Это «сипехсалары» (военачальники), живущие в городе Хандан⁵²; это «тарханы и батрики», которые вместе с правителем Серира напали на Дербент⁵³; это «сарирские начальники», выступавшие против Ширвана⁵⁴. Царь Серира имел, по словам Гардизи (середина XI в.), два трона, золотой и серебряный, на золотом сидел он сам, а на серебряном — его придворные⁵⁵. Здесь целая система органов государственной власти и тех социальных сил, которые служили опорой царя. Опираясь на дружину, на феодальную верхушку, правитель устанавливает личную внеэкономическую зависимость населения, жестоко эксплуатирует чужой труд. «Царю принадлежит 20 тыс. долин (ши'б), населенных людьми разного рода (сунуф)»⁵⁶. «У него было 12 тыс. селений, из которых он набрал столько слуг (или рабов, йаста'биду), сколько желал»⁵⁷ — писал автор X в. ал-Масуди.

Наиболее четко сословное деление прослеживается в Дербенте. Как уже указывалось, во второй половине IX в. городом управляли правители, назначаемые халифом. Впоследствии (869 г.) управлять городом стали Хашимидами, власть которых была наследственной. Тем не менее власть хашимидских амиров не была неограниченной. Внутриполитическая и международная обстановка в городе сложилась так, что амир оказался «первым среди равных»⁵⁸. Феодальная верхушка, окружавшая амира, его политические советники, начальники, разбогатевшие на многочисленных войнах «за веру», на

52 Худуд ал-алам, стр. 31; Minorsky, Hudud, стр. 161.

53 Минорский, История, стр. 73.

54 Там же, стр. 73—74.

55 Там же.

56 Там же, стр. 213.

57 Там же, стр. 204.

58 Там же, стр. 163.

эксплуатации населения, городского и соседнего сельского, уже представляет внушительную силу, способную противопоставить себя дербентскому правителю и его газиям — воителям за веру.

Центрбежные тенденции их с каждым годом возрастали, и правитель не мог с этим не считаться. Первый амир Баб ал-абваба Хашим ибн Сурака решал дела «только посоветовавшись с мудрыми стариками (укала) и начальниками (ру'уса). Что бы он не делал, он делал только по общему соглашению». Амиры были на положении наследственных президентов средневекового города — государства⁵⁹. Власть амиров была, таким образом, сильно ограничена военной верхушкой и городской аристократией. Еще Харуну ар-Рашиду «Дербенд наме» приписывает слова, сказанные им будто в 796 г. в адрес хакима (правителя Дербента): «Ничего не предпринимай, не посоветовавшись. Все дела Дербенда в твоих руках, если ты совершишь предательство, станешь нерадив в борьбе с неверными, или будешь угнетать народ, я даю право народу Дербенда свергнуть тебя. Я поручил Абдул-Малику б. Аглабу быть надзирателем (назиром) над тобой. Я назначил его командующим войском (сарлашкар) и друга, т. к. он наш верный человек»⁶⁰.

Воинская сила амира состояла из «борцов за веру», добровольцев, «чтецов Корана» и «пришлых», «гулямов» (стража или телохранители)⁶¹.

Особое положение занимали раисы, выступавшие в качестве посредников между правительственной администрацией и местным населением. В Арране и Ширване они выступали главами городских гильдий. В Дербенте был известен «раис дубильщиков». Раисы имели отряды собственных вооруженных слуг (гулямов). В более тесной, чем раисы, связи с амирами были «знать пограничных областей» или «айан ас-суфуф». В последних можно усмотреть среднее сословие именитых купцов из торговых рядов. Они выступали на стороне амира, т. к. интересы торговли требовали установления сильной царской власти. Горожане также поддерживали амира в его борьбе против раисов и их гулямов⁶².

⁵⁹ Там же, стр. 65, 166.

⁶⁰ Там же, стр. 165.

⁶¹ Там же, стр. 163.

⁶² Там же, стр. 164, 166—167. Разбор указанных терминов — см. А х м е д о в, Феодалные отношения, стр. 166—185.

Вся эта правящая верхушка (амир, раисы, аристократы), купцы и торговцы обогащались на торговле, средоточием которой Дербент является в течение столетий.

Правящая верхушка дагестанских раннефеодальных владений резко противопоставляет себя основной массе непосредственных производителей материальных благ. Они окончательно отделились от своих соплеменников, создав своеобразную и недоступную касту. Правитель Серира обосновался в огромной крепости, где имеется «очень большой трон из красного золота»⁶³. Крепость «стоит на вершине горы, которая имеет площадь 4 × 4 фарсаха и окружена каменной стеной»⁶⁴. Дербентский правитель обосновался в цитадели, а раисы, окружавшие его, построили «срединную стену», которая должна была слить их с цитаделью и отделить их от «черни». Ремесленный люд, городская чернь жила в рабатах — предместьях города.

Раскопки в Урцеки выявили ту же картину — сильно укрепленная цитадель и посады вокруг нее. Феодалы замки и укрепления были рассеяны по всему раннесредневековому Дагестану.

Арабские источники. пишут ли они об арабских набегах во внутренние районы Дагестана, или повествуют о жизни царя и дружины его в X в.— всюду единодушно сообщают о многочисленных замках, крепостях. Эти крепости, укрепленные пункты служили центром политической и экономической жизни, организаторами военных акций, местопребыванием феодалов правителей и феодалов знати.

Феодалы правители нередко спланивались в борьбе против соседей или же зависимого крестьянского сословия, поддерживали контакты, устанавливали родственные связи. Политика царя Серира здесь наиболее показательна и предусмотрительна: он в союзе с аланами; его дочь — жена арабского наместника Армении. Правитель Баб ал-абваба также женат на дочери «царя» Серира.

Исключительно трудно на базе ныне доступных источников проследить хотя бы в общих чертах процесс

⁶³ Худуд ал-алам, стр. 31; Hudud al-alam, p. 161.

⁶⁴ Ибн Русте о Дагестане (Минорский, История, стр. 219).

установления феодальной собственности на основные средства производства — землю. Только самые общие рассуждения о компетенциях местных правителей (сбор дани, сбор войска, получение земельных участков) позволяют предполагать, что дагестанские владельцы в лице правителей были верховными собственниками земли. Феодальная верхушка владела «поместьями» (дийа). «Поместья» упоминаются в Лакзе, Табасаране, Серире.

Феодально зависимые отношения складывались при активном вмешательстве правительственной власти. В середине IX в. халиф Мутавакил пожаловал правителю Армении, Азербайджана и Аррана Мухаммеду б. Халиду «в качестве лена город Баб-ал-абваб с зависящими от него землями»⁶⁵. Ширваншах Хайсам (II пол. IX в.) «перевел несколько деревень на благочестивые дела (вакф)». Весь урожай свозился в амбары, «которые он построил в своей столице, после чего он правильно распределялся среди нуждающихся членов пограничных областей ал-Баба и среди газиев»⁶⁶.

Ширванские и дербендские правители сосредоточили в своих руках сбор налогов. Еще при халифе Мансуре (754—775 гг.) правитель Дербенда Йазид ас-Сулами «послал человека к нефтеносным источникам и солеварням страны Ширвана и, обложив их налогом, назначил надзирателя над ними»⁶⁷. Ставленник Харуна ар-Рашида в Дербенде собирал подати «с окрестных жителей».

В 272 г. х. (885—886), по данным «Дербенд наме», «багдадский халиф издал фирманы жителям Дербенда, дающие право на получение доходов с источников нефти и соли Баку»⁶⁸.

Доходы эти собирались ежегодно и шли большей частью на содержание воинов. Соседние земли также подчинялись городу⁶⁹, и доходы, поступавшие из этих селений, составляли значительную долю богатств феодальной верхушки. Сборы с нефтяных источников и солеварен осуществляли попеременно Ширван и Дербенд.

⁶⁵ Минорский, История, стр. 46.

⁶⁶ Там же, стр. 47.

⁶⁷ Там же, стр. 87 со ссылкой на Белазури, 210.

⁶⁸ Dербенд - Намеһ, р. 590

⁶⁹ Там же, стр. 591.

В сельскохозяйственных районах налоговая политика заключалась во взимании поземельного налога — хараджа⁷⁰. Так в середине XI в. «гумикские неверные» облагают хараджем «селения ал-Баба»⁷¹, а Ширваншах «собирал силой харадж с жителей» Восточного и Западного Лакза.

Дальнейшее развитие процесса феодализации в Дагестане шло в условиях ожесточенной классовой борьбы. Крестьянские массы упорно отстаивали право сельских общин. Городское население защищало свои «вольности». Хотя дореволюционная феодально-клерикальная историография умалчивала о борьбе эксплуатируемых масс против эксплуатации и эксплуататоров, сведения о классовой борьбе просачивались, тем не менее, и в литературу — настолько важное место в социальной жизни эта борьба занимала.

Наиболее бурно эта классовая борьба протекала в Дербенте и в прилегающих землях, подчиненных городу. Налоговый гнет здесь был наиболее невыносимым. «Дербенд наме» так описывает положение в 160 г. х. (776—777 гг.): Харун ар-Рашид назначил правителем города некоего Джаюна сына Анджама, предписав ему ежегодный сбор хараджа с окрестных городу жителей. Однако правитель народа предался играм и увеселениям «и пренебрег делами города и вследствие этого жители Дербенда рассеялись по различным местам»⁷². Когда в середине X в. Дербенд был охвачен смутами, «восстали крепости и деревни, принадлежащие Дербенду»⁷³.

Восставшие не одержали победы, хотя момент был выбран удачный — распад халифата и смуты во всех областях, номинально входивших в его состав. Тенденция правителей к увеличению доходов приводила к попыткам обложить налогами часть населения, свободного от податей. К последним относились защитники пограничных земель. Когда Марзбан, основатель династии Саларидов, наложил на них подать, горожане восстали, но также безуспешно⁷⁴.

⁷⁰ Подробнее — ниже.

⁷¹ Минорский, История, стр. 74.

⁷² Dербенд - Намеһ, р. 581.

⁷³ Там же, стр. 591.

⁷⁴ Бартольд, Сочинения, т. II, ч. I, стр. 682.

Впоследствии, в 944 г., в год похода русов на Закавказье, «люди ал-Баба восстали против своего эмира». Тот вынужден был бежать. Жители города пригласили ширваншаха, который вскоре также был изгнан⁷⁵. Раисам удалось, опираясь на горожан, захватить власть в свои руки, а правитель города (теперь уже Маймун ибн Ахмад), был выведен из цитадели и заключен в «правительственном здании» (дар ал-имара), т. е. в резиденции в нижнем городе⁷⁶. Была начата работа по разрушению средней (поперечной) стены, отделявшей город от цитадели⁷⁷, вернее предназначенной защищать цитадель от горожан и ремесленников, и это было, по-видимому, уступкой беспокойной «черни».

Бурные события в Дербенде показывают, что политическая жизнь Дербенда в X в. полностью находилась в руках раисов. Им удалось подчинить выступления горожан и жителей окрестных селений. Правитель города был марионеткой в руках раисов, и они приглашали в Дербенд то одного, то другого правителя соседских областей — Ширвана, Табасарана, Лакза, смещали и вновь приглашали их по своему усмотрению. Будучи противниками централизованной власти, они старались организовать все центробежные силы и в этой борьбе использовали естественное недовольство городского и земледельческого населения.

В неразрывной связи с усиливающейся классовой борьбой в Дагестане находятся участвовавшие военные походы отдельных правителей на соседние земли. Когда дербендские «гази» — «воители за веру» делали военные вылазки далеко вглубь гор, или же когда «начальники» Серира вступали против Ширвана или Дербенда — захват добычи, пленных был не единственной целью этих актов, хотя этому и придавалось большое значение. Отвлечь недовольные слои крестьян или горожан от активной классовой борьбы, дать этому недовольству определенное направление — вот вторая цель походов, организуемых феодалами за пределами своих владений.

Острая классовая борьба нашла отражение в области идеологии, в сознании трудящегося народа, наложила отпечаток на историческую традицию. Это прояви-

⁷⁵ М и н о р с к и й, История, стр. 49.

⁷⁶ Там же, стр. 68.

⁷⁷ Там же.

лось в упомянутых выше преданиях о Бахрам Чубине и Абу Муслиме.

Бахрам Чубин — известный сасанидский полководец, одержавший блестящую победу над тюрками в последней четверти VI в. Впоследствии он поднял восстание против сасанидского царя, наложившее отпечаток на политическую жизнь империи сасанидов в конце VI в. Но восстание было подавлено. Бахрам Чубин вынужден был бежать к тюркскому кагану, где он был предательски умерщвлен⁷⁸. На дагестанской почве печальная судьба Бахрама, восставшего против сасанидского Ирана — средоточия злоупотреблений и классового угнетения — отразилась в предании о царях Серира, — потомках Бахрам Чубина.

Абу Муслим — человек, с именем которого связано свержение ненавистной народу династии Омейядов, сыгравший крупную роль в приходе к власти Аббасидов. Аббасиды же его и убили. Имя полководца, получившего огромную популярность в народе как борец за социальную справедливость, легко становилось объектом легендарных сюжетов. Не странно поэтому, что именно ему приписывается распространение ислама в Дагестане, хотя здесь он не был.

Как известно, восстание Бабека в Азербайджане было поддержано дагестанцами. Знаменем восставших был маздакизм, служивший в течение нескольких веков идеологическим оружием многих выступлений крестьян и городской бедноты в Иране, Средней Азии. Это обстоятельство облегчало появление сказаний об Абу Муслиме на дагестанской почве.

Версии о потомках Бахрам Чубина и об Абу Муслиме, распространителе ислама, как нам кажется, являются отражением того сочувственного отношения угнетенных низов, которое было проявлено к восстаниям, направленным против социального гнета.

Особо следует остановиться на вопросе социального развития в Хазарском каганате на его территории.

Социальное расслоение прослеживалось еще у «гуннов» в VI в. В сирийской и армянских хрониках упоминаются как «гуннские» цари так и «гуннские» вельможи.

⁷⁸ Пигулевская, Византия и Иран, стр. 108.

Сам факт принятия ими христианства и мер, принимавшихся для искоренения язычества⁷⁹, т. е. стремление к переходу к монотеистической религии, красноречиво говорит о крупных социальных сдвигах в землях, ставших ядром Хазарского каганата. Те взаимоотношения между различными слоями населения, та социальная дифференциация, которая наблюдается у гуннских племен, сохранилась после образования Хазарского каганата не только у «гуннов» и других подвластных хазарам племен.

Социальная дифференциация в хазарском обществе ярко выражена. Номинальным главой государства был хакан, личность которого была окружена исключительным почетом и ореолом святости. Реальная власть была в руках царя (он же иша, бек, малик, каганбек и т. д.). Он управлял государством, предводительствовал войском, вел внешние дела, определял наказания. Среди сановников, близких к хакану, называют кендеркагана и чаушира⁸⁰. Интересы привилегированной верхушки защищала регулярная армия, освобожденная от всяких податей.

Однако основную статью дохода и обогащения хазарской знати составляли продукты животноводства, торговля пленными и торговая пошлина. «Это область очень богатая и населенная, со многими доходными статьями; из нее вывозятся быки, бараны и пленники без числа», — писал аноним X в.⁸¹. Автор X в. прямо подчеркивал: «доход хазарского царя получается главным образом от морской пошлины»⁸². Выгодное географическое положение и все возрастающие торговые операции на Волге и Каспийском море создавали благоприятные условия для обогащения хазарской знати. Немаловажную роль играли также на заре каганата нападения на соседние области, особенно на плодородные земли Закавказья.

662, 664, 684, 730, 762, 764 — это только неполный перечень лет, когда богатые и цветущие закавказские го-

⁷⁹ Там же, стр. 190.

⁸⁰ Григорьев. Об образе правления, стр. 281; Его же. О двойственности верховной власти, стр. 281.

⁸¹ Туманский, стр. 31; Hudud al-'alam, p. 161.

⁸² Ал-Истахри. Из книги путей и стран, стр. 43.

рода и села утопали в крови, не будучи в состоянии спастись от урагана хазарских нашествий.

Конечно, цель хазарских походов не сводилась только к разорению и уничтожению. Грабеж богатств, скота, захват людей, установление дани, политическое господство — вопросы эти стояли в центре военных внешнеполитических акций феодализирующейся хазарской знати, хазарских правителей. Еще при правителе Албании Джеваншире (616—669) «гуннами» была захвачена огромная добыча в Албании — 120 тыс. голов скота, 7 000 лошадей и 1 200 людей⁸³. «Великий князь гуннов Альфилитвер» впоследствии «сделал набеги на Албанию», проник в область Ути, где «собрав большое количество людей и скота из той страны, и, взяв добычу, увел в плен»⁸⁴. Данные эти хотя и преувеличены, но очень хорошо показывают, что захват людей в плен и добыча были неотделимыми спутниками хазарских набегов. Недаром католикос албанский Виро, пришедший с подарками к хазарскому царевичу, обещал ему: «Я сделаю нашествие на страны, лежащие вокруг тебя, и всю добычу и грабеж оставляю в пределах твоих и за одно разорение обильно воздам тебе людьми и скотом»⁸⁵.

Взимание дани, натуральных поставок с покоренных земель практиковалось в каганате повсеместно. Платили ее в VII в. албанские правители⁸⁶, а также земли, подвластные хазарам. В 630 г. «князь севера» отправил смотрителя за ремесленниками по золотодобычанию и добыче серебра, потребовав пошлины с товаров⁸⁷. В IX в. — первой половине X в. еще платили русские земли, занятые северянами, вятичами и отчасти полянами⁸⁸. Хазары, — сообщает летопись, — брали с полян, северян и вятичей по серебряной монете и белке — «по белке и веревке от дыма»⁸⁹. В самой столице Хазарии Итиле в середине X в., со слов ал-Истахри, «на обитателях городских кварталов и окрестностей лежит повин-

⁸³ Каганкатваци, стр. 154.

⁸⁴ Там же, стр. 186.

⁸⁵ Там же, стр. 126—127.

⁸⁶ Там же, стр. 191.

⁸⁷ Там же, 131,

⁸⁸ Якубовский, О русско-хазарских отношениях, стр. 461.

⁸⁹ Геденов, Варяги и Русь, стр. 486.

ность доставлять им всякого рода необходимый провиант, напитки и пр.»⁹⁰.

В X в. хазарский хакан Иосиф так и объяснял источник своих доходов: «...на протяжении двух месяцев пути все платят мне дань»⁹¹.

Регулярные налоги с населения, входившего в состав каганата, торговая пошлина, богатства, завоеванные в соседних странах, продажа рабов — все это составляло те статьи, которые постоянно укрепляли и упрочивали власть феодализирующихся правителей. Установление регулярного сбора налогов с населения явилось как бы, выражаясь словами К. Маркса, экономическим выражением реализации земельной собственности. В качестве верховного владельца земли выступает здесь государство в целом.

Имеется одно любопытное известие о взаимоотношениях каганата и дагестанских владений, в частности о податях, вносимых последними хазарскому хакану. Хазарский хакан Иосиф в своем ответном письме Хасдаю Ибн Шафруту, еврейскому сановнику при дворе испанских халифов, писал: «с южной стороны живут 15 народов, многочисленных и сильных, которым нет счета, до Баб ал-абваба. Они проживают в горах. Все жители Баса и Т-н-т до (самого) моря Кустантини, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань»⁹².

Пространная редакция этого письма более подробна, и среди городов и стран, платящих хакану дань, называют также Семендер, С-риди (отождествляемый с Сериром) и другие⁹³, между Дербендом и Хазарией.

Никаких других сведений, подтверждающих эту версию пока еще неизвестно. Ни одна из дагестанских хроник, ни один из арабских авторов, насколько нам известно, не сообщает о дани, которую горцы вносили хазарскому правителю в X в. Не является ли сообщение ответного письма хазарского царя одним из приемов, подсказанных стремлением возвеличить каганат в глазах испанского единоверца? Или же анахронизмом, связанным хронологически с тем временем, когда возник Хазарский каганат, когда влияние хазар было действительно

⁹⁰ Ал - И с т а х р и. Книга путей и стран, стр. 43.

⁹¹ Коковцев. Еврейско-хазарская переписка, стр. 82.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, стр. 100—101.

более реальным, чем в X в.? Во всяком случае хроника пишет, что «хазары, став могущественными, стали воевать против племен Лек и Кавказ, с их правителем Дурдзуком, сыном Тирета», который «платил дань царю хазар»⁹⁴. А дагестанский исследователь Багадур Малачиханов считает даже возможным, что титул аварского правителя нуцал — это иудейский термин «нуси», «носи» (предводитель колена, вельможа, старейшина, князь), «занесенный в горы, по всей вероятности при владычестве хазар на плоскости»⁹⁵.

Большие сдвиги в экономической и социальной жизни, все усиливавшееся в каганате стремление покончить с родоплеменными отношениями, толкали правящую верхушку хазарского общества к принятию монотеистической религии в целях идеологического оправдания социального неравенства. Началась «борьба за религию», которая отражала в идеологической сфере изменения, происходившие в социально-экономической области у хазар⁹⁶.

Наиболее распространены в Хазарии были языческие верования. Однако к концу VIII в. хакан и правящая верхушка принимают иудейство, а в середине X в. — ислам⁹⁷. «Возведение иудизма в государственную религию имело значение политического самоутверждения, демонстрации не только независимости, но равенства Хазарского каганата с Византийской империей и Арабским халифатом»⁹⁸. Хотя иудизм был возведен в ранг государственной религии, все же иудеи составляли даже в X в. небольшую часть населения каганата: как писал ал-Истахри «наименьший раздел их (т. е. хазар) — иудеи, а наибольший — мусульмане и христиане, только вот царь и приближенные его — иудеи»⁹⁹. Христианское и мусульманское население в середине X в. зафиксировано, наряду с иудейским, в бывшей столице Хазарии —

⁹⁴ Brosset, Histoire de la Géorgie, I partie, pp. 24, 26.

⁹⁵ Малачиханов. К вопросу о Семендере, л. 3.

⁹⁶ Заходер, Каспийский свод, стр. 145 и сл.

⁹⁷ О принятии монотеистических религий — см. Артамонов, История хазар, стр. 222, 225—226, 262—282; Magquart, Streifzüge. S. 4 и т. д.; Заходер, Указ. соч., стр. 145—166; Бартольд. Арабские известия о русах, стр. 34.

⁹⁸ Артамонов. История хазар, стр. 264.

⁹⁹ Истахри. Изд. Мёллера, 95; BGA, I, 220 (цит. по Заходеру. Указ. соч., стр. 164).

Семендере. Здесь правитель также иудей «из родственников хазарского царя».

Таким образом, в каганате прослеживается сосуществование трех монотеистических, а также языческой религии, которое объясняется не только «веротерпимостью» хазар, но и сложившейся обстановкой, когда культурные, политические, торговые связи были установлены с теми странами, где эти (монотеистические) религии были господствующими.

Проникновение монотеистических религий имело место и в Дагестане, и в основе этого идеологического процесса также лежали существенные изменения в экономической и социальной структуре дагестанских обществ. Первая из монотеистических религий, проникавших в Дагестан еще в IV в., было христианство, уступившее затем место исламу, прочно укрепившемуся во всех дагестанских владениях и союзах сельских общин в течение длительного времени — семи-восьми веков.

* * *

Все приведенные выше сведения свидетельствуют о том, что в течение V—X вв. в Дагестане утвердились раннефеодальные отношения. Класс феодалов и класс непосредственных производителей материальных благ противостоят друг другу. Раннефеодальные отношения, сложившиеся в Дагестане, носят, однако, специфический характер, объясняемый рядом социально-экономических и политических обстоятельств.

Прежде всего следует отметить, что раннефеодальные отношения в Дагестане носили особо устойчивый характер. С этим фактом тесно связана и роль сельской общины, устойчивость которой наложила особый отпечаток на процесс развития феодализма, надолго сохранив патриархально-феодальный характер отношений и относительную свободу рядовых общинников. Поэтому процесс дальнейшей феодализации, т. е. переход Дагестана в стадию развитого феодализма, затянулся по сравнению со странами Закавказья.

Это обстоятельство, а также рост значения скотоводства привели еще к одной характерной особенности развития социальных отношений в Дагестане. Если в равнинных частях феодальные отношения укреплялись за счет захвата пахотных земель, то в горных районах пре-

имущественно устанавливалась собственность на пастбищные земли, а пахотные участки, как правило, надолго оставались в собственности отдельных семей. Феодалы в районах с развитым животноводством владели не пахотными участками, а были собственниками пастбищных земель.

Ни на плоскости, ни в горных районах феодалы не вели собственного хозяйства и поэтому сдача земли в аренду получила особое распространение.

И, наконец, для Дагестана V—X вв., как и в последующее время, характерно то, что развитие феодализма ускорилось под влиянием внешних факторов, в частности, благодаря политике иранских, арабских, ширванских и др. правителей.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

Глава III.

АРАБСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ И НАЧАЛО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА (VII—X вв.)

В VII веке на Аравийском полуострове произошли события, положившие начало новой странице в истории народов стран Средиземноморья, Передней и Средней Азии. Был завершен процесс объединения мелких союзов племен в единое централизованное государство. Развитие племен по пути становления классовых отношений¹ и политического объединения Аравии сопровождалось возникновением новой монотеистической религии — ислама, заменившего постепенно языческие культы земледельческих и скотоводческих племен. Несмотря на сопротивление, которое ислам встретил во многих местах на пути признания и распространения, новая религия в силу своего строгого монотеизма и проповеди «братства» всех мусульман, выросла в огромную политическую силу, способствовавшую централизации власти и объединению Аравии.

Родина ислама — западная часть Аравийского полуострова (Хиджаз), а именно, города Мекка и Медина. В VI в. кризис рабовладельческого строя, охвативший страны Передней Азии, нашел отражение также на Аравийском полуострове.

«Ко времени Магомета,— писал К. Маркс Ф. Энгельсу в письме от 2.VI. 1853 г. — торговый путь из Европы в Азию значительно изменился, и арабские города, принимавшие видное участие в торговле с Индией и т. д.,

¹ Разбор различных мнений о характере этих классовых отношений — см. Петрушевский, Ислам, стр. 6—7.

находились в то время в торговом отношении в состоянии упадка, что, конечно, также дало толчок»².

В своем ответном письме (от 6.VI.1853 г.) К. Марксу Ф. Энгельс также отмечал, что «уничтожение южно-арабской торговли в эпоху, предшествующую Магомету...» было «одним из важных моментов, подготовивших магометанскую революцию»³. Упадок торгового значения Мекки и Медины и усиление противоречий между родовой аристократией и племенной массой требовали выхода из создавшегося положения в более прогрессивном развитии общества по пути феодального развития⁴. Выход из состояния глубокого социально-экономического кризиса был в одном — создании общеарабского государства вместо патриархального общества с родоплеменной организацией, племенной рознью и враждой⁵. Оформлению новых социальных отношений должна была активно содействовать новая идеология.

Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» писал: «Великие исторические повороты *сопровождались* переменами в религии лишь поскольку речь идет о трех донине существовавших мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе. Старые стихийно возникшие племенные и национальные религии не имели пропагандистского характера и лишались всякой силы сопротивления, как только бывала сломлена независимость данных племен или народов. ...Только по поводу этих, более или менее искусственно возникших мировых религий, особенно по поводу христианства и ислама, можно сказать, что общие исторические движения принимают религиозную окраску»⁶.

✂ Новая религия становится идеологией феодального государства, т. е. Арабского халифата, социальный строй которого претерпел в течение VII—X вв. большие изменения.

Как известно, движение за объединение различных племен Аравийского полуострова, начатое Мухаммедом,

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 488.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 494.

⁴ Беляев, Ислам, стр. 57—58.

⁵ Петрушевский, Ислам, стр. 10.

⁶ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, стр. 294.

при преемниках его вылилось в войну за захват чужих территорий. Завоевание земель прикрывалось лозунгами распространения в них новой религии и избавления населения от социального гнета.

Слово «ислам» означает «покорность», имея в виду покорность богу, «вручение себя аллаху». «Покорный богу» звучит по-арабски «муслим», или же в измененной форме «мусульманин». «Уже в самом имени — ислам, — писал известный венгерский востоковед И. Гольдциер, — подчинение, предание всемогущей Силе, которой человек должен подчиняться, отказавшись от своей воли. Оно является преобладающим принципом, который проникает все проявления этой религии, главным признаком вызванного ею мировоззрения, определяющим его особенностью характер»⁷.

Ислам предписывает верующим пять основных обязанностей (учение с пяти «столпах веры»):

1. Признание исповедания догмата единобожия (тавид) и признание пророческой миссии Мухаммеда — основной догмат веры в исламе. Оно выражено в формуле «нет божества кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник божий» («ля илях илля ллах ва Мухаммед русул-уллах»);

2. Ежедневная молитва (салат);

3. Соблюдение поста (саум) в месяце рамадан;

4. Внесение милостыни (закат);

5. Совершение паломничества (хаджж) в Мекку.

Важнейшим положением первоначальной мусульманской государственности признаны законность и желательность джихада⁸, т. е. «священной войны».

Возникновение ислама связано с именем мекканца Мухаммеда, признаваемого за основоположника новой религии. Происходил он из рода Хашимидов, принадлежащего племени Курайш, во владении которого находилась Мекка, будущая родина ислама.

Согласно преданию, он родился в Мекке в 570 или 571 г. в знатной, но малоименной семье, не знал своего отца Абдаллаха, который рано умер, а мать, Амина, скончалась, когда мальчику было 6 лет. Проповедь но-

⁷ Гольдциер, Ислам, стр. I.

⁸ Заходер, История, стр. 29.

вой религии Мухаммед начал, как гласит предание, в 609 или 610 гг. первоначально без видимого успеха, хотя еще в Мекке некоторые горожане стали последователями «пророка». Среди последователей были его родственники, много бедных и рабов. Не имея социальной опоры в родном городе, он вынужден был переселиться в Медину вместе со своими приверженцами (впоследствии они назывались «мухаджирами» — переселенцами, в отличие от «ансаров» — помощников, примкнувших к исламу в самой Медине). Мухаджиры и ансары объединились под общим названием «сподвижники пророка». Это переселение имело место в 662 г. и называется «хиджрой». Событию этому придали впоследствии огромное значение, и с 622 года берет свое начало мусульманское летоисчисление, когда годы стали отсчитывать от «хиджры» — переселения. Число сторонников ислама все росло, а ряд побед мединцев над мекканцами еще более поднимал авторитет «пророка». В 630 г. была взята Мекка, а к смерти Мухаммеда (632 г.) ислам занимал прочные позиции в Хиджазе и в ряде других мест Аравийского полуострова.

Основной книгой, «Библией ислама», как писал французский востоковед А. Массэ, (или «больше чем Библия») ⁹ был Коран, что в переводе означает «Чтение» или же точнее «декламация» (от слова кара'а — «читать», «произносить речитативом, декламировать») ¹⁰.

Наиболее почитаемая, священная книга мусульман, Коран, по представлениям мусульман — это откровения из «небесной божьей книги», ниспосланные Аллахом Мухаммеду через ангела Джабраила (Гавриила). По учению ислама, Коран — не творение Мухаммеда, книга эта не сотворена, она существует извечно. Не сотворены не только мысли, идеи Корана, но и буквы и внешняя форма его. «Откровения Аллаха» реализовались Мухаммедом перед своими последователями в форме речей и заповедей. Эти речи — откровения запоминались «сподвижниками пророка» наизусть или же записывались на листах, камнях, костях. Впоследствии, после смерти Мухаммеда, эти записи были собраны воедино, и подвергнуты соответствующей обработке.

⁹ Hitti, Islam and the West, стр.13.

¹⁰ Spuler, Geschichte, I, стр. 34.

Бессистемность, с которой были собраны проповеди пророка, приводила к неизбежным отклонениям от «священных текстов», изложенных Мухаммедом в своих речах, а разночтения нередко угрожали конфликтами между отдельными племенами и военными отрядами¹¹. В интересах государства создание окончательной редакции Корана было делом первостепенной важности, и при халифе Османе (644—656) был установлен сводный канонический текст Корана, дошедший, с небольшими изменениями до наших дней.

По приказу Османа было составлено несколько одинаковых списков Корана, первый из которых хранился в «городе пророка» Медине (этот Коран назывался «Имамом»), а другие, как предполагают, — в крупных городах — Куфе, Басре, Дамаске. Османовская редакция также подвергалась впоследствии некоторым изменениям, пока в X в. не был «окончательно установлен официальный текст, подкрепленный авторитетом семи богословов»¹². Книга не должна подвергаться изменениям, иным редакциям, сокращениям, незначительным отклонениям канонических текстов. Впоследствии усердно было подсчитано не только число слов (77.934), но и стихов (6236) и даже букв (323621) в Коране¹³. По мнению ученых окончательная фиксация священных текстов была важнейшим событием в идеологической и политической жизни страны в правление халифа Османа. Как писал известный американский востоковед Г. Е. фон Грюнебаум, «Коран остался первой священной книгой на арабском языке и вместе с тем — несмотря на полное совершенствование обычноправовых предписаний — первой попыткой кодификации права»¹⁴.

Коран состоит из 114 глав («сур»), каждый стих которых называется аятом. В хронологическом отношении суры расположены весьма произвольно, структурно — в порядке убывающей величины лишь с незначительными отступлениями от этого правила. Суры имеют названия

¹¹ О Коране — см.: Hitti, *History of the Arabs*, стр. 123—127; Беляев, *Арабы*, стр. 111—116; Массэ, *Ислам*, стр. 69—82; Климович, *Ислам*, стр. 39—108; Петрушевский, *Ислам*, стр. 95—122.

¹² Массэ, стр. 76—77.

¹³ Hitti, *History of the Arabs*, стр. 126—127.

¹⁴ Grunebaum, *Der Islam*, S. 27.

(«Корова», «Женщина», «Военная добыча», «Лицемеры» и т. д.) или же буквенное обозначение, смысл которого еще не удалось окончательно выяснить, несмотря на все продолжающиеся попытки давать те или иные толкования.

Коран (как и ислам вообще) впитал в себя многие элементы иудаизма, христианства, зороастризма. Известный американский востоковед Филипп Хитти так и писал: «Источники Корана ясны: христианство, иудаизм и арабское язычество»¹⁵.

Коран, как и сунна (мусульманское священное предание, состоящее из хадисов, т. е. рассказов о жизни Мухаммеда), а впоследствии иджма (согласное мнение богословов и правоведов) и кияс (суждение по аналогии) — составили четыре источника мусульманского права, основы правоведения.

При преемниках Мухаммеда, «праведных» халифах (Абу Бекр, Омар, Осман, Али) завоевания перекинулись за пределы Аравийского полуострова, хотя объединение полуострова имело место при халифе Омаре (634—644).

Арабские завоевания, продолжавшиеся и при последующих халифах — династиях Омейядов и Аббасидов — сыграли огромную роль в судьбах многих стран на обширных территориях Передней и Средней Азии, Средиземноморья. При первых трех халифах — Абу Бекре, Омаре, Османе, т. е. в 632—656 г. арабские войска нанесли сокрушительные удары Византии и Ирану, захватили Сирию, Палестину, Ирак, Хорасан, Закавказье, часть Северной Африки. Византийской империи был нанесен тяжелый материальный и территориальный ущерб, а сасанидский Иран перестал существовать. Успехи арабского оружия были огромны, что давало повод причислить завоевательные походы якобы «к выдающимся военным деяниям мировой истории»¹⁶.

Военные успехи арабских войск объясняются теми социально-экономическими и военно-политическими условиями, которые сложились к тому времени в Византийской империи и сасанидском Иране. Оба государства переживали глубокий кризис, связанный с резким усилением классовых противоречий и экономическим исто-

¹⁵ H i t t i, Islam and the West, p. 15.

¹⁶ S p u l e r, Geschichte, I, стр. 22.

щением страны¹⁷. Трудящееся население Ирана и Византийской империи склонно было смотреть на арабов-завоевателей «как на избавителей от тяжелого ига своих правителей. К тому же арабы предлагали гораздо более сносные условия существования в случае подчинения их господству»¹⁸. Так, например, в Северной Африке коптские племена первоначально приветствовали арабов как освободителей, ибо под властью Византии подвергались религиозным притеснениям¹⁹. Жители сасанидской столицы Ктезифона (Мадаин) открыли арабам городские ворота после бегства Иездигерда III²⁰. Немаловажную роль играло также то обстоятельство, что завоеватели не навязывали ислам силой в захваченных местах, вместе с тем стимулируя принятие ислама особым положением, согласно которому принявший новую религию освобождался от подушной подати и уравнивался в правах с мусульманами. К тому же арабы «допускали для непосредственных производителей на земле и более мягкие формы эксплуатации, по сравнению с теми формами, которые господствовали в империи, и это сыграло важную роль в тяготении восточных областей империи к подчинению арабам»²¹.

Для сирийцев «было счастьем сбросить византийское иго»²², как и в других областях империи, где завоевание «варваров» было встречено населением, как приход «избавителей». Однако подобное положение продолжалось недолго. Народные массы воочию убеждались в сущности арабских завоеваний и нередко поднимались против арабской власти.

После того, как сасанидский Иран, просуществовавший пять веков, рухнул под ударами выходцев из Аравийского полуострова, им открылась дорога в богатые районы Закавказья, Средней Азии. Часть этих областей была захвачена еще в 640—651 гг. Народы этих областей оказали упорное сопротивление и нередко стремились совместно отстаивать свою независимость. Значительные

17 Беляев, Арабы, стр. 140—141

18 Беляев, Арабы, стр. 141.

19 Spuler, Geschichte, I, стр. 25.

20 Беляев, Арабы, стр. 138.

21 Пигулевская, К вопросу, стр. 76.

22 Массэ, Ислам, стр. 59.

усилия приложили арабские завоеватели и для установления своей власти на территории Дагестана.

Территория Дагестана не случайно привлекала внимание арабов. Это был важный стратегический участок, ограждающий Закавказье от хазарских набегов. В районе Дербенда проходила в середине VII в. северная граница халифата, и охране этого района придавалось большое значение.

Однако самое главное заключалось в том, что территория Восточного Кавказа имела важное экономическое значение. По ней проходил путь, соединявший Восточную Европу со странами Передней и Средней Азии. Усилившиеся связи Поволжья, Дона, Восточной Европы со Средней Азией и ближневосточными странами диктовали необходимость укрепиться в бассейне Каспийского моря, овладеть, в частности, торговым путем, проходившим вдоль западных берегов Каспийского моря.

Упрочение власти арабов на Восточном Кавказе привело бы не только к захвату важнейшего торгового пути, перспективы развития которого были еще более обнадеживающими. Это означало бы также создание таких условий, которые позволили бы спокойно эксплуатировать богатые районы Закавказья и Ближнего Востока.

Таким образом, территория Дагестана приобрела важное экономическое и стратегическое значение.

Этим объясняется ожесточенный характер столкновения интересов двух крупных и экономически растущих государств — Халифата и Хазарии — на территории Дагестана. Этим можно объяснить также ту огромную поддержку, которую неоднократно обещала и оказывала Византия Хазарии, боровшейся с Арабским халифатом — главным конкурентом Византии на пути к политической и экономической гегемонии на Ближнем Востоке. И, наконец, указанные обстоятельства служили главной причиной, побудившей арабов так систематически настойчиво, упорно, начиная с середины VII века до начала IX века, т. е. в течение ста пятидесяти лет, стремиться к упрочению в районах Дагестана. Нужно сказать, что на территории Дагестана завоеватель встретил решительный отпор. Можно удивляться той силе сопротивления, которая, несмотря на политическую раздробленность, на отсутствие одного объединяющего центра,

позволила в течение десятилетий не допустить арабов вглубь гор.

В восточных (арабских и персидских) источниках эта борьба в большинстве своем показана как борьба хазар и арабов за овладение прикаспийским побережьем. Ожесточенная борьба между арабами и хазарами действительно составляла стержень политических событий VII—VIII вв. на восточном Кавказе. Она заслоняла собой борьбу многочисленных дагестанских народов против арабских завоевателей. Объясняется это двумя обстоятельствами: во-первых, восточные авторы под хазарами подразумевали иногда и население Дагестана, во-вторых, тенденциозная мусульманская историография проповедовала добровольное принятие ислама в Дагестане и поэтому борьбу с завоевателями считала не имевшей места. Как явствует из письменных источников дагестанцы неоднократно вступали в союз с хазарами, с народами Закавказья для борьбы с арабами.

Угроза арабского нашествия поставила вопрос о совместных выступлениях кавказских владений, однако, условия политического и экономического развития Закавказья и Дагестана не способствовали реализации этих стремлений. Правда, антиарабские союзы заключались, но они распадались, не успев окрепнуть. Такова была участь союза, заключенного правителем Албании Джеванширом (616—669) с Смбагом Багратуни. Джеваншир, воспользовавшись поражением Ирана, добивается самостоятельности, затем признает над собой власть византийского императора и заключает союз с марзпаном Армении Смбагом Багратуни (644—654). Для обеспечения самостоятельности Албании и организации отпора арабам Джеваншир заключает также союз с «гуннским царем», укрепленный женитьбой на дочери «царя»²³. Однако организовать совместную борьбу против арабов не удалось, и союз распался. Не помогло и возобновление этого союза и обязательство «царя гуннов» быть «помощником и защитником власти» албанцев. В начале VIII в. Албания подпала под власть арабов и столица ее—город Партав—был занят мусульманами. С этого времени начинается усиленная арабская экспансия на север. Но совместные выступления против арабов, даже когда они и имели место, кончались неудачей. Так было в правление

²³ Каганкатваци, стр. 11, 144, 153—154.

халифа Османа (644—656). Когда известный своими подвигами в Сирии и Византии Хабиб ибн Маслама с многочисленным войском вторгся в Армению, «и когда дошло до него, что батрик армяникова уже собрал против мусульман большое войско и что к нему присоединились отряды жителей ал-Лана, Афхаза, Семендера, из (страны) хазар, то он обратился к Осману за помощью и к Муавие, чтобы он отправил к нему (отряд) из жителей Сирии и Джазиры, из тех, кто стремится к джихаду и добыче», то немедленно была поставлена армия во главе с ал-Бахили²⁴. Выступление в Армении было жестоко подавлено. О размерах восстания можно судить по числу участников карательной экспедиции: 2 тысячи человек послано было из Сирии и Месопотамии и 6 тысяч из Куфы под предводительством Салмана²⁵.

В середине VII века северный Азербайджан (Албания) был захвачен. Арабские войска двинулись к Дагестану.

Как пишет ал-Белазури, упомянутый военачальник Салман «переправился через Курр, занял Кабалу и заключили с ним владетель Шаккана и владетель Камиберена мир, с условием платить подать, а также заключили с ним мир жители Хайзана и царь Ширвана и остальные цари гор, и жители Маската, аш-Шабирана и города ал-Баба»²⁶.

Автор отразил один из начальных этапов завоеваний. Местные правители использовались в борьбе за укрепление власти в захваченных землях, за захваты новых земель. В указанном тексте среди правителей, согласившихся на условия арабского полководца, названы «остальные цари гор». Здесь речь идет о дагестанских правителях.

Это станет очевидным, если обратиться к тексту Ибн ал-Аазема, писавшего с использованием автора X в.: «правитель (малик) Ширвана отправил представителя и запросил мира. Салман принял предложение, получил

²⁴ Белазури, Футух ал-булдан, стр. 205; Белазури (пер. Жузе), стр. 8.

²⁵ Белазури, Футух ал-булдан, стр. 205; Белазури (пер. Жузе) стр. 8 (араб. текст — стр. 5). По сообщению Якуби, впервые Салман появился на Кавказе в 644 г. — см. Якуби (пер. Жузе) стр. 5 (араб. текст — стр. 3).

²⁶ Белазури, Футух ал-булдан, стр. 211; Белазури (пер. Жузе) стр. 14.

богатства, определенные условием мира и отправился в сторону Шабирана и Маската. Достигнув этих областей, он послал посланников к правителям (маликам) гор и предложил им явиться к нему. Правитель Легза, правитель Килана и правитель Табаристана (Табасарана) прошли к нему один за другим и преподнесли различные подарки и богатства этой области. Определив ежегодную подать по согласию обеих сторон, он отпустил (горских) правителей и направил свое войско в сторону города Баб»²⁷.

Как показывают дальнейшие события, заключение этого мира было лишь маневром со стороны местных правителей, чтобы спасти свои владения от разорения.

Жители Дербенда (Баб ал-абваба) выступили с хазарами против арабов, захвативших город. Арабский отряд в 4000 воинов был разбит наголову в 32 г. х., т. е. в 652—653 г.²⁸. Вскоре арабы предприняли две попытки спасти положение, но обе они завершились провалом²⁹.

После описанных выше событий вплоть до конца VII в. арабские завоевания на время затихли, и это можно объяснить, очевидно, особыми трудностями, с которыми арабы встретились — речь идет о серьезных междоусобиях за власть и выступлениях народных масс в захваченных странах, только на определенное время приостановленных усилиями энергичного и умного халифа Абд ал-Малика (685—705).

Правда, Дербенд был захвачен арабами. Это было в конце VII в. В «Дербенд наме» красочно описывается один из походов³⁰. Арабские войска во главе с Масламой обложили город, занятый хазарами, три месяца не могли захватить его, но, наконец, цитадель была взята с помощью предательства. Захватив Дербенд, Маслама «исправил башню и стены, воздвиг здания и амбары, (и) оставив в крепости пять тысяч воинов, отправился в Сирию»³¹.

Начало VIII века характеризуется усилением араб-

²⁷ Derbend-Nameh, стр. 620. Ср. И а к у б и, стр. 5.

²⁸ Та ба г и, I, стр. 2889—90.

²⁹ Там же, стр. 2663.

³⁰ В тексте «Дербенд наме» эти события отнесены к 70 г. хиджры, т. е. 689/690 г., но Казембек предлагает, правда, под вопросом, 100 хиджры, что составляет 718/719 г. — см. Derbend-Nameh, p. 506.

³¹ Derbend-Nameh, p. 506—507.

ской экспансии на западном побережье Каспийского моря. Начинается новый этап завоеваний на Восточном Кавказе, длившийся почти сто лет, характерный систематичностью походов, широкой программой территориальных экспансий. Внутреннее положение халифата стимулировало новые захваты. Начало VIII века «было временем наибольшего проявления Арабского государства»³², когда в правление халифа Абд-ал Малика (685—705 гг.) было покончено с восстаниями и распрями, положение в стране стабилизировалось. Халифат получил возможность продолжать войны за захват чужих территорий. Так, например, было в Средней Азии, вопрос об окончательном завоевании которой встал в начале VIII в.³³

Борьба за Восточный Кавказ также принимает систематический ожесточенный характер. Один поход следует за другим. Придается особое значение Дербенду, важному торговому и ремесленному центру, именно в то время, когда,—как писал известный специалист по истории торговли на средневековом востоке В. Хейд,—мусульманские города на Каспийском море на огромном пространстве от Абескуна и Астерабада на юго-востоке и до Дербенда на западе вели оживленную торговлю.

В этой обстановке влияние Дербенда изо дня в день растет. Будучи транзитным пунктом для товаров, шедших по Каспию, Дербенд быстро растет и как ремесленный центр, связанный с другими торгово-ремесленными очагами Ближнего и Среднего Востока, Нижнего Поволжья. В 707/708 г. здесь уже чеканят монеты³⁴. Огромные доходы арабы извлекали из оборотов каспийских портов еще в первые годы завоеваний.

Еще по распоряжению халифа Омара (634—644) иностранные купцы, доставлявшие товары в Дербенд, платили по 10%, а купцы-зиммии (немусульмане, подданные халифата) — 5%³⁵. Кто владел Дербендом, тот контролировал Волжско-Каспийскую торговую линию — поэтому понятны те отчаянные попытки, которые были предприняты арабами для захвата города.

Горцам пришлось иметь дело с хорошо вооруженной

³² Заходер, История, стр. 32.

³³ История Узбекской ССР, т-1, кн. 1, стр. 138—139.

³⁴ Пахомов. Монетные клады Азербайджана, вып. I, стр. 43, 44.

³⁵ Азерли, Указ, соч., стр. 22.

и многочисленной армией. Арабские войска состояли из конницы и пехоты. Конница, как обычно, состояла из арабов (это было привилегированное ядро войска), а пехота из арабов и неарабского населения, признавшего ислам и причисленного к «клиентам», т. е. ставшего под покровительство одного из племен. (Этих «клиентов» по-арабски называли маула, мн. ч. мавали).

Арабское войско было способно совершать большие переходы. Была налажена постоянная связь между отдельными частями на случай приближения опасности, и выработана своеобразная тактика — в бою воины старались охватить противника с флангов. Войско было сформировано по племенному принципу с характерной ему межплеменной враждой.

Одним из стимулов завоеваний арабов был захват добычи, поощряемый главой Корана «Добыча». Добыча, захваченная на войне, должна была распределяться следующим образом: 1/5 часть — в казну, точнее пророку, его роду, вдовам и сиротам. («И знайте, что если вы взяли что-либо в добычу, то Аллаху — пятая часть, и посланнику, и родственникам, и сиротам, и бедным, и путнику...»³⁶, а остальные 4/5 делились между участниками сражения, из расчета, что всадник получает больше пешего. В походе арабских завоеваний выработалось учение о джихаде — «священной войне», ставшее впоследствии одной из основных обязанностей мусульманина. Убитые на войне за веру окружались ореолом «мучеников» и им ислам уготовил вечное пребывание в раю.

Отношение арабов к покоренным народам хорошо выражено в «Книге о земельном налоге» арабского историка Абу Юсуфа в словах, приписываемых халифу Омару (634—644): «Подлинно, мусульмане, пока живы, живут за их («покоренных народов») счет, а когда погибнем мы и погибнут они, то наши дети будут жить за счет их детей и так до окончания веков»³⁷.

Как уже говорилось, в VIII веке начался новый этап арабских завоеваний на западном побережье Каспийского моря, длившийся почти сто лет. Еще с 698 г. брат

³⁶ Коран, 8, 42.

³⁷ Абу Юсуф, стр. 242. Цит. по статье: Буннятов, Из истории Кавказской Албании.

халифа Мухаммед ибн-Мерван «поспешно по стране агванцев вступил в Чога»³⁸, т. е. Дербенд. Других сведений об этом походе не имеется. Очевидно, начавшееся в Армении новое крупное восстание, поддержанное Византией, заставило арабов изменить свои планы и вернуться в Армению. Это восстание, возглавлявшееся Смбатом Багратуни, надолго сковало силы арабов и ослабило их мощь. Поход 714 г. на Дагестан под руководством Масламы также окончился безрезультатно.

В 722 г. арабские войска, разгромив хазар, вступивших в Ширван, ворвались в Дагестан, но, как пишет один из позднейших авторов, «бог захотел, чтобы истинно верующие потерпели поражение и чтобы большое число их пало мученической смертью»³⁹. Одновременно арабский правитель Армении Харис ибн Амр ат-Таи «выступил против жителей ал-Лакза и захватил рустак Хасмадана»⁴⁰. Видимо, поход этот оказался неудачным, так как в том же 722 г. ат-Таи смещен с должности правителя и на его место был назначен Джаррах.

Крупные выступления арабов, направленные на захват Дагестана, были связаны с именем Джарраха и Масламы.

Арабский военачальник Джаррах в 722—723 г.⁴¹ в ответ на хазарский набег в Закавказье «...переправился через ал-Курр и шел пока не пересек реку, известную под названием Самур, направился в страну хазар и убил из них большое число»⁴².

Джаррах преследовал хазар, ворвался в Баб ал-абваб, а затем «послал свою конницу на грабеж и войну против областей, что в соседстве с Баб ал-абвабом».

Вслед за Дербендом пали крепость Хусайн, город Йаргу, Баладжар, «один из известных замков».

Сопrotивление хазар и дагестанцев было упорным

³⁸ Каганкатваци, стр. 259. Сообщением этим опровергается мнение автора «Асари Дагестан» о том, что после 662 г. и вплоть до 708 г. не имеется известий об отправке арабских войск в Дагестан (Алкадари, стр. 19).

³⁹ D'Ohsson, p. 77.

⁴⁰ Белазури, Футух ал-булдан, стр. 213; Белазури (пер. Жузе), стр. 11 (пер.), стр. 16 (араб. текст). В переводе И. К. Жузе: «совершил поход в страну Лакзов и занял окрестность Хасмадана».

⁴¹ Якуби, стр. 6.

⁴² Белазури, Футух ал-булдан, стр. 213; Белазури (пер. Жузе), стр. 16, (пер.), стр. 11 (араб. текст).

и длительным. Жители крепости Йаргу (т. е. Тарки) сопротивлялись в течение 6 дней, пока не были вынуждены попросить пощады, а Джаррах «пощадил их, овладел крепостью их и выселил их из крепости».

Что касается жителей Баланджара, «известной их крепости», то Джаррах осадил его, а осажденные соорудили наспех заслон из 300 ароб, привязанных друг к другу, однако, это не спасло защитников. Мусульмане силой овладели крепостью. Джаррах захватил в плен детей и семью владельца Баланджара и затем послал за ним, вернул ему имущество, семью, крепость и сделал его ссглядатаем для них, чтобы он сообщал им о том, что делают кяфиры⁴³.

«Дербенд наме» дает повод говорить о том, что и другие районы Дагестана вступили в упорную борьбу. Когда Джаррах пригласил к себе правителей Табасарана и Каракайтага и предложил воевать против хазар, то «глава одного племени лезгин известил» хазар об этом походе. Разгневанный Джаррах отправляет для наказания жителей 2000 всадников в Каракайтаг и столько же в Ерси, Дювек, Зеиль, Дарвак, Хумайди и Керух, т. е. в Табасаран, которые вернулись из похода с огромной добычей, тут же поделенной между воинами⁴⁴.

Маслама сын Абдалмалика, брат халифа Хишама, был известным арабским завоевателем. В списке генеалогических таблиц, составленном Ф. Вюстенфельдом, так описана деятельность этого известного на Востоке арабского военачальника: «...был командующим войсками в Малой Азии; он завоевал в 88 г. Тиане, осадил в 98 г. Константинополь, разбил и умертвил мятежника Йезида ибн ал-Мухаллала в Иране 102 г., отогнал народ турецкого хана и завоевал Баб ал-абваб в 113 г., отобрал у греков много укрепленных мест и умер в 122 г.»⁴⁵.

В 107 г. х., т. е. 725—6 гг. Маслама был назначен правителем Армении и Азербайджана, и начал упорную борьбу за захват восточного Кавказа.

С «царями гор», с правителями Ширвана, Лирана, Табасарана, Лакза, Филана, Маската был заключен

⁴³ Ibn al-Athir, V, стр. 84. Ср. Ибн ал-Асир, стр. 25.

⁴⁴ Derbend-Nameh, pp. 517—519.

⁴⁵ Wüstenfeld, Register, стр. 289.

мир⁴⁶. Открылась дорога на Дербенд, который был взят, но в крепости его «было тысяча хазарских семейств, он осадил их и метал в них камнями, а затем железом, которому он придавал форму камня». Но это не помогло. Только когда Маслама забросал падалью источник воды, питавший крепость, жители вынуждены были оставить ее. Был предпринят ряд серьезных мер по укреплению города как плацдарма для дальнейших завоеваний. «И заселил Маслама б. Абдалмалик Баб ал-абваб двадцатью четырьмя тысячами из жителей Сирии на условиях (выдачи) жалованья... и построил амбар для провизии, амбар для ячменя и склад для оружия. Затем он приказал вычистить водоем, восстановил (разрушенные места) города»⁴⁷.

✚ Были предприняты и другие меры. По сведениям «Дербенд наме» Маслама собрал подати со всех дагестанских владений и наполнил ими амбары, «для выдачи в случае необходимости жителям города и гарнизону»⁴⁸.

● С именем Масламы связаны первые попытки исламизации Дагестана, в частности Дербенда.

✚ Историческая хроника «Дербенд наме» восторженно отзывается о мероприятиях Масламы по насаждению «религии Аллаха» в Баб ал-абвабе, а также в других районах. Маслама, сообщает хроника, захватил в 115 г. х. (733—734 г.) Дербенд, укрепил его, превратил его в сборный пункт податей, поступавших из горных районов Дагестана, и после этого «он обратил большую часть жителей Дербенда в ислам, и, разделив этих мусульман на семь махалла (кварталов), построил для каждой части (таифа)⁴⁹ по (отдельной) мечети. Мечети каждой части он назвал по имени (обитающего ее) племени: первая — Хазарская мечеть⁵⁰, вторая — Палестинская

⁴⁶ Белазури, Футух ал-булдан, стр. 214; Белазури (пер. Жузе), стр. 6—7.

⁴⁷ Белазури, Футух ал-булдан, стр. 214. Очевидно, об этом походе и пишет армянская хроника под 704 г.: «Солиман разрушил и снова восстановил Дербент». См.: Айриванский, стр. 399.

⁴⁸ D e r b e n d - N a m e h, 543.

⁴⁹ Казембек перевел слово «taifa» — «division» (D e r b e n d - N a m e h, p. 543).

⁵⁰ В списке «Дербенд наме», хранящемся в Рук. фонде ИИЯЛ, условно называемом «Список А», вместо «хазар» написано «Артун» как название квартала и мечети в лем, возможно, в связи с именем хазарского правителя Артаниц, о котором в указанном списке упоминается.

мечеть, третья — Дамасская мечеть, четвертая — мечеть Хамас⁵¹, пятая — Кейсарская мечеть, шестая — мечеть Джазиры, седьмая — Мосульская. Кроме этих он построил соборную мечеть (Месджид джами — Джума мечеть), большую, чем остальные, для совершения пятничного намаза»⁵².

Кроме того были построены ворота в крепостной стене: Баб ал-мухаджир, Баб ал-джихад, Баб ал-хамис (ал-хамас)⁵³, Баб ал-сакир⁵⁴ (ал-кайсар?) Баб ал-мактуб (ал-мактум?), Баб ал-кал'ати⁵⁵.

В настоящее время квартальные мечети не сохранились, нет о них упоминаний в устном творчестве, не дошли до наших дней названия крепостных ворот. Однако главная мечеть — Джума мечеть полностью сохранилась, а Баб ал-джихад («ворота священной войны») еще будут упомянуты автором X в., а ныне они называются, как уже отметил автор «Дербенд наме» — «Кырхляр капу», в прямой связи с могилами 40 «мучеников за веру», покоящихся на кладбище Кырхляр — свидетельствующие о многом: о том, что Дербенд выступает активным пропагандистом новой религии, что религиозная экспансия на север продолжалась несколько столетий; что в исламизации Дагестана наряду с арабским существенную роль играл тюркский элемент, о чем ниже будет сказано особо.

Нельзя не обратить внимания, что в ряде хроник, или в отдельных списках хроник, в дореволюционной и отчасти советской историографии все мероприятия Масламы приписаны другому историческому лицу — Абу Муслиму.

Вполне очевидно, что здесь речь идет о прославленном аббасидском деятеле и полководце Абу Муслиме, заслуги которого перед династией Аббасидов были чрезвычайно велики. Он был низвергателем ненавистной народным массам династии Омейядов в 750 г. и вручил власть Аббасидам, с приходом к власти которых народ-

⁵¹ В списке А — Хумис.

⁵² D e r b e n d - N a m e h, p. 544.

⁵³ Список А: Баб ал-Кучук.

⁵⁴ Список А: Баб ал-Сагир.

⁵⁵ D e r b e n d - N a m e h. 544. Автор «Истории Ширвана и Дербенда» (стр. 69) в связи с событиями конца X в. упоминает Дамасские, Палестинские ворота и Ворота джихада.

ные массы связывали свои надежды на избавление от тяжелого феодального гнета.

Имя его было широко известно в Иране и Средней Азии, особенно в Хорасане и Мавераннахре, авторитет его рос с каждым днем, и нет ничего удивительного в том, что Аббасиды, которые обязаны Абу Муслиму властью, убили его в 755 г. Как это часто бывает в подобных случаях, слава «мученика» еще более разрослась, хотя, как отмечал известный советский востоковед А. Ю. Якубовский, «нельзя рассматривать Абу Муслима как народного вождя, защищавшего интересы народных масс (в Мавераннахре и Хорасане), возникших сразу же после его победы»⁵⁶.

Муканна, возглавлявший начавшееся в 161 г. хиджры (777—778 г.) одно из крупнейших в истории халифата восстаний, объявил, что в нем воплотилось божество, после того как оно воплощалось в Иисусе, Мухаммеде и Абу Муслиме⁵⁷, и это было подсказано огромной популярностью Абу Муслима в народных массах.

Все это, а также приписываемые Абу Муслиму заслуги в окончательной исламизации Средней Азии отчасти может быть объяснением тому, что в ряде дагестанских хроник имя Масламы легко было заменено именем Абу Муслима, хотя последний ни в конце VII века, ни 732—734 гг. (т. е. во время походов Масламы) не мог быть в Дагестане, т. к., по замечанию Н. В. Ханькова, в первом случае Абу Муслима еще не было на свете, а во втором — ему не было больше тринадцати лет⁵⁸. Хасан эфенди Алкадари также отрицает пребывание в Дагестане Абу Муслима⁵⁹. В то же время Алкадари пишет о другом шейхе Абу Муслиме, который в пятом веке хиджры прибыл сюда с семьей из Аравии, «заялся в Дагестане обучением религии и распространением шариата и под конец умер в Аварии в центральном селении Хунзахе»⁶⁰.

В ряде случаев прослеживается как это перемещение имен осуществлялось. В наиболее раннем тексте «Дер-

⁵⁶ История Узбекской ССР, т. 1, кн. 1, стр. 159.

⁵⁷ Очерки истории СССР, III—IX в., 443; Кадырова, К. Изучению, 43.

⁵⁸ K h a n i k o f f, Mémoire, p. 103; См. также EI, I, 103.

⁵⁹ Алкадари, стр. 20.

⁶⁰ Там же.

бенд наме», который лег в основу издания М. А. Казембека, упоминается в связи с арабскими походами VII и первой трети VIII в. и исламизацией Дербенда и других областей только имя Масламы⁶¹, в то время, как в последующих текстах в связи с теми же событиями вместо Масламы ибн Абдалмалика уже фигурирует Абу Муслим ибн Абдалмалик. Так появилось последнее имя в списке «Дербенд наме», которым пользовался Ю. Клапрот⁶² и в списке «А» Рукописного фонда Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР⁶³.

Очевидно, в связи с предпринятыми Масламой мерами ислам в Дербенде укрепился прочно, а арабское население города служило в этом отношении надежной опорой и гарантией.

Арабская колонизация была одним из средств укрепления власти завоевателей, укрепления позиций ислама в захваченных землях и средством ослабления социальных противоречий путем переселения недовольных элементов в разные области халифата. Политика эта проводилась во многих странах. В Азербайджане, который заселялся арабами «из лиц, получающих пенсию и числящихся за диваном», эти колонисты были обязаны «призывать жителей к исламу»⁶⁴. В Армении, в связи с ростом освободительного движения, переселенческая политика арабов заметно усиливается, и арабское население сосредоточилось в VIII—IX в. не только в крупных городах Двин, Нахчаван, Маназкерт, но были созданы также несколько эмиратов с преимущественно арабским населением⁶⁵. Интенсивно шла колонизация областей Средней Азии. Только в 671 г., как сообщает ал-Белазури, было направлено в Мавераннахр 50 тыс. арабов, жителей Басры, Куфы и их окрестностей. Отдельные самаркандские рустакы также были заселены в это время арабами, причем в X в. они владели в ряде рустаков большей частью селений⁶⁶. Миграция оседлого и кочево-

⁶¹ Derbend - Nameh, pp. 504—506, 543—546.

⁶² Derbend - Nameh, p. 547 (Extract from the Derbend-Nameh of History of Derbend, by M. Klapproth).

⁶³ РФ ИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 425.

⁶⁴ Буниятов, Азербайджан, стр. 89 (со ссылкой на ал-Белазури, стр. 328).

⁶⁵ Сукиясян, стр. 351—352, 356—360, 371.

⁶⁶ История Узбекской ССР, т. 1, кн. 1, стр. 142—143.

го арабского населения в Иран привела к появлению в иранских городах кварталов с арабским населением, причем кварталы носили названия племен, их населявших⁶⁷.

Аналогично происходил процесс миграции арабского населения в Дагестане. Приведенный выше отрывок из «Дербенд наме» позволяет предположить, что кварталы, образованные Масламой в Дербенде носили те же названия, что и мечети, т. е. соответствовали названию той области, выходцы из которой заселяли или образовали данный квартал. Стало быть арабское население Дербенда было выходцами из Палестины, Дамаска, Хумса, Кейсари (Мадаин), Джазиры, Мосула. Из семи квартальных мечетей только одна не связана по имени с арабским населением, т. е. называется Хазарской⁶⁸, и это свидетельствует, возможно, о том, что хазарское население города, обращенное в ислам, расположилось в отдельном квартале. Расположение эмигрантов по кварталам производилось, как можно полагать, по племенному принципу, соблюдавшемуся в арабской армии.

В Дербенд и прилегающие к нему земли арабские элементы продолжали прибывать в течение VIII в. После 750 г., т. е. после свержения династии Омейядов, при правителе Армении Йазиде ас-Сулами, в район Дербенда были посланы рабочие для строительства опорных пунктов. Новоприбывшие обосновались не в самом Дербенде, а близ него, в построенных ими пунктах — Камах, ал-Мухаммедийа, Баб-Вак⁶⁹.

Аббасидский халиф ал-Мансур (754—775) после ожесточенных схваток с хазарами также «нашел необходимым, чтобы в окрестностях Дербенда были поселены мусульмане» и согласно этому решению Йазид ас-Сулами переселил сюда «из Сирии, Месопотамии и Мосульского округа» семь тысяч мусульман с семьями, и им было приказано построить крепости в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги, Мугатыре, Мараге и Бильгади⁷⁰.

⁶⁷ Петрушевский, Ислам, стр. 34—35.

⁶⁸ В тексте «Дербенд наме» (изд. Казембека) — написано хадари вместо хазари — *D e r b e n d - N a m e h*, p. 544.

⁶⁹ Йакуби, стр. 8—9. Камах — это современный Камах, ал-Мухаммедийе — Химейди, Баб-Вак — Дарвак. Все три пункта расположены близ Дербенда — см. Генко, Арабский язык и кавказоведение, стр. 87.

⁷⁰ Алкадари, стр. 25.

Испано-арабский космограф Абу Хамид ал-Гарнати ал-Андалуси (1080—1169) писал о 24000 семей из Мосула, Дамаска и других городов, поселенных в различных районах Дагестана ⁷¹.

Можно предположить, что к указанному времени мусульманские колонисты обосновались и в Семендере, хотя и не в таком значительном количестве, как в Дербенде.

Мы видим, что миграция арабского населения приняла в середине VIII века большой размах, и вполне возможно, что первые арабские поселенцы прибыли в Баб ал-абваб еще до арабских завоеваний при сасанидах, когда царь Ирана Хосров Ануширван (531—579) послал в город «людей из Сирии, Мосула и Джазиры, а также «месячных наемников» из арабов для наблюдения «над дорогами неверных» — как писал известный арабский астроном и географ XIV в. Али ибн Мухаммед ал-Джурджани ⁷².

Политика арабской колонизации, начатая Масламой, была, таким образом, успешно проведена, и арабский элемент, как укажем в другом месте, долгое время сохранял свою этническую чистоту, продолжая служить опорой проводимой исламизации, опорой мусульманских правящих династий. Более того, этот элемент постепенно пополняется, даже в то время, когда арабские завоевания стали предметом истории, а именно в XI—XVII вв. Деятельность Масламы по насаждению ислама развернулась не только в районе Дербенда, но и в остальных местах Дагестана. «Границы мусульманских владений совпадали с границами распространения ислама», писал В. В. Бартольд, и в этом плане характеристика степени прочности арабской власти в горах может облегчить также понимание степени успехов мусульманской идеологии.

Некоторые арабские писатели, а также местные дагестанские хроники переоценивают события в Дагестане начала VIII в. Причем арабские авторы восхваляют силу сружия завоевателей, а местные хроники приписывают им также распространение ислама во всем Дагестане.

⁷¹ Al-Garnati, p. 83—84.

⁷² Цитирую по книге: Козубский, История Дербента, стр. 41.

Иакуби настойчиво проводит мысль о том, что дагестанские племена, как правило, без боя принимали арабов и заключали с ними «мирные» договоры⁷³, а по данным «Дербенд наме», при походах Масламы жители Тарки (Таргу), Анджикала, Дербенда, Казикумуха, Каракайт-ака, Табасарана, «народ Тау» и население Аварии приняли ислам после недолгого сопротивления⁷⁴. Хасап эфенди Алкадари также признает идеологические успехи арабов, хотя и оговаривается, что вывод свой основывает только «на преданиях и рассказах местных жителей»: Абу Муслим (Маслама) построил соборную мечеть в Дербенде, мечети в отдельных магалах, также в Кайтаге и Табасаране, Даргинском округе (Акуша), в сел. Рича, Фите, Кучхюре в Самурском округе, Ахты, Казикумухском округе (Кумухе), Аварском, Сюргинском, Цахурском и др. областях, т. е. почти во всем Дагестане.

Арабский список «Дербенд наме» (список «А») снабжает описание деятельности Масламы по насаждению ислама в горных районах Дагестана большими подробностями, «ускользнувшими» от внимания более ранних текстов: упрочив свою власть в Дербенде и исламизируя его население, Маслама «пошел в страну Гази-Гумук и сражался с жителями его и нанес им поражение, убил главу их (кабир), а кто принял ислам — тех пощадил, кто нет — убил их и разделил имущество среди борцов за веру. Затем он построил мечети во всех областях и назначил правителя в области Гумук, а он Шахбал сын Абдаллаха сына Касима сына Аббаса, дяди пророка да благословит его Аллах и да приветствует, — сына Абдаллаха ал-Курейша, ал-Хашими. Потом он вернулся в страну Кайтак и сражался с ними (жителями Кайтака) убил правителя их, обложил хараджем тех из них, кто принял ислам и убил тех из них, кто не уверовал (в Аллаха) и разделил имущество их между борцами за веру. Затем он отправился в страну Табасаран и началась между ними жаркая битва и потерпели они (табасаранцы) поражение. Он убил главу их, пощадил тех, кто принял веру и отобрал имущество между борцами за веру и назначил там правителя хана по имени Адил Майсум

⁷³ И а к у б и, стр. 7 (араб. текст — стр. 6).

⁷⁴ D e r b e n d - N a m e h, pp. 544—545.

и назначил вместе с ним двух кадиев, чтобы (они) научили тому, что в религии славного и стал Шахбал правителем и вали над всем Дагестаном...»⁷⁵.

Позднейший эпиграфический материал также отразил влияние версии о раннем распространении ислама в Дагестане. Надпись в Ахты, сделанная в 1899 г. по поводу реставрации мечети гласит: «...заново построил джамаат Ахты Самурской области эту соборную мечеть на месте древней мечети, которую построил отважный правитель (малик) Абдарахман Меккский (известный) под именем Абу Муслима ад-Димашки аш-Шами, завоеватель Дагестана...»⁷⁶. Наиболее поздняя из подобного ряда надписей появилась в 1961 г. при реставрации стены Ричинской мечети. Сделана она местным арабистом, он использовал хронику, которая у него хранится. Надпись гласит: «Вышел Абу Муслим из Дамаска в Дагестан в 115 году, сражался с ними (дагестанцами) ради религии и построил несколько мечетей и среди них он построил соборную мечеть (в) Рича»⁷⁷.

В основе подобных преданий или сообщений хроник лежало, можно предположить, более раннее известие, но не связанное хронологически с арабскими авторами, писавшими по свежим следам арабских походов. Наиболее раннее известие об исламизации Дагестана принадлежит Абу Хамиду ал-Гарнати, посетившему Дербенд в 1162 г. Сообщив о группе населенных пунктов в Табасаране, он продолжал далее: «Они (жители Табасарана) мусульмане. Приняли они ислам при Масламе ибн Абдалмалике, когда он был послан Хишамом ибн Абдалмаликом, когда стал халифом. И захватил он (Маслама) Баб ал-абваб, после чего приняли при его содействии ислам многие народы, среди которых также ал-Лакзан, ал-Филан, ал-Хайдак, аз-Зуклан, ал-Гумик, ад-Дархах и у них из таких народов — 70 народов, каждый из которых имеет язык (особый)»⁷⁸.

Имея это все перед собой, сторонники признания раннего распространения ислама отнесли ко времени похода Масламы все события, связанные с принятием ислама

⁷⁵ РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 425.

⁷⁶ Надпись вмонтирована в стену Ахтынской мечети.

⁷⁷ Пропускаю текст о реставрации стены в 1380 г. хиджры.

⁷⁸ Al-Garnati, p. 83; Генко, Арабский язык и кавказоведение, стр. 103; Dorn. Vierzehn Schriftstellern. S. 699.

и имевшие место гораздо позже, а именно начиная с X—XI веков.

Более того, если верить этим сочинениям, арабский полководец Маслама не только подчинил в первой половине VIII века весь Дагестан и распространил здесь ислам, но и назначил правителей в различные части Дагестана: Амир-Гамзу, с отрядом из арабов — старшим правителем в Кайтак (потомки его стали называться уцмиями), Майсума — в Табасаран (потомки — майсумы), Шамхала, потомка дяди пророка Аббаса — правителем всего Дагестана с резиденцией в Кумухе и отдельного правителя — в Дербенд⁷⁹. В угоду этой концепции впоследствии появилась генеалогия многих местных правителей, восходящая к пророку Мухаммеду.

✕ Маслама и в действительности предпринимал попытки насадить ислам в Кайтаке, Зирихгеране, Кумухе, Южном Дагестане и, возможно, добился здесь определенных временных успехов.

✕ Л. И. Лавров так и предполагает относительно Кумуха, что ислам был занесен сюда скорее «после появления арабов в Дагестане, хотя окончательное его утверждение произошло в XI—XIII в.»⁸⁰. Однако население названных областей возвращалось к домусульманским религиозным представлениям, как только представлялась возможность, подобно жителям Бухары, которые «каждый раз... принимали ислам и снова, по уходу арабов, отступали от принятого вероучения. Кутайба трижды обращал их в мусульманство, но они снова отступали и становились неверными»⁸¹. Ал-Гарнати отобразил эти настроения, связав их с мечом Масламы, оставленным им в Дагестане на страх неофитам: «Когда вознамерился (Маслама) уйти, после того как он поселил в Дербенде 24 тысячи домов⁸² из арабов (выведенных) из Мосула, Дамаска, Химса⁸³, Тадмура, Халаба и прочих стран Сирии и Месопотамии, сказали ему табарсаланцы: «О эмир, мы боимся, когда ты удалишься от нас, что (снова) отпадут от

⁷⁹ Алкадари. Асари Дагестан, стр. 22—24; Бакханов, Гюлистан Ирам, стр. 44. Дербенд наме, стр. 79—80;

⁸⁰ Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 182.

⁸¹ Наршахи, История Бухары, стр. 62—63.

⁸² Б. А. Дорн дает перевод: «24.000 Arabische Familien» — Dorn, op. cit. S. 699.

⁸³ Б. А. Дорн уточняет: Edessa.

религии эти народы и мы будем бедствовать, (находясь) в соседстве с ними». Тогда извлек Маслама меч свой и сказал: «Мой меч (да будет) посреди вас. Оставьте его здесь. Пока он будет пребывать посреди вас, не отпадет ст религии из этих народов ни один»⁸⁴.

Опасения были продиктованы реальными обстоятельствами, связанными с успешными выступлениями горцев, нашедшими отражение в самих промусульманских письменных источниках IX—X вв., писавших о походах Масламы в горные районы после захвата Дербенда. Можно было понять автора стихов о Дербенде и о полной военных перипетий жизни арабского гарнизона, сохранных Якутом⁸⁵.

Обосновавшись в Дербенде, арабы решили упрочиться и в других районах Дагестана. Они ворвались во внутренний Дагестан в земли лакцев, кайтагов, табасаранцев. Даже мусульманские хроники вынуждены отметить вооруженное выступление дагестанских народов. Так погибло большое число жителей Кайтака, не захотевших подчиниться и принять ислам. Потребовалось несколько сражений, чтобы покорить лакцев. Табасаранцы также не подчинялись, но вынуждены были временно принять ислам после того, как многие из них были истреблены или взяты в плен. Затем Маслама направился в Аварию и, наконец, он обложил жителей Дагестана податью, которую приказал доставлять ежегодно правителю Дербенда.

Казалось, весь Дагестан оказался захваченным, но подчинение Дагестана арабской власти было исключительно кратковременным, о чем говорят последующие события, когда объединенные силы дагестанцев и хазар заставили арабов отступить вплоть до Дербенда. Ибн ал-Асир писал по этому поводу, что Маслама «приказал своим войскам развести огонь, а потом бросив палатки и обоз, пустился обратно в путь со своими войсками без всего. При этом Маслама послал вперед слабых, а храбрых оставил позади. И прошли они множество «станций» делая по две станции вместо одной, пока не дошли, еле живые, до Баб ал-абваба»⁸⁶.

⁸⁴ Генко, Указ. соч., стр. 103; Ср.: Dorn, Op. cit., SS. 699—700.

⁸⁵ Jacut, I, 331.

⁸⁶ Ибн ал-Асир, стр. 29—30; Ibn al-Athir, V, 129—130.

Ряд последующих походов, совершенных в 30-х годах VIII века, был возглавлен Мерваном ибн Мухаммедом ибн Мерваном, двоюродным братом халифа, правителем ал-Джазир, Азербайджана и Армении. С 732/3 по 739 гг. было совершено по крайней мере 6 походов.

В первом крупном выступлении участвовало большое число войск⁸⁷ («и собралось у него регулярных войск и добровольцев 120 тысяч»). Наступление шло «в землю хазар со стороны аланских ворот». Другая же группа повела наступление с юга на север — со стороны Баб ал-абваба. Хазары вынуждены были отступить⁸⁸, хакан принял ислам.

Отступление хазарского войска и заключение перемирия между арабами и хазарами значительно ухудшило положение горцев. Теперь уже приходилось надеяться только на свои собственные силы. Все же арабы столкнулись с упорным сопротивлением горского населения.

После ожесточенных и длительных схваток Мервану удалось заключить выгодные договоры с правителями Серира, Тумана, Зирихгерана, Хамзина, Табасарана, Лакза, Филана и обязать их вносить ежегодные подати. Затем он «двинулся в сторону ад-Дуданийя, нанес им поражение»⁸⁹. Затем последовал ряд походов, в частности, в 739 году по тому же маршруту: Серир—Туман—Зирихгеран, Хамзин. «В 21 г. воевал Мерван в Армении», затем захватил Серир и Гумик, правитель которого бежал в Хайзадж (Хунзах). «Мерван отправился туда, сражался против него лето и зиму и, наконец, Мерван заключил с правителем мир с условием доставлять тысячу голов (скота) каждый год и сто тысяч мунд (зерна)». Далее были подчинены земли Зирихгерана, Тумана, Хамзина (здесь крепость сопротивлялась целый месяц), Табасарана, Филана⁹⁰.

Многократность походов в одни и те же земли при Мерване документирует ничтожность итогов предыдущих

⁸⁷ Ibn al-Athir, V, 122; Ибн ал-Асир, 30.

⁸⁸ Белазури, Футух ал-булдан, стр. 215; Белазури (пер Жузе) стр. 17, 18, (пер.) 12 (ар. текст).

⁸⁹ Белазури, Футух ал-булдан, стр. 215—216; Белазури, (пер. Жузе) стр. 19 (пер.) 12—13 (араб. текст); Ср.: Ibn al-Athir, V, 132—133; Ибн ал-Асир, стр. 30—31.

⁹⁰ Ibn al-Athir, V, 180; Ибн ал-Асир, стр. 32—33.

походов, возглавленных Масламой, а также сопротивление, оказанное войскам Мервана.

Характерно то, что Мерван никогда не сменял представителя местной власти, никому не навязывал ислам, только заключал договоры на условиях, предъявляемых обычно народам, сохраняющим свои религиозные представления.

Власть Мервана также оказалась кратковременной, как можно судить по описаниям последующих событий. В итоге почти вековой борьбы арабам удалось укрепиться в районе Дербенда, где стала править мусульманская династия, в то же время внутренние районы Дагестана оставались фактически независимыми. Очень важным обстоятельством было то, что арабам приходилось расплющить свои силы на подавление восстаний, то и дело вспыхивавших в Средней Азии, Закавказье, Сирии и других областях обширного халифата. В 40-х годах VIII в. эти выступления приняли особо сильный размах.

В 750 г. была свергнута династия Омейядов. К власти пришли Аббасиды. Новая династия халифов пользовалась вначале широкой поддержкой масс крестьян и ремесленного люда, ибо они с приходом новой династии связывали мечту об освобождении от социального гнета, усилившегося при Омейядах. Однако надеждам не суждено было оправдаться. Положение трудящихся не улучшилось. Налоговое бремя усилилось. Народные массы стали выступать против власти Аббасидов.

Именно на аббасидский период падают, главным образом, крестьянские движения, прокатившиеся по всему халифату, особенно в его восточных областях (восстание Мукканы в Средней Азии, Бабека в Азербайджане). Оба движения носили как освободительный, так и антифеодальный характер.

Усиливается борьба и в Дагестане. Хазары разбили крупный отряд арабов в районе Дербенда, и халиф вынужден был принять исключительные меры для восстановления своих позиций. Он «велел выпустить семь тысяч из тюрем и собрать в разных областях много воинов, которых он отправил (против хазар), присоединив к ним рабочих и строителей».

В конце VIII — начале IX века борьба против арабской власти усиливается. Частые выступления в Закавказье и неудачи арабских войск заставляют халифа Ха-

руна ар-Рашида (786—809) смещать своих наместников в Закавказье. Один из таких правителей по имени Фадл ал-Бармаки, «отправился в страну Баб ал-абваба, совершил нападение на крепость Хамзин, но его жители обратили в бегство, и бежал он, не заботясь ни о чем до тех пор пока не добрался до Ирака»⁹¹.

В самом Дербенде росло недовольство арабским правителем. Он был смещен. Хазары воспользовались смутами в городе, ворвались в Закавказье. Только после больших усилий новому правителю Азербайджана, Ширвана и Дербенда Йезиду ибн Мазьяду удалось с помощью феодальной верхушки закавказских владений вернуть Дербенд, который после этого прочно вошел в состав халифата.

Это был конец второго этапа арабских завоеваний на Кавказе.

Наступила полоса сравнительно мирной жизни. Незадолго до этого начались большие строительные работы. В конце VIII в. один из дербендских правителей, как сообщается в «Асари Дагестан», прорыл канал на реке Рубас для обеспечения дербендских земель водой, построил мельницу, развел сады, огороды.

Известий о походах арабов, о выступлениях хазар в начале IX в. нет. Мощь арабского халифата была подорвана могучими народными движениями, антифеодальной борьбой. Межфеодальная рознь ослабила страну. Не имея ни сил, ни средств управлять самостоятельно, арабы привлекают к управлению на местах местную феодальную знать, местных правителей, особенно иранского происхождения. Только до второй половины IX века аббасидский халифат сохранял по крайней мере внешний вид единого государства⁹².

К концу IX века и началу X в. политический распад халифата становится совершившимся фактом. В Египте, Иране, Тунисе, Марокко, Средней Азии, Закавказье уже сложились самостоятельные государства, независимые от центральной власти. Халифат распался на отдельные фактически независимые области с самостоятельными династиями правителей.

⁹¹ Якуби, стр. 10.

⁹² Бартольд, соч., т. 6, стр. 28.

Это было следствием развития феодальных отношений и связанного с этим усиления сепаратистских, центробежных устремлений местных феодалов и феодальных правителей с одной стороны, народных восстаний — с другой. Серьезную роль в этом сыграли крупнейшие восстания крестьян и ремесленников в Средней Азии, в Азербайджане, Армении, Хорасане, Месопотамии, Сирии, Иране и других областях.

Значительны были и антиарабские выступления в Дагестане. Йакуби, в связи с описанием событий после восстания Бабека добавляет: «Дела в Арминийе снова расстроились, снова разволновалась часть арабов, батрики и отложившиеся; цари гор и Баб ал-абваба захватили соседние области и власть султана ослабела»⁹³.

Что касается восточного Кавказа, в частности Ширвана и Дербенда, то эти области оказались во власти династии арабского происхождения. В Дербенде была отдельная династия правителей (хашимидская), но она была в подчинении Ширвана, хотя и вела иногда самостоятельную политику⁹⁴.

Остальные области Дагестана в IX—X вв. уже не зависели от арабской власти, были вполне независимы, вели самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Как сообщает «Дербенд наме», «окрестные города и села возмутились и восстали против Дербенда. Каждый из правителей Дагестана стремился к самостоятельности...»⁹⁵.

Таким образом, сведения местных исторических хроник, а также ал-Гарнати об установлении арабского господства и о принятии ислама в большинстве районов Дагестана отразили тот кратковременный этап, который завершился полной самостоятельностью преобладающего большинства дагестанских владений и возвратом к домонотеистическим верованиям в тех районах, где, возможно, ислам был принят. Переводчик «Асари Дагестан» А. Г. Гасанов в своих примечаниях к труду Алкадари писал: «Вероятно кое-где (например, в Дербенде, в предгорьях Кюринского округа, Табасаране, Кайтаке и вообще на плоскости) арабы действительно построили

⁹³ Й а к у б и, стр. 19.

⁹⁴ S a c h a u, Ein Verzeichniss, SS. 12—14.

⁹⁵ Д е р б е н д н а м е, стр. 87.

мечети и поставили кадиев и правителей. Но чтобы они в VIII веке могли это сделать в Акуша, в Хунзахе, Кумухе или даже в Ахтах, этому трудно поверить. Все это они могли сделать на 2—3 века позднее, когда культура арабская достигла своего кульминационного развития, и когда миссионеры ислама высоко подняли авторитет халифа в глазах кавказских племен»⁹⁶. С этим трудно не согласиться, если признать X—XI в. не концом усиленной исламизации Дагестана, а началом, и если эту исламизацию связывать не только с именем арабских миссионеров.

* * *

Арабские завоевания, длившиеся почти около ста пятидесяти лет, оказали огромное влияние на все области жизни дагестанцев. Эти завоевания нанесли огромный ущерб экономике народов Дагестана. Многочисленные походы в район приморья, а также в горные районы, хазарские набеги привели к разрушению производительных сил в массовом масштабе: военные операции приводили к тому, что сельское хозяйство приходило в упадок, ремесла хирели; массовый угон в плен трудящегося населения приводил к тому, что хозяйство отбрасывалось далеко назад; дороги приходили в негодность; отдельные части Дагестана теряли связь между собою; постой арабских гарнизонов и ряд повинностей, связанных со снабжением войска, тяжелым бременем ложился на трудящегося.

Районы, где прошли завоеватели, подвергались колоссальных размеров разрушениям. Почти каждый поход сопровождался разрушением городов, аулов, крепостей, захватом огромной добычи, убийствами.

Арабские и местные арабоязычные авторы оставили об этом значительное число ярких свидетельств. Мерван в Хамзине «сжег и разрушил (все, что мог), сразился с жителями его, истребил великое множество их»⁹⁷. Он же предпринял поход с целью наказать лезгинского правителя за непослушание и «двинувшись по долине Самера (Самура?), перебил жителей, разорил страну»⁹⁸.

⁹⁶ Алкадари, стр. 172.

⁹⁷ Белазури, 18; Белазури, Футух, стр. 215.

⁹⁸ Якуби, 7.

Арабский предводитель Джаррах, захватив Дербенд, «разослал свои конные отряды против соседних племен грабить и нападать, и они захватили много добычи и на следующий день вернулись обратно»⁹⁹. Маслама «убил (многих) из них (хазар), пленил, сжигал»¹⁰⁰. Мерван ворвался в Туман, «занял ее крепости и разорил ее земли», затем «убивал и пленял» в ас-Серире, «затем пришел к другой крепости, убивал, пленял»¹⁰¹.

Как известно, мусульманская теория различает области, подчинившиеся арабским войскам без боя, и области, завоеванные силой.

Области, мирно подчинившиеся власти арабов, получали гарантии защиты жизни и собственности жителей при условии уплаты поголовной подати (джизья) наряду с поземельным налогом — хараджем. Напротив, завоеванные области считались добычей победителей, а жители считались рабами завоевателей¹⁰².

В Дагестане, где население оказало ожесточенное сопротивление, походы сопровождались поэтому массовыми грабежами, угоном скота. Так, например, после набега на деревни Кара-Кайтака и Табасарана, Джаррах «возвращается с добычей в 12 тысяч голов рогатого скота и овец, на две тысячи туманов серебра и золота и с 700 пленными каракайтатцами. Добыча из Табасарана также простиралась до двух тысяч пленных, до 40 тысяч голов лошадей, рогатого скота и овец, с массой оружия и разного имущества»¹⁰³.

Мусульмане, силой овладев замком Йаргу (Тарки), «захватили в (месяце рабиа) все, что было в нем, так, что каждому всаднику досталось по триста динаров, а их было более тридцати тысяч»¹⁰⁴.

Одним из существенных стимулов завоевательных войн арабов был захват рабов. Еще в начале VIII в. рабовладельческий уклад в социально-экономической жизни феодализирующегося халифата играл огромную роль, и приобретению значительных масс рабов придавалось немаловажное значение. Так, например, со слов

⁹⁹ Ибн ал-Асир, 24; Ibn al-Athir, V, 83.

¹⁰⁰ Ibn al-Athir, V, 129; Ибн ал-Асир, 29.

¹⁰¹ Ibn al-Athir, V, 180; Ибн ал-Асир, 32.

¹⁰² Spuler, Geschichte, I, SS. 27—28.

¹⁰³ Дербенд наме, 75—76; Derbend-Nameh, 518.

¹⁰⁴ Ибн ал-Асир, 25.

Табари, Кутайба увез из Хорезма в 93 г. х. (711—712) 100 тысяч рабов¹⁰⁵.

Некоторые «сподвижники» Мухаммеда и представители высшей знати имели по несколько тысяч рабов, работавших на земле и ремесле. Огромные массы рабов использовались в омейядской армии в качестве вспомогательной рабочей силы¹⁰⁶.

Поэтому не странно, если источники полны сведений о взятии большого числа пленных почти во всех захваченных областях, в частности в Дагестане. Джаррах в Гумике «пленил их»¹⁰⁷, в Табасаране захватил 2000 пленных¹⁰⁸, подчинил силой ряд горных обществ и обязал их правителей поставлять ежегодно — от Серира — тысячу пятьсот юношей и пятьсот девушек, от Тумана — сто пятьдесят девушек и пятьдесят юношей «с высокой талией, черноволосых, чернобровых и с длинными ресницами», от Зирихгерана — пятьдесят юношей, от Хамзина (единовременно) — пятьсот юношей и девушек¹⁰⁹.

Налоговая политика арабов в завоеванных странах выразилась во взимании поземельного налога и подушной подати, а также организации многочисленных натуральных повинностей¹¹⁰. При этом в завоеванных землях арабы сохранили ту податную систему, которая существовала в государстве сасанидов¹¹¹.

Поземельный налог, харадж, вносился покоренным населением на условиях договора. Формы его оплаты были различны — натурой в виде части урожая, деньгами или же натурой и деньгами вместе. При установлении размера хараджа учитывались многие обстоятельства — качество земли, вид культуры, близость воды, возможность орошения. Существовало несколько видов хараджа.

Подушная подать, т. е. джизья — это своего рода вознаграждение завоевателям за их веротерпимость.

¹⁰⁵ Смирнова, Договор, стр. 130; Табари, II, 1240.

¹⁰⁶ Куббель, О некоторых чертах, стр. 118 (со ссылкой на Hitty, History, p. 235).

¹⁰⁷ Белазури, Футух, 213; Белазури, стр. 16 (пер.), II (араб.).

¹⁰⁸ Derbend-Nameh, 518.

¹⁰⁹ Белазури, 18 (пер.), 12 (араб.). Белазури, Футух, 215.

¹¹⁰ О налогах см. Якубовский, Ирак, стр. 179—180; Его же: Восстание Муканны, стр. 36—37; Заходер, История, стр. 11.

¹¹¹ Якубовский, Ирак, стр. 41.

«Воюйте... с теми из получивших писание, которые не принимают истинного вероустройства, покада они не будут давать выкупа за свою жизнь» — записано в Коране. Покоренное население могло сохранить свою религию, но на условиях уплаты подушной подати, т. е. — джизьи. Выдающийся арабский правовед Абу Йусуф (731—798), автор «Книги о харадже», даже определил сумму подати в зависимости от социального положения и благосостояния зиммия: «поголовной подати подлежат все зиммии—евреи, христиане, огнепоклонники, сабейцы, самаритяне... в размере 48 дирхемов с состоятельного, 24 с людей среднего состояния, а с нуждающегося земледельца, работающего собственными руками — 12 дирхемов. Это взимается с них ежегодно»¹¹². Освобождались от джизьи только женщины, дети и старики, т. е. те, «с которыми нельзя сражаться»¹¹³, монахи, священники, бедняки, «которым подают милостыню»¹¹⁴.

Так, например, арабский предводитель Салман занял без боя Бейлакан (Арран), обязавшись «щадить их кровь, имущество и стены города, но с тем чтобы они платили джизью и харадж»¹¹⁵. А затем мир «с условием платить подать» был заключен с жителями Хайзана, Ширвана, Дербенда и «остальных царей гор»¹¹⁶. Мерван в Серире после того, как «захватил крепости его и разрушил земли его» обязал жителей Серира в 121 г. х уплатить джизью в 1000 голов (скота) ежегодно¹¹⁷.

Правда, по существующему вначале положению можно было освободиться от подушной подати, но ценой принятия ислама. Поэтому в ряде случаев мусульмане не особенно усердствовали в насаждении новой религии, опасаясь уменьшения поступлений в казну, что привело бы также к уменьшению личных доходов завоевателей¹¹⁸. Потому вскоре было решено обязать платить джизью даже тех, кто принял ислам.

Наиболее систематический характер налоговая система при арабах приняла в Дагестане после похода Мер-

¹¹² Медников, Палестина, II, стр. 1308.

¹¹³ Массэ, Ислам, стр. 63.

¹¹⁴ Медников, Палестина, II, стр. 1309.

¹¹⁵ Ибн ал-Асир, 18—19.

¹¹⁶ Белазури, 14.

¹¹⁷ Табаги, ser. II, t. VI, 1667.

¹¹⁸ Spuler, Geschichte, I, S. 29.

вана. Характерно, что Мерван обложил подчиненные путем договора земли податью, взыскиваемой ежегодно, т. е. была попытка регулярно взыскивать харадж. Известно, что поземельный налог взыскивался обычно не с отдельных лиц, а с определенного района, с комплекса земельных угодий¹¹⁹.

Так было и в Дагестане. Когда ал-Белазури пишет, что в первой половине VIII в. арабский полководец Мерван заключил договоры с владельцами гор, заставив согласиться владельца Серира поставлять ежегодно в зернохранилища Дербенда сто тысяч мер зерна, Лакза— двадцать тысяч мер¹²⁰, замка Хусейн «определенную сумму», — то мы имеем дело ни с чем иным как с хараджем.

«Дербенд наме» дает такой перечень ежегодных податей, взыскиваемых Мерваном: с кумухцев — 50 туманов, 20 тыс. батманов зерна; с кайтагцев — 20 тыс. батманов пшеницы; с Кюре и Мискинджи — 14 тысяч батманов пшеницы и 40 тыс. дирхемов; с Ширвана—20 тыс. батманов пшеницы и 50 тыс. дирхемов¹²¹.

Важно также то обстоятельство, что, судя по этой хронике, податная система эта была установлена еще Масламой, и Мерван «получал подати от различных владений (Дагестана) ежегодно»¹²².

В завоеванных землях арабы придерживались своеобразных взаимоотношений с местными правителями. По отношению к местным династиям «в общем арабы держались единой политики: в подчиненных областях они ставили своих правителей, которые распоряжались военной властью и финансами, национальные династии обыкновенно сохраняли свое существование и удерживали за собой гражданскую власть»¹²³. В Дагестане, однако, это правило нашло своеобразное применение.

Традиция отмечает исключительную роль, которую арабы играли в деле поддержки местных правителей или же назначения новых правителей, положивших начало новым династиям. Согласно местным историческим хроникам, в частности знаменитому «Дербенд наме», Масла-

¹¹⁹ Солодухо, Подати, стр. 60.

¹²⁰ Белазури, Футух, стр. 215—216; Белазури (пер. Жузе), стр. 18—19, 13 (араб.).

¹²¹ Dербенд - Намеh, p. 560.

¹²² Там же.

¹²³ Крачковский, Крачковская, стр. 71.

ма, построив мечеть в Кумухе, «назначил Шахбала, сына Абдуллы, сына Аббаса, местным правителем и дал ему кадия для обучения народа правилам ислама», а в Каракайтаг назначил одного из родственников — Амира Хамзу, «от потомков которого происходят нынешние каракайтакские правители — усмии». Таким же образом правителем Табасарана был назначен «некто по имени Магомет-Маасум», причем было приказано, «чтобы все жители страны и во всех делах следовали указаниям Маасума и двух кадиев». И, наконец, «Маасум, кадии, Амир Хамза и все племена Дагестана от Грузии до Дешти-Кипчака, должны были быть под властью Шахбала правителя Кумуха, от Шахбала происходят нынешние шамхалы»¹²⁴.

Это сообщение не находит подтверждения в других источниках и носит следы не только позднейших интерполяций, но также и намеренной редакции текста.

Арабские источники дают основание говорить о политике арабов, рассчитанной не на замену местных правителей новыми, арабскими, а об использовании большинства местных правителей в интересах укрепления своей власти в Дагестане. Очень характерно в этом отношении описание Табари одного из событий хазаро-арабской войны. Хакан, узнав о поражении его войск в схватке с арабами и «убедившись в бесполезности войны с арабами», отправил к арабскому полководцу и правителю Мервану посла, чтобы узнать, каковы условия мира. Мерван ответил: «мое желание — он должен принять ислам, тогда страна остается в его владении; в противном случае я назначу на его место другого владельца». Хакан согласился, принял ислам, и Мерван вернул ему город¹²⁵.

Примерно такого же содержания сообщения Ибн ал-Асира о походе Джарраха на Баланджар. Арабский полководец разбил хазар, захватил замок Баланджар, взял в плен «детей владетеля Баланджара и его семью». Но впоследствии завоеватель смилостивился над правителем Баланджара, «возвратил ему все его имущество, семью и замок и сделал его соглядатаем для мусульман, который сообщал им все, что делают неверующие»¹²⁶.

¹²⁴ Der bend - Nameh, p. 545.

¹²⁵ Там же, стр. 645.

¹²⁶ Ибн ал-Асир, стр. 24—25.

Стало быть, смена местных правителей была явлением исключительным, связанным с отказом подчиниться, принять ислам, платить подати. Вспомним хотя бы описание похода Мервана вглубь дагестанских гор, данное ал-Белазури: он пишет о походе в Серир, Туман, Хамзин, Табасаран, Филан, Лакз, но нигде нет сообщения о замене одного правителя другим, напротив, все местные правители остаются на местах, принимают условия, предложенные завоевателями; более того, под водительством местных правителей войска, составленные из зимиев (покоренного неарабского населения, находящегося под защитой мусульман)¹²⁷, играли существенную роль в арабской армии, принимая участие в военных акциях на правах самостоятельных боевых единиц¹²⁸.

Такая практика находила широкое применение на Кавказе и в Средней Азии. Наместник Армении Мерван, со слов ал-Белазури, приказал «владельцу Ширвана, чтобы тот был в авангарде, когда выступят мусульмане в поход против хазар, и в арьергарде, когда они будут возвращаться; а Филаншаху — чтобы он воевал только вместе с ними; Табасараншаху — чтобы был в арьергарде, когда они (мусульмане) выступают, и в авангарде, когда они уходят». Это было продолжением политики раскола, так успешно примененной арабами в отношении берберских племен при завоевании Северной Африки, когда правитель Северной Африки Муса ибн Нусайр казнил мятежных вождей, ставил на их место вождей «хорошей репутации», расширил социальную базу арабо-берберского блока «соучастием берберских воинов ряда племен в набегах и разделе добычи»¹²⁹. Вполне допустимо, что и табасараншах и филаншах со своими дружинами стали мусульманами, как и вожди берберского племени со своими воинами, ибо это сулило соучастие в разделе богатой добычи.

Однако хотя к каждому политическому образованию Дагестана в отдельности нельзя отнести мнение местной хроники, все же когда речь идет о Дагестане в целом, то это высказывание находит оправдание. Страной в целом, вернее Азербайджаном, Арменией, включая и Дербенд (т. е. Закавказьем) управлял арабский правитель. Были

¹²⁷ Куббель, стр. 119.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Чураков, 109—112.

они и в крупных городах. Для Дагестана таким городом служил Дербенд, где обосновалась арабская династия правителей. Лишь иногда и в соседнем Дербенду Табасаране правителем становился ставленник Дербенда, да и то было явлением редким.

В целом — опора на местных феодальных правителей, на их материальную и военную поддержку, поощрение их — в этом и заключалась политика арабов в Дагестане.

Дагестанская традиция связывает с арабскими завоеваниями процесс образования местной феодальной верхушки.

Таким образом, сообщение «Дербенд наме» и других хроник о повсеместной замене местных правителей ставленниками арабского происхождения можно отнести к числу поздних редакций в угоду местным феодальным правителям.

Ту же цель преследовали поздние генеалогии дагестанских правителей, род которых возведен к пророку Мухаммеду. Вот запись генеалогической линии уцмий Кайтагского¹³⁰. — «Это относительно (генеалогии) уцмийской, владетеля большого государства, со стороны Рустам хана уцмий, амира вилайата Хайдак, (одного) из владений жителей гор — да убережет их Аллах от беды — Султан Мухаммед б. Хан Мухаммед усмий б. Султан Ахмед б. Шамхал б. Амир Султан Мухаммед б. Амир б. Амир Чуфан б. Гази Аби-л-Фатх б. Султан Алибек б. Султан Мухаммед б. Абдулазиз б. Аглаб б. Абу Муслим б. Абдалмалик б. Шейх Исхак б. аш-Ша"би б. Мансур б. Джа"фар б. Касим б. Уммар из (рода) Хамзата, араба, Курейшита, дяди пророка — да благословит его Аллах и да приветствует».

Генеалогия шамхалов также восходит к дяде пророка: — «...Сурхай, завоеватель Шемахи в 1133 г. х., б. Гирей б. Алибек Тучалак б. Алибек Шамхал б. Сурхай б. Ибн Уммал б. Усуми б. Бугдай б. Уммал Мухаммед б. Сурхай б. Алибек б. Шейх Ибрахим, а их предок из рода Хамзы, дяди пророка — да благословит его Аллах великий и да приветствует»¹³¹.

¹³⁰ Рукопись передана мне Г. Ш. Каймаразовым и доставлена из Варсита. В записи из Сагада, хранящейся у Алиева Г. Г., генеалогия дана более подробно и доведена до Хишама.

¹³¹ Рукопись предсоставлена гр-ном Таги-Заде из пос. Советское Касумкентского р-на, 1964.

Возведение своего рода к Мухаммеду становится обычным для всех дагестанских правителей (исключая аварских, относимых традицией к фараонам). В ряде случаев процесс складывания феодальной верхушки в отдельных аулах также связывается с именем арабов.

Дагестанская хроника, известная под названием «История Абу Муслима», так характеризует процесс создания органов власти (в лице последователей некоего Абу Муслима) в отдельных селениях Дагестана: Абу Муслим, распространив ислам в ряде районов Дагестана, ушел к себе на родину после семилетнего пребывания в Дагестане. Внуки его стали управлять отдельными селениями: «остались дела Микраха в руках Сайф ад-дина. Юсуф (же) обосновался в селении Къуруз, Насир ад-дин и Рамазан — в селениях Хина и Рутули, Мухаммед — в Шиназе, Джамал — в стране Къубба и Къалхана, Абдуллах — в селении Къурах, Хамзат — в селении Рича, Али Бархут — в селении Мака». Потомки этих правителей также обосновались в различных селениях, до тех пор, пока «часть пришла в Куба, в Ширван, в Табасаран, в селения Аварии, в Кумух, Кайтак, Кубачи, Хушни, Шиназ, Цудахар и Джаруталех. Все они из ближних и благочестивых из потомства Абу Муслима, да простит их аллах великий»¹³².

Происхождение социальной верхушки связывается здесь с внешними факторами, обычно с именами арабов. Такая постановка вопроса была выгодна духовенству и правящей верхушке.

Как известно, земельная политика арабов в завоеванных странах привела к перераспределению земельного фонда. Большинство завоеванных земель не расплылось и становилось государственной собственностью. Государство выступает в этом случае как коллективный феодал. Часть же земель поступала или же оставалась в собственности отдельных лиц. Эти земли назывались мульками. Таким образом, государственная феодальная собственность на землю и воду и земельная собственность отдельных феодалов в халифате существовали одновременно, но господствующей формой была государственная. Институт мулька предполагал полную земельную

¹³² Khanikoff, Mémoire, pp. 85—86 (араб. текст), 89—90 (франц. пер.).

собственность, право собственника распоряжаться земельным участком. В этом смысле как форма землевладения он соответствовал западноевропейскому аллоду. Дальнейшее развитие социальных отношений в халифате привело к возникновению новой, условной формы феодальной собственности — икты (по-арабски «икта» значит «надел»), означающий первоначально временное и пожизненное пожалование земель под условием несения вассальной службы. Коллективный феодал — государство отдавало земельные участки военным лицам за несение службы с правом взимания части земельной ренты, а затем правом распоряжаться землей. Икта как форма феодального землевладения соответствовала на определенном этапе западноевропейскому бенефицию.

Сведения об аграрной политике арабов в Дагестане исключительно скудны. Иногда приходится прибегать к материалу, относящемуся к соседним областям, но характеризующему систему аграрных отношений. Еще при халифе Османе арабский полководец Хабиб наделил земель (иктой) двухтысячный гарнизон из арабов, обосновавшихся в районе Каликала («и послал ему Моавия две тысячи человек, которых обосновал в Каликале, и наделил их в нем наделами (икта) и сделал их в нем стражей») ¹³³. Впоследствии были наделены землей те воины, которые обосновались в новых пунктах — Камахе, ал-Мухаммадии, Баб-Ваке, близ Дербенда ¹³⁴. Маслама поселил в Дербенде четырнадцать тысяч сирийцев.

Это говорит о том, что практика раздачи воинам захваченных земель получила широкое распространение ¹³⁵. Здесь несомненно речь идет об икте. Правда, в арабской средневековой литературе настойчиво указывалось, что воины не смогут рассматривать эти наделы как свою собственность, но на практике это было «запоздалым протестом» против последовавшего за захватом отчуждения этих земель ¹³⁶.

Землями в завоеванном Дагестане арабские завоеватели распоряжались на правах победителей. Джеррах отдал два селения жителям Хамзина после переселения

¹³³ Белазури, Футух ал-булдан, стр. 205; Белазури стр. 5 (араб. текст), 8 (рус. пер.).

¹³⁴ И а к у б и, стр. 9.

¹³⁵ К у б б е л ь, стр. 121.

¹³⁶ Там же.

их в окрестности Хайзана. Или же Мерван «поселил» хазар между Самуром и Шабираном.

Земельная политика арабов в завоеванных странах была рассчитана на поддержку местной феодальной верхушки и на упрочение своих собственных позиций. Хотя верховным собственником в халифате считалось государство, правители отдельных областей пользовались правами полновластных хозяев. Постепенное развитие феодальных отношений в халифате накладывало в свою очередь отпечаток на аграрную политику в завоеванных странах. Переход арабов в этих странах к новым методам эксплуатации, к закреплению за собой земельных участков стимулировал дальнейший процесс феодализации окраин, в частности Дагестана.

Одной из характерных черт политики завоевателей в захваченных районах была миграция арабского населения. В рамках халифата она приняла значительные размеры. Средняя Азия и Закавказье буквально были наводнены выходцами из различных арабских городов. В Закавказье арабскими поселенцами были заняты значительные территории Мугана, Ширвана, Аррана. Жили они не только в Барде, Байлакане, Дербенде, Шемахе, но также и вновь построенных городах — Касале, Мутаваккилие¹³⁷. В таких крупных городах Мавераннахра как Бухара и Самарканд были поселены в качестве гарнизонов большие группы арабского населения, причем в Бухаре им была передана половина домов и земель жителей¹³⁸.

Выше мы уже писали о прибытии арабского населения в города Дагестана и создании арабских по этническому составу пунктов сельского типа вокруг Дербенда. Местная азербайджанская и дагестанская топонимика отразила процесс формирования пунктов с арабским населением — Арабляр, Араб, Арабали, Араблар, Араббабирхан, Араблы, Арабари и многие другие¹³⁹.

В Дагестане как и в Средней Азии и Азербайджане

¹³⁷ Месхиа, Из истории, стр. 34 (цит. по Буниятову, Азербайджан, стр. 177).

¹³⁸ Волин, К истории, стр. 123; Бартольд, История культурной жизни, стр. 23.

¹³⁹ Буниятов. Азербайджан, стр. 177; Генко. Арабский язык, стр. 88—89. До XIX в. сохранилось также название «арабская дорога» у Дербенда — см.: Комаров, стр. 555.

арабское население жило компактно и еще долгое время сохраняло свое этническое лицо. Когда ал-Масуди в середине X в. пишет о расположенных между Джиданом и Баб ал-абвабом мусульманах-арабах, «которые говорят хорошо только на арабском языке и которые поселились здесь в дни арабских завоеваний»¹⁴⁰, то это свидетельство явно говорит о полном сохранении арабской общины, не смешавшейся с местным населением и ревниво оберегавшей язык и обычаи.

Это арабское население, жившее в двух пунктах близ Дербенда, видел автор «Истории Маййафарикина» Ибн ал-Азрак ал-Фарики уже через двести лет, т. е. в 549 г. х. (1154), когда он сопровождал в походе абхазского царя Димитра, прибывшего в Дербенд со своим войском. Это были представители арабских племен бену Умайя, Кинда и др. («мы пришли сюда около пятисот лет тому назад»), сохранившие в чистоте арабский язык — («мы передаем его, — говорил один араб о своем языке, — друг другу и не бросаем арабского языка; каждая женщина обращается к своему ребенку по-арабски, и ребенок растет, говоря на арабском»)¹⁴¹.

Арабское население в течение столетий сохраняло свой язык, пока в XIX в.¹⁴² оно в Азербайджане и Дагестане окончательно не потеряло свою родную речь, смешавшись с местным населением, а в Средней Азии еще в 30-х годах были обнаружены (в Бухарском и Кашкадарьинском округах Узбекской ССР) арабы, говорящие на арабском языке¹⁴³, причем процесс ассимиляции их с местным населением все еще продолжался¹⁴⁴.

Таким образом, судьбы арабского языка в завоеван-

¹⁴⁰ Масуди, II, стр. 39—40; Минорский, История, 203 (В. Ф. Минорский везде исправляет Джидан на Хайдак).

¹⁴¹ Минорский, История, стр. 223—224 (прилож. V, Посещение Ибн ал-Азраком Дербенда в 549/1154 г.). У нас арабский отрывок об арабах в Дагестане издал Г. В. Церетели (Церетели, Арабская хрестоматия, стр. 12—13. Приведенный отрывок в арабской передаче таков: «Мы передаем (завещаем) друг другу не бросать говорить на арабском языке и не говорить с ребенком иначе, как на арабском языке, и ребенок воспитывается на арабском языке») — Церетели, Арабская хрестоматия, стр. 13.

¹⁴² Подбор сведений о последних арабах, см.: Генко, Указ. соч., стр. 88—89.

¹⁴³ Церетели, К характеристике, стр. 133—148.

¹⁴⁴ Там же, стр. 134.

ных странах сложились не одинаково. В Сирии, Ираке, Египте, Северной Африке прошла арабизация местного населения, в то время как в Закавказье, Иране, Средней Азии, арабское население ассимилировалось с местным населением, потеряло свой язык и восприняло его культуру¹⁴⁵. В Дагестане произошел такой процесс, как и в Средней Азии, Закавказье и Иране.

Огромной важности последствием арабских завоеваний в Дагестане было появление новой государственной религии — ислама.

Как известно, в Средней Азии (исключая Семиречье и торные районы, ислам становится в VIII в. господствующей религией¹⁴⁶, а в Азербайджане — к началу VIII века¹⁴⁷, в XI в. мусульманской стала подавляющая часть населения Ирана¹⁴⁸, в Северной Африке, среди берберских племен, еще в начале VIII в. новая религия имела значительное число сторонников¹⁴⁹. Везде здесь речь идет о землях, где арабское господство устанавливалось прочно. В Дагестане условия сложились так, что большая часть его территории не знала прочной арабской власти, и принятие ислама, там, где это имело место, было явлением преходящим. Только в прибрежной полосе, в Дербенде, Табасаране, Лакзе население было мусульманским. К началу X века в Дербенде, очевидно, все население исповедывало ислам, и город превратился в один из активных пропагандистов новой религии. Здесь сформировались отряды «борцов за веру» — гази, неоднократно совершавших «исламские набеги» на соседние Дербенду земли¹⁵⁰. Среди воинов, участвовавших в различных военных акциях, имеются также «добровольцы» (муттави), «чтецы Корана» (курра), «пришлые» (гураба)¹⁵¹.

Роль Дербенда в исламизации соседних земель лишь раз подтверждается высказыванием ал-Хамадани о том, что в X веке одни из ворот в дербендской стене

¹⁴⁵ Всемирная история, III, стр. 112.

¹⁴⁶ Всемирная история, III, стр. 446.

¹⁴⁷ Буниятов, Азербайджан, стр. 90.

¹⁴⁸ Петрушевский, Ислам, стр. 37.

¹⁴⁹ Чураков, стр. 110, 120—121.

¹⁵⁰ Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 46,

65, 70.

¹⁵¹ Там же, стр. 163.

носили название «Баб ал-джихад», т. е. «Ворота войны за веру», и сообщением «Истории Ширвана и Дербенда» о том, что в 385/995 году народ Караха «обратился в мусульманство» благодаря дербендскому эмиру Маймуну. Дербендские правители стали мусульманами, как и «цари» Джидана и Табасарана¹⁵². Новую религию исповедовала в середине X в. часть лакзов¹⁵³. Мусульманское население прочно обосновалось и в Семендере, бывшей столице хазар. Как сообщает Ибн Хаукаль, Семендер до разрушения его русами (965) «населяли мусульмане и другие, и в городе у них были мечети, у христиан храмы, а у иудеев синагоги»¹⁵⁴. Еще до Ибн Хаукаля о мусульманах в Семендере сообщает ал-Истахри: «в Семендере множество мусульман, и у них в этом городе мечети». Однако «царь Семендера иудейского вероисповедования и находится в родстве с царем хазар»¹⁵⁵, хотя большинство населения составляют мусульмане и христиане.

✠ Утверждение ислама проходило в борьбе с местными религиозными культами. Уничтожались домусульманские культовые здания и предметы культа в Средней Азии¹⁵⁶, как и в Иране и Закавказье¹⁵⁷, насаждение ислама сопровождалось уничтожением храмов огня в больших городах, а некоторые из них, как и в ряде случаев христианские церкви, превращались в мечети. Нельзя представить, чтобы в прибрежных районах, где христианство заняло довольно значительные позиции, замена одной монотеистической религии другой происходила безболезненно, без давления в различных его проявлениях. Однако по дошедшим до нас письменным данным отношение арабов к христианским культовым зданиям и христианскому населению, а также к иудеям было гораздо более благосклонным, чем к носителям первобытных верований.

Вплоть до X века включительно мы встречаемся не только с фактом отсутствия преследования христиан в

¹⁵² Maçoudî, II, pp. 7, 39.

¹⁵³ Там же, стр. 6.

¹⁵⁴ Ибн-Хаукаль, стр. 114, СМОМПК, вып. 38.

¹⁵⁵ Ал-Истахри, стр. 47, СМОМПК, вып. 29; Dorn, V, 529. В тексте Дорна вместо Семендер стоит С-в-р, но с примечанием (стр. 559): S. Fraehn, a. a. O., 5. 38, wo die Stadt Samand genennt wird.

¹⁵⁶ Очерки истории СССР, III—IX, стр. 424, 446;

¹⁵⁷ Буниятов, Азербайджан, стр. 107.

Дагестане, но также и большой веротерпимостью мусульман по отношению к ним. Как сообщает Моисей Каганкатвази, еще в первую половину VIII века, в 732 г. (180 г. армянской эры), «Маслимен вторично выстроил дворец во имя таджиков, но не разрушил патриаршего дворца, который еще до сих пор существует в нем»¹⁵⁸.

Ту же картину мы видим в Хайзане, где мусульмане; иудеи и христиане свободно проповедают свою религию; в Дербенде, где наряду с «воротами войны за веру» существуют в X веке «ворота Сура»¹⁵⁹ и, наконец, в Семендере и Итиле, где рядом живут мусульмане, христиане и иудеи, отправляя культ в мечетях, церквах, синагогах.

Все изложенные выше сведения о наличии ислама в Дагестане в середине X века дали возможность заключить, что ислам сильнее всего был распространен в районах, прилегающих к Дербенду, и что в первую очередь приняли новое учение правители политических образований. Кроме того, состояние ислама в Дагестане к середине X в. свидетельствует об исключительно медленных темпах его проникновения.

Действительно при описании событий до первой половины X в. все восточные писатели изображают почти все дагестанские племена как неверных и выступающих против мусульман. Ад-Истахри сообщает, что к Дербенду прилегают «разные страны кяфинов»¹⁶⁰.

Сообщение ал-Хамадани о том, что из 360 замков Баб ал-абваба 110 находилось «...во владении мусульман до земель Табасеран»¹⁶¹, показывает распространение мусульманского влияния, не идущего дальше нескольких километров к северу и северо-западу от Дербенда. Как писал Мунаджим баши, в середине X в. «армяне, лакзы и другие неверные» выступают против первого Шаддада Мухаммеда ибн Шаддада, мусульманского правителя Ширвана, начавшего управлять с 340/951 г.¹⁶², но терпят поражение.

Факты столкновения и проникновения лакзов в Арран имели место, по-видимому, часто, чем и объясняется

¹⁵⁸ М. Каганкатвази, История агван, стр. 281.

¹⁵⁹ Барье де Мейнар относительно Сула писал: «город близ Дербенда» — *Varbier de Meunard, Dictionnaire*, p. 372.

¹⁶⁰ СМОНПК, вып. 38, стр. 98.

¹⁶¹ СМОНПК, вып. 31, стр. 11.

¹⁶² *Minorsky, Studies*, p. 3—4.

приказ Мухаммеда ибн Шаддада укрепить Дабиль для гарантии безопасности нападений со стороны лакзов¹⁶³. Там же сообщается о выступлении лакзов под руководством армян и других «неверных». Войско составляло 60000 человек и отправилось на Дабиль. События эти имели место в 314 или 342 г. = 952—953 г.

Бартольд справедливо подчеркивал, что еще «в X веке граница мусульманского мира проходила в 3-х милях, т. е. в 6 верстах от Дербенда»¹⁶⁴, отмечая, тем самым, медленные темпы исламизации Дагестана.

Что касается центрального, западного и северного Дагестана (за исключением Семендера), то о позициях ислама здесь в начале X в. не стоит говорить, ибо ни один из восточных авторов не свидетельствует о наличии в указанных областях к X в. мусульманских элементов.

✂ Письменный и археологический материал дают довольно отчетливые представления о домонотеистических религиозных представлениях дагестанцев в VIII—XII в. Религиозные представления жителей Серира отразились в описании похоронного обряда, который дает ибн Русте: «Все обитатели крепости — христиане, а все остальные жители страны — язычники... Все они поклоняются высохшей голове. Когда кто-нибудь из них умрет, они кладут его на носилки (джаназа) и выносят его на открытое место (майдан «площадь») где оставляют его на три дня на носилках. Затем жители садятся на коней и облачаются в панцири (джаушан) и кольчуги. Они едут на край (названного) места (и оттуда) со своими конями устремляются на мертвое тело, (лежащее) на носилках. Они кружат вокруг носилок, направляя коня на тело, но не пронзая его»¹⁶⁵.

✂ Ал-Андалуси ал-Гарнати приводит весьма ценные сведения о погребальном обряде жителей Зирихгерана в XII в. Исследователи уже давно обратили внимание на то обстоятельство, что погребальный обряд жителей Зирихгерана в XII в., описанный ал-Гарнати, почти во всем носит следы зороастризма:¹⁶⁶

¹⁶³ Там же, стр. 4.

¹⁶⁴ Бартольд. Место прикаспийских областей, стр. 28.

¹⁶⁵ Минорский, История, стр. 219.

¹⁶⁶ Уваров, Курганы с расчленением близ г. Дербента, стр. 61—75; Бартольд. Еще о самаркандских ассуариях.

«Близ Дербенда (расположена) большая гора, на вершине которой (имеются) два селения. (Живет) в них народ, называемый зирихгеран, т. е. изготовители панцирей... Нет у них (никакой) религии и не платят они джизью. Когда умирает у них человек, и если он мужчина, то передают его мужчинам (находящимся) под землей, которые расчлениают кости покойника, очищают кости от мяса и... собирают мясо его и дают его (мясо) на съедение черным воронам. Они стоят с луками, чтобы не дать (другим) птицам есть что-нибудь из его мяса. А если (покойник — это) женщина, то они передают ее (другим) мужчинам под землей, которые вытягивают ее кости и дают ее мясо коршунам. И стоят они со стрелами, чтобы мешать другим птицам приблизиться к ее мясу»¹⁶⁷.

Языческие представления жителей города Баб ал-абваба были зафиксированы, правда, в виде пережитка, Ибн ал-Факихом ал-Хамадани:

«В городе Баб над Баб ал-джихад (ворота войны за веру) на стене — две колонны, на каждой колонне изображение льва из белого камня. Ниже... изображения двух львов. Близ ворот изображение человека из камня, между ногами его статуя лисицы... Над домом правителей — изображение двух львов также из камня... жители Баба говорят, что это талисманы их стены»¹⁶⁸.

Закарийа ал-Казвини сообщает нам также об обычае табасаранцев, связанном с древним земледельческим культом.

Он пишет о паломничестве к мечу, оставленному Масламой в Табасаране, причем «не совершается к нему паломничество иначе, как в белых одеждах. Если кто направится к нему в цветной одежде, — наступают дожди и ветры, и едва не погибает то, что (находится) вокруг холма». Автор XV в. добавляет к этому, что табасаранцы приносят «в пещеру всякого добра и подаяния, пилигрим-

¹⁶⁷ Al-Garnati, 84—85. Ср. немецкий перевод Б. А. Дорна: *Mélanges Asiatiques*, VI, стр. 700—701. Сообщение это имеется также и у Закарийа ал-Казвини, в руках которого, как писал В. В. Бартольд, ссылаясь на описание Дорна, мог оказаться полный текст ал-Гарнати (Бартольд, Еще о самаркандских ассуариях, стр. 102).

¹⁶⁸ Ибн ал-Факих ал-Хамадани. *Китаб ал-булдан*, стр. 25.

ствуют к этому мечу и делают новые ножны. Когда несут ножны в пещеру, берут с собою около пудовки пшеницы и, идя, бросают ее по земле, пока вложат в новые ножны меч, и тогда возвращаются домой»¹⁶⁹.

Значительную ценность в изучении религиозных верований народов Дагестана представляют погребальные обряды, зафиксированные при археологических раскопках.

Погребальный обряд, отмеченный в раннесредневековых памятниках, неопровержимо доказывает господство «языческих» представлений у горцев до распространения среди них ислама. В склепах, каменных ящиках или же в грунтовых ямах раннесредневековых могильников Дагестана мы обнаруживаем явные признаки немусульманского и нехристианского обряда захоронения: ориентация костяка по направлению север-юг, сопровождающий инвентарь, наличие сосуда с заупокойной пищей.

Так например, близ Верхнего Караная (Буйнакский район) был обнаружен могильник, датируемый по инвентарю V—VII вв. Склепы (их было расчищено три) были ориентированы с с-з на ю-в. В качестве сопровождающего инвентаря встречался железный наконечник копья, бронзовое кольцо. В одном из склепов обнаружено два костяка, лежавших вытянуто на спине и ориентированных на ю-з. В том же склепе были найдены два скелета лошади, лежавших на спине, одна поверх другой¹⁷⁰.

Каменные ящики могильника VI—VIII в. близ сел. Шадрода (Ботлихский район) ориентированы в основном по направлению с-ю. Костяки расположены на спине, в вытянутом положении, головой на юг. Встречаются угольки¹⁷¹. Угольки возле черепа встречаются также в отдельных погребениях Миатлинского могильника, датируемого XII—XIII в.¹⁷²

Языческий обряд захоронения зафиксирован также в склепах Гапшиминского могильника (Акушинский район), верхний слой которого датирован VIII вв. Здесь

¹⁶⁹ Са з в і н і ' s Kosmographie, II, стр. 342. Даю перевод: Генко. Указ. соч., стр. 103—104.

¹⁷⁰ Артамонов, Отчет о работе Северо-Кавказской экспедиции 1937—1938. Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1602, л. 19—22.

¹⁷¹ Пиккуль. Отчет, 1952 г., лл. 15—36.

¹⁷² Пиккуль, Научный отчет 1955 г., лл. 132, 141—142.

было обследовано два склепа, ориентированных с с-з на ю-в. В одном из погребений (№ 1) костяк лежал вытянуто на спине, головой на с-з, ноги были согнуты в коленях, левая рука закинута за голову¹⁷³. Не знает мусульманского обряда захоронения ни один памятник VIII—X вв. в Дагестане (исключая Дербенд), подтверждая тем самым положение о непрочности и кратковременности позиций ислама, даже в тех предгорных и горных районах, где успехи арабского оружия могли сопровождаться исламизацией тех или иных групп населения. Последующие века также дают во многих районах «языческий обряд».

Памятником «языческой» культуры Дагестана служат погребения Кулинского могильника (Кулинский район), датируемого XI—XIII вв.¹⁷⁴. В одном из погребений этого могильника скелет ориентирован по направлению с-ю, а в другом — найден сосуд с пищей. Дальнейшие работы по изучению этого интересного памятника средневекового Дагестана выявили общие черты, объединяющие все погребения могильника; погребения производились в прямоугольных каменных ящиках и грунтовых ямах, ориентированы с с-з на ю-в; костяки сопровождалась угольками¹⁷⁵.

Характерно, что из исследованных в аварских районах могильников XI—XIII вв. (Ортоколинский, Цурибский, Ирибский, могильник в урочище Чинна¹⁷⁶) ни один не дает мусульманского погребального обряда, хотя определенная унификация в ориентировке и формах погребальных сооружений уже наблюдается.

С арабскими завоеваниями связано еще одно обстоятельство, уже особо отмеченное в советской науке в связи с раннесредневековой историей Средней Азии. Как писал С. П. Толстов, «Арабское завоевание привело к переориентации культурных связей. Слабеет связь с Дальним Востоком, Южной Азией и Восточной Европой и выдвигается на первый план связь с Передней Азией. Но это не могло изменить общего хода и направления исторического развития»¹⁷⁷. Арабские завоевания

173 Путинцева. Гапшминский могильник, лл. 5—21, 53, 62.

174 Лавров, Археологические раскопки, стр. 256.

175 Мунчаев, Отчет, стр. 44—52.

176 Атаев, Нагорный Дагестан, стр. 191, 196.

177 Толстов, Периодизация, стр. 18.

в Дагестане также оказали влияние на направление культурных и торгово-экономических связей. Южное направление этих связей еще в сасанидское время было преобладающим, но в VII—X в. эти связи значительно усилились и порой становились единственными. Конечно, связи с Северным Кавказом не прекращались, но юго-восточная Европа в IX—X вв., в связи с особым усилением военного направления контактов, иногда почти прекращала связи иного характера, а в XI—XII в. они были сведены к минимуму.

Южное направление торгово-экономических и культурных контактов все более усиливалось и достигало в IX—XV вв. расцвета, а последующие события XI—XV вв. только способствовали их укреплению. Сначала при сельджуках, затем монголах и Тимуре Дагестан был включен в систему этих государств, и сложившаяся внешнеполитическая и внутренняя обстановка способствовали проникновению в Дагестан арабского языка и арабоязычной культуры, т. е. культуры народов Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока.

Вместе с исламом, культурно-экономическим и военно-политическими контактами проникал арабский язык и арабская литература. Конкретных данных для VII—X вв. у нас нет, но это вполне можно предположить, учитывая обилие этих данных для XI—XV в.

Роль арабского языка в завоеванных землях также известна. Нетерпимое отношение ко многим письменным памятникам неарабского происхождения служило причиной потери письменного наследия многих народов покоренных стран в значительных размерах. Что касается письменных памятников Средней Азии, то «лишь жалкие обрывки дошли до нас в отражении арабо-персидских авторов»¹⁷⁸. Местные алфавиты, выросшие на основе арамейского шрифта были вытеснены арабским письмом. Прекратило свое существование албанское письмо в Азербайджане, не пережившее середины VIII века. Пехлевийское письмо, сравнительно богато представленное строительными надписями Дербенда¹⁷⁹,

¹⁷⁸ Толстов, Периодизация, стр. 18.

¹⁷⁹ Пахомов, Пехлевийские надписи; Пахомов, К толкованию; Нюберг, Материалы.

также заглохло, замененное арабским. На смену местному письму приходило арабское, ставшее впоследствии для всего «мусульманского» мира письмом, на котором была создана богатейшая литература средневековья, широко охватывавшая все известные тогда отрасли науки.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

Глава IV

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА В ДАГЕСТАНЕ В X—XV вв.

Середина X в. — переломный этап в истории проникновения ислама в феодальные владения и союзы сельских общин Дагестана и утверждения его, когда ряд благоприятных условий внутреннего и внешнего характера определил и усилил темпы исламизации и окончательное утверждение монотеистической религии.

Хронологические рамки этого процесса были различны для отдельных областей, среди которых южные районы были исламизированы раньше, чем северные, а процесс этот по Дагестану завершился в основном в XV в.

Две основные причины способствовали ускорению процесса перехода дагестанцев в число приверженцев монотеистической религии в указанное время. Одна из них — дальнейшее развитие по пути феодализации, нарастание противоречий между противоположными классами, ярко выраженный процесс усиления социальной и имущественной дифференциации и в связи с этим — необходимость идеологически оправдать и оформить складывающиеся отношения.

С другой стороны — внешние факторы, объективно ускорившие принятие ислама: политика внешних завоевателей по насаждению ислама, прочно установившиеся культурные и экономические связи со странами Ближнего Востока. Именно в X—XV вв. эти факторы проявились наиболее ярко и последовательно.

В хозяйственной деятельности горцев в X—XV вв. наблюдаются существенные сдвиги. К концу указанного времени оформились отраслевая специализация и основ-

ные линии производства по отдельным аулам. В основе этого процесса лежало дальнейшее развитие и окончательное отделение ремесла от земледелия, а также преимущественное развитие определенных производств в горах (животноводство) и на плоскости (зерновое хозяйство). Возросшая специализация в отдельных физико-географических зонах на преобладающем производстве животноводческой или зерновой продукции не только дала толчок обмену и торгово-денежным акциям, но и привела к фактору, имевшему большое значение в дальнейшем соотношении различных производств в горах и на плоскости — террасное земледелие в раннем средневековье, достигшее наибольшего подъема в VIII—XIII вв., к XV в. падает, постепенно забывается, а террасные поля забрасываются надолго¹.

В плоскостных районах, а также во многих районах внутреннего Дагестана существовали весьма благоприятные условия для развития полеводства и виноградарства, и в них широко были представлены зерноводство (пшеница, ячмень, просо, рис), виноградарство, мареноводство, шелководство, овощные культуры. Из садовых культур наибольшее значение имели яблоня, вишня, айва, абрикос, груша, слива, грецкий орех.

Еще в XII в., судя по сообщению ал-Гарнати, жители сел, расположенных вокруг Зирихгерана, занимались только полеводством, имели свои сады². В горных районах виноградарство также получило распространение, о чем можно судить не только по лингвистическим данным, но также по этнографическому материалу, в частности по хорошо разработанному обряду, связанному с праздником виноградарей и зафиксированному в даргинском ауле³.

Восточные авторы в своих сообщениях о хозяйственной деятельности дагестанцев особое внимание обращают на успехи в производстве зерновых. Даже в высокогорном Цахуре жители в большом количестве производят зерно, как сообщает Закарийа ал-Казвини: «А пища их

¹ Османов. Хозяйство даргинцев, стр. 10, 38, 39; Асиятилов. Хуторская система, стр. 3—4; Классификация террас — см.: у даргинцев — Османов. Указ. соч., стр. 12—15, у аварцев — Агларов. Техника сооружений.

² Al-Garnati, стр. 84.

³ Полевой материал. 1961 г.

(состоит) из злака, называемого ас-сульт; он похож на ячмень по виду, а по качеству он имеет природу пшеницы... Каждый сеет от этого злака удовлетворяющего его количество и питается им и молоком своих овец»⁴... Произрастает это зерно и в другом высокогорном пункте — рутульском селении Шиназе⁵. Что касается Дербенда, то сведения о его хозяйственной жизни восторженны у всех, кто об этом городе писал. Персидский автор Хамдаллах ал-Казвини так и писал: «что касается плодородия, (то) хлеб там хорош. (Дербенд) обладает прекрасными пастбищами, воды и скота там много, большая часть дохода их бывает от тех (благ)»⁶.

А в обнаруженном недавно «Сказании о железных вратах» (т. е. о Дербенде), составленном в середине XV в., дается подробное описание хозяйственной деятельности жителей земель, лежащих вокруг Дербенда: «А в той земле пашут землю и сеют пшеницу и ячмень, и ярицу и полбу... и города, и деревни, и леса, и сады, и винограды, и мельницы и всякой овощ земный»⁷.

Развитие в области земледелия, животноводства можно проследить по данным этнографии и топонимики. Народы Дагестана создали удивительно скрупулезный, рассчитанный на самые незначительные отрезки времени, хозяйственный календарь, строго регламентировавший сроки проведения различных видов сельскохозяйственных работ⁸. С ним тесно связаны многочисленные обряды и народные торжества⁹. Исключительное место земледелия и скотоводства в хозяйстве отразилась также в дагестанской топонимике и легендах о происхождении населенных пунктов. В Дагестане мы сталкиваемся с удивительным явлением — обилием топонимической номенклатуры. В приморской равнине, в предгорье, в самых высокогорных районах Дагестана — везде нет сколько-нибудь годного к использованию клочка земли, который не имел бы своего названия. Значит эти земли находи-

⁴ Sazwini's Kosmographe, II, стр. 405 (даю перевод: Генко, Арабский язык и кавказоведение, стр. 96).

⁵ Sazwini's Kosmographe, II, стр. 404—405.

⁶ Петрушевский. Хамдаллах Казвини, стр. 908.

⁷ Кучкин, Сказание, стр. 276.

⁸ Гаджиева и др. Старинный земледельческий календарь.

⁹ О празднике «первой борозды» — См. Чурсин, Праздник «выхода плуга».

лись в постоянном пользовании. Характерно еще одно обстоятельство: топонимика населенных пунктов недавнего происхождения бедна.

Процесс образования населенных пунктов, как это отразилось в преданиях, сохранил отголоски того значения, которое придавалось земледелию, скотоводству и ремеслу. Так, например, считают, что селение Куруш основано жителями Закавказья, прибывшими сюда на летние пастбища и сеявшими здесь хлеб вместе с жителями окрестных селений¹⁰. Селение Рухун обязано, согласно сообщениям старожил, своим названием изготовителям молотильных досок — «ругунар», выходящим из этого селения¹¹. Название селения Зубутль, богатого ныне виноградниками, выводится из аварского слова «цІалбокІ», что переводится «в виноградниках», Бежта от «беж» — загон для скота, Согратль от «сугъур» — сукно, Чирката от чиркъатІа — на месте, где добывают порох¹².

Дальнейшее развитие получало также ремесло. Оно было развито в каждом ауле, носило характер домашних промыслов и его развитие стимулировалось дальнейшим условием торговых связей между отдельными народами Дагестана, а также включением Дагестана в общий торговый оборот. Однако, натуральное хозяйство наложило отпечаток на замедленные темпы производства на рынок, на производство чисто ремесленных изделий. Это очень хорошо прослеживается на примере Зирихгерана, т. е. Кубачи, где изделия ремесленников становятся более разнообразными по сравнению с VIII—X вв. Упомянутый выше испанский араб Абу Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати писал в XII в. о зирихгеранах, что они — «изготовители панцирей, которые изготовляют все виды военного снаряжения — панцири, латы, шлемы, мечи, копья, луки, стрелы, кинжалы и различные виды медных изделий»¹³. Развитие металлургического производства, его усовершенствование привело к выделению здесь ремесла от земледелия. Ал-Гарнати так и пишет о зирихгеранах: «Жены их, дети их, дочери их, слуги и служанки их — все они заняты в производстве этих изделий, и нет у них

¹⁰ Пастухов, Поездка, стр. 203.

¹¹ Запись А. Тагиева. Сел. Даркуш, Касумкентского района, 1959.

¹² Исламмагомедов. Поселение и жилища, стр. 68, 108.

¹³ Al-Garnati, p. 84.

обрабатываемых земель (пашень) и садов»¹⁴. Отделение ремесла от земледелия дало дальнейший толчок развитию ремесленного производства. О средневековом Кубачи можно сказать как о торгово-ремесленном центре в полном смысле слова, т. е. как о городе, хотя средневековый город представлял, выражаясь словами К. Маркса об «азиатской истории», своего рода «нерасчлененное единство города и деревни»¹⁵.

Сообщение о занятиях кубачинцев говорит о важном значении производства военного снаряжения, рассчитанного на продажу, хотя металлическое производство в основном и было связано с хозяйством. Спрос на такого рода изделия в обстановке регулярной борьбы с внешними силами, был исключительно высок, и вполне возможно, что их производство было налажено и в ряде других населенных пунктов. Так в XIII в. о жителях рутульского селения Шиназ написано, что они были искусны «в изготовлении оружия, как, например, панцирей разного рода и других видов оружия»¹⁶.

Письменные сведения о ремесленном производстве относятся только к Дербенду, Зирихгерану и Шиназу. Однако это не значит, что не было других центров. В силу господства натурального хозяйства каждый дагестанский аул знал ремесленное производство, а центры политических образований или крупные аулы в союзах сельских общин превращались постепенно в центры экономической жизни и ремесленного производства. Такие древние аулы как Хунзах, Кахиб, Урада, Цахур, Рутул, Ахты, Тпиг, Кумух, Кала-Корейш, Харбук, Анди, Хучни, Эндери и другие стали центрами торговой и хозяйственной жизни. В различных дагестанских аулах на высоком уровне стояла металлообработка, керамическое производство, строительное дело, изготовление одежды, предметов домашнего обихода, ткацкое производство, различные виды художественного ремесла, обработка шерсти, дерева. Заметны успехи в строительном деле. Надписи рассматриваемого периода, строительная терминология, количество надписей свидетельствует о том, что указан-

¹⁴ Там же, стр. 84.

¹⁵ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат, 1940, стр. 13.

¹⁶ C a z w i n i ' s Kosmogaphie, II, стр. 404—405.

ное время характеризуется оживлением строительного дела, ростом профессионального мастерства строителей. Большое число датированных и недатированных строительных надписей и обязательное упоминание имени того, кто «построил здание», а также того, кто «написал» текст, дают право говорить о наличии в XI—XV вв. профессиональных мастеров-зодчих и мастеров архитектурно-декоративных работ¹⁷.

Уже отмечалось, что дальнейшее развитие экономики Дагестана выразилось в специализации производства в различных районах или отдельных аулах на базе дальнейшего совершенствования отдельных видов ремесла и домашних промыслов, успехов в области сельского хозяйства.

В связи с развитием художественных промыслов такие населенные пункты, как даргинское селение Кубачи, лезгинские селения Микрах, Испик, лакские — Кумух, Балхар, аварские — Гоцатль, Унцукуль, Ботлих, Хунзах — превращаются в большие промысловые центры. В ряде аварских районов широкое распространение получило производство безворсовых ковров и сумахов. Многие аварские и лакские селения (Гоцатль и др.) славились медночеканным производством, а также оружием и ювелирными изделиями. Аварцы и лакцы изготовляли медную чеканную утварь почти для всех народов Дагестана. Лакское селение Балхар давало превосходную керамику, а лезгины — столовую поливную керамику. Даргинцы славились выделкой оружия. Многие южнодагестанские селения специализировались на изготовлении ковров и сумахов. Кубачинское оружие, литые котлы и светильники были известны далеко за пределами Дагестана. Когда дагестанская хроника «Тарихи Дагестан» (XIV век) указывает, что в пользу шамхала ежегодно налагали на жителей деревни Анди 8 штук шерстяной ткани, на Кубачи «30 (мер) пороху» и т. д. — в этом можно усмотреть отражение огромных сдвигов в сторону специализации производства.

В развитии экономической жизни, а также в процессе исламизации Дагестана большое значение имела торговля, местная и международная. Международная торговля связывала дагестанцев с Северным Кавказом,

¹⁷ Шихсаидов, Арабские строительные надписи.

Восточной Европой и странами Ближнего Востока, Закавказьем. Связь дагестанцев со своими ближайшими соседями азербайджанцами, грузинами, армянами, чеченцами, ингушами, кабардинцами и др. была регулярна. Многочисленные находки монет и монетных кладов в районе Дербенда — свидетельство оживленных торговых связей Дагестана с соседями и странами Ближнего и Среднего Востока. Из обнаруженных здесь монет, чеканенных на Восточном Кавказе в X—XIII вв., немалое место занимают монеты, чеканенные в самом Дербенде¹⁸. Более того, Дербенд (Баб ал-абваб) упоминается на монетах халифских, ширванских, джучидских, персидских¹⁹. Дербенд представлял, разумеется, весь Дагестан, и через этот город осуществлялись связи внутреннего Дагестана с соседними районами. Имеются любопытные сведения, говорящие о торговых связях Зирихгерана: в XII в. здесь широко использовался византийский шелк; в XII—XIII в. замечательная художественная керамика из Китая (селадон) была широко известна на Кавказе, а значительное количество прекрасных образцов селадона было найдено в дагестанском селении Кубачи²⁰.

Было бы неверным, если бы внешняя торговля Дагестана сводилась к одним только операциям, проводившимся в Дербенде и через Дербенд. Конечно, торговля через Дербенд (по Каспийскому морю и прибрежной полосе) имела большое значение, однако не менее важную роль играла торговля через внутренний Дагестан.

Дагестанский ученый Малачиханов Б. впервые обратил внимание на то обстоятельство, что в средневековый период и позже важнейший стратегического и торгового значения путь проходил именно через внутренний Дагестан: «...в линии р. Самур—Курах—Кумух—Чох—Гидатль мы рассматриваем трассу чрезвычайно важного стратегического пути с юга на Северный Кавказ в обход Дербента и всей приморской узкой полосы»²¹, — писал он. Путь Самур—Кумух—Чох—Гидатль — р. Андийское Койсу — Чечня он называет «великим путем народов». Преувеличивать, конечно, не следует, но этот путь дейст-

¹⁸ Савельев, Сосбщения, стр. 303—304; Газ, «Кавказ», 1851, стр. 96; Газ, «Коммунист», от 4 марта 1959 г.

¹⁹ Тизенгаузен, Проект.

²⁰ Кверфельдт, Китайская керамика, стр. 193.

²¹ Малачиханов. К вопросу о Семендере.

вительно имел огромное значение в хозяйственной жизни внутреннего Дагестана. Впоследствии, примерно в XV в. в связи с падением торгового значения Дербенда, этот внутренний путь приобретает еще большее значение. По этому пути горцы поддерживали регулярные связи с Северным Кавказом и Азербайджаном. Связи же с Грузией осуществлялись через Вантлашевский и Кодорский перевалы.

Имеется любопытное известие, из которого можно заключить о значении последних перевалов. В IX в. путешественник Саллам ат-Тарджуман (Переводчик) отправляется по приказу халифа ал-Васика Биллаха (842—847) в путешествие к таинственной «стене Йаджудж и Маджудж». Отправившись из Сарра мин Раййа с письмом-пропуском (или ходатайством) к правителю Эрменийи, жившему в Тифлисе, он получает от последнего письмо к правителю Серира, который в свою очередь, принимает его, проводит через свою землю, снабдив сопроводительным письмом к правителю ал-Лан. Далее маршрут идет по земле Хазар и Филан²².

Очевидно путь через Серир был к этому времени известен и им пользовались в международной практике в тех именно случаях, когда проход через Дербенд был недоступен по тем или иным политическим причинам.

Значительное место занимала внутренняя торговля, осуществлявшаяся в основном путем обмена. Наличие твердо установившихся мер длины и сыпучих тел у всех народов Дагестана говорит о регулярности торговых связей между отдельными районами Дагестана. Однако металлические и бумажные деньги не были выработаны, в ходу были монеты восточных стран, а также монеты, чеканенные в Дербенде.

Дагестан был втянут, таким образом, в круговорот товарных отношений. Земледельческие и скотоводческие районы горцев, несомненно, оказались заинтересованными в торговых операциях, и это в свою очередь не могло не влиять на хозяйственную жизнь дагестанских владений и обществ.

При изучении истории Дагестана большие трудности связаны с трактовкой социального строя, характера

²² Cazwini's Kosmographie, II, 401; Lewicki, Zrodla, 78, 80.

аграрных отношений, форм землевладения и землепользования, классов и классовой борьбы. Фрагментарность и неизученность источников здесь наиболее очевидны. Для характеристики социальной структуры дагестанского общества XI—XV в. мы располагаем, как это ни странно, значительно меньшим по объему материалом, чем для V—X вв., характеристике которых способствуют арабские, персидские письменные источники и сравнительно богатый археологический материал.

В то же время X—XV вв. обладают тем преимуществом, что фольклорный, топонимический и эпиграфический материал применим здесь с большим основанием, а письменные памятники XVI—XVII (в частности записи обычного права) дают возможность прибегнуть к ретроспективному методу.

Изучение немногочисленных источников позволяет в общих чертах проследить процесс дальнейшего развития феодальных отношений, роста социальной дифференциации.

Характерные особенности усиливающегося процесса феодального развития Дагестана в XI—XV вв. — это централизация политической и экономической власти феодалов и рост феодальной собственности в одних владениях и процесс феодальной раздробленности и политической децентрализации — в других. Ряд дагестанских владений усиливается, поглощая земли соседних владений или союзов сельских общин. К ним относятся Казикумухское шамхальство, Аварское ханство, Кайтакское уцмийство, Дербенд. В XIV в. это наиболее влиятельные и сильные государственные единицы. В то же время к XIV в. значительно ослаблены Лакз, Табасаран, Зирихгеран, а Шандан, Филан, Карах вообще теряют свою самостоятельность.

Правда, феодальная раздробленность характерна лишь в нескольких землях, но она на последующем этапе (XVI—XVII вв.) рельефно проявилась и в других районах. Одновременно с описанным выше процессом неравномерного развития дагестанского общества и в связи с этим процессом в XIV—XV вв. наблюдается важное обстоятельство — усиливаются старые и возникают новые союзы сельских общин — явление, хорошо отраженное в памятниках XVI—XVII вв. и сыгравшее нема-

ловажную роль в истории феодализма и военно-политических отношений.

Экономическое развитие и укрепление местной феодальной знати в ряде феодальных владений влекли за собой расчленение единого государства и создание мелких уделов, слабо связанных центральной властью. Положение это хорошо иллюстрируется сообщением из книги «Подарок умам и выборки диковинок» ал-Гарнати (1162 г.) о социальной жизни Табасарана: «В стране Дербенд Баб ал-абваб (живет) народ, называемый атабарсалан. Там двадцать четыре рустака, в каждом из которых находится сарханг, наподобие эмира»²³.

Рустаки, о которых здесь идет речь, это не отдельные населенные пункты, а группа деревень, волость, как это неоднократно объяснял их значение академик В. В. Бартольд²⁴. Слово же «сарханг» в данном контексте переводится академиком Б. А. Дорном как «старшина» или «начальник»²⁵.

Известие Абу-Хамида ал-Гарнати приобретает особую ценность, т. к. указывает на наличие групп селений (рустаков), объединенных под властью одного правителя. Сарханги сравниваются с эмирами, т. е. феодалами-правителями.

Децентрализация власти к XIV в. была совершившимся фактом и в Лакзе, где выделилось несколько мелких союзов, объединявших примерно до 10—15 аулов. Можно предположить, что и в Аварии к XV в. выделилось несколько «вольных обществ», добивавшихся полной независимости.

В тех районах, где наблюдается централизация политической власти феодальных правителей, продолжается процесс дальнейшего увеличения феодальной собственности на пастбищные или пахотные земли и рост условного землевладения.

В XI—XV в. основными формами земельной собственности были:

- 1) Земли феодалов,

²³ Al-Garnati, стр. 82—83. По списку, изданному Б. А. Дорном, указано 24000 селений. См. МА, VI, стр. 699.

²⁴ Бартольд. Отчет, стр. 15, прим. 10; Его же. К истории орошения, стр. 30 («Группа селений обозначалась термином «рустак»).

²⁵ МА, VI, 699 («Ein grosser Obmann oder Befehlshaber»).

- 2) частнособственнические земли (мульки),
- 3) общественные земли,
- 4) вакуфные земли.

Класс феодалов, в том числе и феодальные правители, крупные и мелкие, владели феодальными имениями. Рента с этих земель шла в пользу собственников земли. Основные пахотные и пастбищные земли принадлежали правящей феодальной верхушке.

Основной формой земельной собственности были мульковые земли — пахотные и сенокосные угодья, сады, считавшиеся отчуждаемой собственностью отдельных семей. Расчистка горного участка для пахоты требовала титанического труда и каждый завоеванный таким образом клочок земли становился собственностью отдельной семьи, двора. В высокогорных районах с развитым животноводством основные пахотные земли составляли собственность владельцев мульков, но наиболее важные в этих районах пастбищные земли принадлежали, как правило, феодалам. Что касается лесов, многих летних и зимних пастбищ, выгонов, частично сенокосов и в ряде случаев пахотных земель, то они находились в общем владении джамаата, составляя земельную собственность сельских обществ.

В редких случаях общинные земли подвергались переделу, например, в Кара-Кайтаке делились пахотные и пастбищные земли. Однако периодический передел общинных земель — явление, не характерное для Дагестана. Юридически все члены общины имели право пользования общественной земельной собственностью, но фактически эти земли были в распоряжении владельцев скота.

Особую категорию составляли вакуфные земли, возникновение которых связано с распространением ислама в Дагестане. Вакуфные земли принадлежали мечетям и образовались в результате дарений в «благочестивых» целях и присвоения выморочных земель. Как правило, вакуфные земли не продавались и не дарились. В процессе дальнейшего развития эта категория земель укреплялась и расширялась.

В XIV—XV вв. основные классы феодального общества четко противостоят друг другу. На одном полюсе — феодалы всех оттенков, на другом — эксплуатируемое крестьянство.

На вершине феодальной лестницы в дагестанских владениях стояли нуцалы, позже — ханы (Авария), уцми (Кайтаг), шамхалы (Гази-кумух), хакимы и наибы (Дербенд), майсумы и кадии (Табасаран), султаны (Цахур). Они владели пахотными и пастбищными землями, большим числом скота, и в ряде случаев была установлена наследственная власть. Они являлись верховными правителями в своих феодальных владениях. За феодальными правителями следовали по своему положению и экономическому состоянию беки — близкие потомки феодального правителя. Вслед за ними класс феодалов представляли чанки (дети правителей и беков от неравного брака), богатые уздени, верхушка мусульманского духовенства.

Класс эксплуатируемых крестьян разделялся на 2 основные категории — узденей и райят.

Уздени в свою очередь подразделялись на несколько групп:

1) крестьяне, владевшие средствами производства, сохранившие в личной собственности пахотные и покосные земли (мульки). В союзах сельских общин основное число крестьян составляли уздени этой категории. Владея землей на правах личной свободно отчуждаемой собственности, формально считаясь свободными, эти уздени в то же время находились в различной степени зависимости от класса феодалов;

2) уздени, владевшие мульком, но находившиеся в феодально-зависимом состоянии. В основном эта группа узденей была сосредоточена в феодальных владениях.

Крестьяне, не имевшие основного средства производства — земли, и находившиеся на земле феодалов (раяты), составляли основное податное сословие. Крестьяне, посаженные на владельческие земли, назывались чагарами. Они не имели прав на землю и были лично зависимыми.

Немногочисленный слой эксплуатируемого населения — кулы и караваши (рабы и рабыни) были лишены всех гражданских прав — личных, семейных, имущественных.

В ходе усиления феодализации дагестанских обществ остро встал вопрос об охране частной собственности.

Правовые памятники изучаемого периода не дошли до нас, но в некоторой степени этот пробел восполняется

эпиграфическими памятниками и данными топонимики. В многочисленных надписях, относящихся преимущественно к XIII—XV вв., отдельные личности противопоставляют себя сельскому обществу (джамаату), присваивают себе право называться «владельцами» дома или крепости, т. е. подчеркивают собственность на крепости, недвижимое имущество (таковы надписи из Рутула, Цахура, Гельмеца, Ахты). Ахтынская надпись (XII—XIII вв.) так и сообщает о владельце крепости по имени Дираб-р-сиб. В сел. Рича (Агульский р-н) мечети строятся «по приказу» Саббаджа в 638—1239 гг. и «Бассаджа и его жены» (XIII в.)²⁶. Когда сообщается о «владельце» крепости или мечети — здесь, вероятно, речь идет о «вожде», представителе феодальной знати, феодале²⁷. Он наделен в ряде случаев особой титулатурой, свойственной восточным правителям и феодалам. Надпись XIII в. из с. Рича так восхваляет и величает правителя: «...амир славнейший, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии Адам, сын Абдалмалика, сына Мухаммеда, да продлит Аллах славу его...»²⁸.

Надписи на камне, как можно убедиться, не упоминают о главном критерии феодального общества — собственности феодалов на основное средство производства — землю, на это «...самое первоначальное орудие труда, лабораторию, хранилище сырья», на этот «базис коллектива» (К. Маркс), но они свидетельствуют о тех фактах которые сопровождают процесс феодализации.

К таким фактам относится также ряд войн между отдельными обществами. Феодальные правители подстрекали население и воинскую силу своих владений к совершению набегов, к грабежу. Один из таких походов, пред-

²⁶ Эпиграфический материал взят из работ Н. В. Ханькова, Л. И. Лаврова, А. Р. Шихсаидова, — см. библиографию.

²⁷ В связи с особым значением термина «владелец» ценность приобретает также и то обстоятельство, что в надписи из Ахты феодальный правитель Ширвана Халиллулах назван также «владельцем крепости» — см.: Х а н ы к о в, Археологическое известие, № 53; К h a - п i k o f f, Mémoire, p. 142; К р а ч к о в с к а я, Неизвестный альбом, стр. 29; Н е й м а т о в а, Надписи Дербента, стр. 120; Е ё ж е, К истории, стр. 87; Л а в р о в, Эпиграфические памятники, стр. 141.

²⁸ Близкие параллели в надписях недагестанского происхождения — см.: К р а ч к о в с к а я, Надпись, стр. 9—11; В e r s h e t, Monuments, p. 200—206; Г ю з а л ь я н, Надпись, стр. 78.

принятых рутулами совместно с «тюрьками» (1432 г.) на цахурские земли, описан в надписи из селения Цахур: «..пришли три войска, два войска — тюрок и одно войско Рутула. Войско Рутула с одним войском тюрок (пришло) снизу, а одно войско тюрок сверху и сразились войска Захура, тремя сражениями, и убито из этих трех войск двести человек, а одно (из них) убежало»²⁹.

Не странно поэтому, что каждый средневековый аул — это отдельная цитадель, целая система оборонительных сооружений. Из памятников эпиграфики и археологических данных мы узнаем о строительстве крепостей в Рутуле (1284 г.), Тпиге (XII—XIII вв.), Ахты (XI—XIII вв.), остатки крепостей сохранились в Ахты, Кули, Кумухе, Тпиге, Аркасе и во многих других дагестанских аулах.

В ряде случаев аул в целом представлял комплекс, охраняемый оборонительными башнями. В селении Моккок Цунтинского района и теперь сохранились остатки башен, контролирующих подступы к селению. Башни имеют свои названия, производимые, в основном, от местности, где стоит башня: Къала, Тлязах, ТлятІл (не сохранилась), Малик Эздо³⁰. Рост имущественного и социального неравенства и жажда наживы стимулировали совершение набегов, организацию грабежа селений.

Феодальные владения вели регулярные войны, как уже говорилось, за захват новых территорий, где распространяли господствующие у них порядки. Кайтакские, аварские и кумухские правители, которым «свои» сельские общины оказывали упорное сопротивление, нередко искали в этом выход на пути к обогащению.

По данным хроники «Тарихи Дагестан», относящимся к XIV в., шамхал Газикумухский собирал подать с большого числа населенных пунктов и обществ: Карах, Чамалал, Тиндал, Кадар, Аркас, Тумал, Губден, Акуша.

²⁹ Лавров. Эпиграфические памятники, стр. 133—134. Другие издания надписи: Ханьков, Археологическое известие, № 54; Чапиков, Mémoire, pp. 140—141; Нейматова, К истории, стр. 45, 46. Л. И. Лавров пишет об этой надписи как о «видимо не сохранившейся теперь» (Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 134). В действительности же надпись сохранилась. Наш эстамп значительно отличен по почерку от копии, снятой Н. В. Ханьковым.

³⁰ Полевой материал, 1962.

Усиша, Сюрхе, Цудахар, Кубачи, Ирганай, Цахур, Кюра и т. д. В числе их — лезгинские, даргинские, аварские селения³¹.

Феодалные правители Кумуха, очевидно, рассматривали соседние земли как свою собственность, а подать как своеобразную форму ренты. «...Присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность... земельная рента, в свою очередь предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки...»³². Шамхалы выступают в данном случае как верховные собственники. Аварскому нуцалу «принадлежит харадж, джизья, ушра со всех жителей Дагестана от вилайата Черкес до города Шемахи... Относительно его хараджа говорят (что он составляет): наличными деньгами — от каждого дома — три серебряных дирхема и стоимость трех золотых дирхемов — ежегодно; зерном — кали с каждого дома — кали от выращенного зерна — ежегодно; баранами с каждого, кто держит (их) — один баран с каждой сотни — ежегодно; крупным рогатым скотом — одного быка от каждой сотни (домов) — ежегодно; тканями — от каждого купца — по две штуки шелковой и две штуки хлопчатобумажной ткани хорошего качества — ежегодно»³³ и т. д.

В завещании Андуника названы земли, на которые претензии аварских правителей наиболее ощутимы: это земли алигиличинцев, дженгутаевских владетелей, гумбетовских владетелей, андийцев, каратинцев, бактлухлинцев, хучадинцев и Семиземелья³⁴.

Газикумухский шамхал получал также ежегодно определенное количество овец, коров, баранов, быков, пшеницы, меду, шерстяных тканей, рису. Продуктовая рента выступает как основная форма феодальной ренты в Дагестане.

Рента взимается с местного населения не только ежегодно, но и подымно («на общество Хибилал каждые четыре года по овце с дома»; «на жителей Тумал — по барану и по кали пшеницы с каждого дома...» и т. д.)³⁵.

³¹ Derbend - Nameh, p. 670—672.

³² К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, 1949, стр. 646.

³³ Derbend - Nameh, p. 660.

³⁴ Хашаев, Общественный строй, стр. 135—136.

³⁵ Derbend - Nameh, p. 670—671.

Ширван (через представителей дома кайтакских правителей, бежавших в Ширван в конце XIV — начале XV века) также подчиняет своему влиянию ряд крупных населенных пунктов южного Дагестана: сын кайтакского уцмия Мухаммед-бек в конце XIV или в начале XV века получил согласно грамоте Ибрахима I Дербенди (1382—1417), правителя Ширвана, «в управление» селения Ахты, Мискинджи, Докузпара, Микрах, Кюре, крепость Хакуль-Мака, Хиналук, ал-Фий, ал-Маха, «вместе с управлением крепости Ахир, находящегося в этом владении»³⁶.

Сведения эти принадлежат автору XIV в. Мухаммеду Хиналукскому. Далее он пишет, что впоследствии потомки Мухаммед-бека, вассала Ширвана, продолжали управлять указанной выше территорией, а также Курахом и Табасараном.

Политическое влияние Ширвана вело к усилению социального гнета. В лице правителей кайтакского происхождения мы видим не только исполнителей административных функций, но и феодалов, пользовавшихся наследственной властью. «Я даю управление над этим магалом ему и его потомкам от утробы до утробы, от рода в род»³⁷ — написано в одном из фирманов иранского шаха.

Прежде всего бросается в глаза титулатура этих правителей — бек, хан, султан, амир. Это титулы, присущие исключительно представителям правящей, феодальной верхушки. Лезгинские селения рассматривались правителями как собственность, отданная им в пользование с правом наследования, т. е. что-то вроде условного феодального держания, наследственного лена. В одном из фирманов, выданных в 1466 г. вместе с пожалованием Мухаммед-беку «Дер. Хариз, Докупара и Махо-Ахты», было предъявлено требование, чтобы «старшины и весь народ» этих обществ признали его своим «хакимом», а все подати и прочие сборы передавали назначенным от него лицам³⁸.

Известно, что в условиях особого значения пастбищного скотоводства основой феодальной эксплуатации

³⁶ АКАК, II, стр. 1075.

³⁷ Там же.

³⁸ АКАКА, II, 1077.

была феодальная собственность на пастбищные земли. Во взимании феодальной ренты это право на пастбищные земли играло большую роль. Мухаммед Рафи, автор «Тарихи Дагестан», именно на эту сторону акцентирует внимание при перечислении податей в пользу газикумукского шамхала: с общества Карах ежегодно — 500 овец... Цахур и Голода были его собственностью, а с горы, примыкающей к нему, он получал ежегодно 50 овец. На обществах Ришор и Микрах 70 баранов и т. д.

Как уже отмечалось, дальнейшее развитие феодальных отношений происходило путем экспроприации общинных земель. Отличительной особенностью социальной жизни народов Дагестана, наложившей отпечаток на степень развития феодальных отношений, является исключительная сплоченность сельской общины, всегда (самостоятельно или в союзе с другими общинами) выступавшей против притязаний феодальных правителей.

Устойчивость земледельческой общины обусловила тот уровень социальных отношений, которые характеризуются как раннефеодальные или патриархально-феодальные. Феодальные отношения сплошь и рядом были опутаны сетью патриархально-родовых отношений, хотя, в описываемый период не может быть и речи о господстве последних. Активную роль в узурпации и монополизации общинных пастбищных и сенокосных участков играло феодальное государство, политическая власть. В истории складывания и развития феодальных отношений известны случаи, когда отдельные земельные угодья под различными предлогами объявлялись «запретными». Например, у кочевых народов Азии «запрету» подвергались территории в районе ханских кладбищ, предназначенные для охоты кочевой знати, для пашни и т. п.³⁹. У древних монголов эти места назывались «хориг», а у тюркских кочевников — «курук», или «хурук»⁴⁰.

В Дагестане процесс захвата общинных земель также происходил подобным путем. Организация «запретных» участков стала принимать значительные размеры, что отразилось как на дагестанских языках, так и в дагестанской топонимике.

³⁹ Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений, стр. 81.

⁴⁰ Владимирцов. Общественный строй, стр. 112, 160; Бартольд, К вопросу о погребальных обрядах, стр. 62—70.

Попытка феодалов подчинить сельские общества встречали упорное сопротивление сельских общин или их союзов. Факты эти нашли отражение как и в письменных источниках, так и в сознании народа.

Надпись из сел. Тпиг, связанная со строительством крепости и относимая палеографически к XII—XIII вв., представляет в этом отношении наибольший интерес: «Вот поднялись (восстали) против нас все мусульмане. И вот было разрушено это селение, и была построена эта крепость»⁴¹.

Текст составлен от имени тех, кто вынужден был построить крепость после того, как они подверглись нападению со стороны «всех мусульман». Под «всеми мусульманами» подразумеваются, очевидно, жители селений, находившихся в политической зависимости от Тпи-га. Речь идет именно о зависимом населении, чем только можно объяснить выражение «восстали против нас»⁴².

Фольклорный материал также позволяет судить о социальной жизни горцев, об их борьбе со своими правителями. Жители ряда соседних селений, — гласит предание, — захотели переселиться на правый берег Ахты-чая, принадлежавший ахтынцам, жившим на левом берегу Ахты-чая. Был заключен договор между ахтынцами и новопереселенцами, согласно которому последние занимали правый берег Ахты-чая, но должны были за это вносить ахтынцам ежегодную дань зерном и скотом. Договор был записан на камне (жители указывают на сохранившуюся и поныне на правой стороне камня надпись, датируемую XII—XIII вв.). Камень строго охранялся ахтынцами. Однако со временем положение обитателей правого берега реки настолько укрепилось, что они сочли возможным отказаться от дани ахтынцам. Прежде всего правобережные решили уничтожить юридический документ, а именно надпись. Ночью они перебрались на левый берег реки, убили часового, охранявшего каменную плиту, отбили молотками надпись о зависимом положении, причем во избежание шума при

⁴¹ Шихсандов. Когда и как, стр. 8; его же, Арабские строительные надписи, стр. 120; Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 98; у Л. И. Лаврова несколько иное чтение и иная интерпретация надписи (там же, стр. 98, 191—192).

⁴² Рамазанов, Шихсандов. Очерки, стр. 69.

уничтожении надписи она была покрыта войлоком. С уничтожением надписи правобережные прекратили уплату дани ахтыцам⁴³.

В грузинском героическом произведении «Амиран-Дареджиани» также можно найти отголоски борьбы против социального и иноземного гнета. Согласно сказанию, при царице Тамаре «начали волноваться горцы ихоемы и дидойцы», которые «стали грабить, убивать и брать людей в плен, днем и ночью». Против «бунтующих горцев» была снаряжена большая экспедиция во главе с Иоанном Мкаргрдзани. Три месяца отчаянно сражались восставшие. «Иоанн через Хадскую гору поднялся на гору... и очутился над страню ихоельцев и дидойцев. Князья дурзукские явились к нему с дарами и войсками, и все вместе стали громить восставших в продолжение июня, июля и августа. Горцы усмирились, дали заложников и обещали платить дань и быть верными. Иоанн вернулся с заложниками»⁴⁴. Та же хроника повествует о походе Амираана в Дидо, где царь жаловался: «Я был царем дидойцев, но деви изгнали меня, войско мое перебили, и я остался один... Отныне, куда ни пойдешь, сумею сослужить тебе службу. Если ты хороший витязь, дай слово, что по службе моей вернешь мне отечество». Амиран помог царю дидойцев, и утвердил последнего «в царстве»⁴⁵.

Усиление классовой борьбы отразилось также на двух факторах. Первый фактор — это описанный выше процесс образования крупных населенных пунктов или создания союзов сельских обществ. Объединение это преследовало также цель — отгородить себя от усилившихся претензий феодалов, не допустить превращения свободных крестьян в феодально-зависимое сословие. Союзы сельских обществ под покровительством наиболее крупного населенного пункта превращались во внутреннюю силу, а укрепления на границах общества защищали их от внезапного нападения феодальных дружин.

Второй фактор — это усиление столкновений между самими феодальными владениями, учащение набегов на соседние и дальние земли.

⁴³ Полевой материал, 1962 г.

⁴⁴ Д ж а н а ш в и л и, стр. 95—96.

⁴⁵ Там же, стр. 93—95.

Такова краткая характеристика социальных и экономических условий, при которых протекал дальнейший процесс исламизации Дагестана.

* *
*

Как уже говорилось, к середине X в. позиции ислама на территории современного Дагестана выглядели так: Дербенд стал мусульманским городом с мусульманской династией правителей. Прилегают к городу ряд укрепленных населенных пунктов с арабским населением, приглашенным арабскими полководцами еще в VIII в. в видах укрепления позиций ислама и военных границ одного из важных участков северной части халифата. Мусульманские элементы проникли в «царства» Лакз и Табасаран. Большое количество мусульман имелось в Семендере, где они вполне мирно жили рядом с иудеями и христианами. Характерным для этого периода является тот факт, что ислам в первую очередь принимают правители «царств» Дагестана. Правители Табасарана и Хайзана в середине X в. уже исповедуют ислам. В целом же, судя по дошедшим до нас источникам и по данным археологии, к середине X в. народы Дагестана остаются «язычниками».

В целях более наглядного представления о религиозных воззрениях в X—XV в. было бы целесообразным остановиться на процессе проникновения ислама в отдельные области Дагестана.

Дербенд в XI—XV в., как и в предыдущее время, продолжал оставаться крупным торгово-ремесленным и политическим центром на восточном Кавказе.

Однако, как установил советский ученый-нумизмат Е. А. Пахомов по данным нумизматики, с середины XII и до начала XIII в., т. е. почти целое столетие Дербенд существовал как самостоятельное владение — эмират, со своей самостоятельной политикой, независимой от политики соседнего Ширвана, с самостоятельной династией правителей, чеканивших серебряную монету⁴⁶.

В 20 годах XIX в. археологическая экспедиция в Южном Дагестане установила, что на монетах, чеканенных

⁴⁶ Пахомов, О Дербентском княжестве.

до 555 года хиджры, т. е. до 1160 г., упоминается имя халифа или султана, а в последующих — имя султана исчезает. Известно, что одной из главных прерогатив государственной власти является право чеканки собственной монеты. Дербентские монеты показывают, что если до середины XII в. Дербенд находился в вассальной зависимости от сельджуков, то в последующем это государство становится самостоятельным.

И внутренние и внешнеполитические обстоятельства способствовали упрочению позиций ислама в Дербенде. Когда говорим о внутренних обстоятельствах, мы имеем в виду многочисленное арабское население в городе и в окрестностях, «гази» — «воителей за веру» и значительный отряд купечества, для которого принятие ислама было связано с привилегиями в области торговли. Внешние же факторы — постоянное столкновение с тюркским элементом, выступавшим активным проводником идей ислама.

Ранняя исламизация привела к тому, что в Дербенте раньше, чем в других городах или аулах Дагестана зафиксированы мусульманский похоронный обряд и мусульманские имена, а также арабские строительные надписи. Городу принадлежит первое место на Кавказе и одно из первых мест в мире по обилию куфических надписей⁴⁷. О месте арабского языка и ислама свидетельствуют типично мусульманские формулы и имена в надписях X—XIII вв.⁴⁸. Самая ранняя надпись — строительная и относится к VIII в.⁴⁹. Следующая отмечена 435 г. хиджры, т. е. 1044 г.⁵⁰. Надпись интересна перечислением мусульманских формул и личных имен: во имя Аллаха милостивого, милосердного; нет бога кроме Аллаха, Мухаммед посланник божий; Ахмад, Али, Йунус. На южных и северных сторонах «гробницы Джум-Джум», что юго-восточнее дербендской цитадели, была зафиксирована Адамом Олеарием (XVII в.) и русским востоковедом И. Н. Березиным (1818—1896), а затем

⁴⁷ Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 173.

⁴⁸ Ханьков. О некоторых арабских надписях, стр. 169, 171; Его же, Mémoire, стр. 110, 116; Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 57, 59, 61—63, 65—77.

⁴⁹ K h a n i k o f f, Mémoire, p. 64; Лавров. Эпиграфические памятники, стр. 57.

⁵⁰ Лавров. Эпиграфические памятники, стр. 60.

дважды издана Н. В. Ханыковым запись на камне с типичной мусульманской формой обращения к Аллаху: «Боже, когда ты соберешь первых и последних, то прости твоего раба, бедного обладателя этой могилы. Да помилует его Аллах»⁵¹.

Могилка принадлежит не простому лицу, а влиятельному в то время человеку, ибо «это могила Махмуда б. Абу-л-Хасана, сына убитого на пути Аллаха»⁵².

Л. И. Лавров справедливо отмечает, что «для историка эта эпитафия интересна прежде всего как один из ранних мусульманских памятников в Дербенде и как указание на религиозные войны в Дагестане, жертвой которых оказался в 1076—1077 г. погребенный здесь Махмуд»⁵³.

«Мученнику на пути Аллаха» посвящены также эпитафии 479 г. х., т. е. 1087 г. и 530 г. х., т. е. 1136 («это могила жестоко убитого Султана Хваджа Шамс ад-дина б. Хваджа Руки ад-дина») ⁵⁴. Это «борцы за веру» — «мученики» («шахиды»), значительное число которых еще в IX—X вв. замечено автором «Истории Ширвана и Дербенда»⁵⁵.

Мы видим, что в X—XII в. мусульмане Дербенда выступают, как активная сила в «битвах за религию», и убитые в ней получают почетный титул «шахид» — «борец за веру», «мученик». Именно к X в. и относится известие ал-Хамадани о том, что в Дербенде имеются «ворота джихад».

С именем «шахидов» — борцов за веру — связан также знаменитый могильник в Дербенде, известный под названием «Кирхляр» и расположенный в метрах 200—300 к северу от северных крепостных ворот.

В исторических хрониках, (например «Дербенд наме») и в преданиях могильник этот приписывается сорока «борцам за веру», погибшим в битве против «невер-

⁵¹ Там же, стр. 61.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, стр. 175—176.

⁵⁴ Там же, стр. 62—63.

⁵⁵ Минорский, История, стр. 70.

ных»⁵⁶. Причем Кирхляр поныне сохранил свое значение мусульманской святыни, а лезгинский язык даже сохранил пожелание, связанное с этим местом: «да поможет тебе в Дербенде Кирхляр, а в Ширване — Шихляр»⁵⁷.

ХО времени возникновения Кирхляра существует ряд различных мнений. Если поверить автору «Дербенд наме», могильник этот возник в 622 году и хранит тела 40 «шахидов» — арабов, погибших близ Дербенда в борьбе с хазарами. По числу мучеников веры могильник и получил название Кирхляр — т. е. сорок⁵⁸. Однако надмогильные надписи, изданные Эйхвальдом, а также ряд других сведений позволяют отнести Кирхляр ко времени не раньше X в., а именно в X—XII в. Одна из этих кирхлярских надписей гласит: «(именем) Аллаха милостиво-го... Касим...». Там же имеется другая надпись — «это могила Ал-в... (Ибра) хима бен...».

Имена и формулы здесь чисто мусульманские, а «продолговатое», «кудреватое» куфи, которым высечена надпись, возникло не ранее X в.⁵⁹. Поэтому и могильник не может быть отнесен ко времени, предшествующему X в. Устная традиция также связывает могильник с указанным временем: сообщаемая Кантемиром легенда приписывает Кирхлярские могилы «народу огузов, которые некогда долгое время владели Дербендом», и это, как писал Х. Д. Френ, — «приводит на мысль сельджуков, которые в XI в. завоевали Грузию и другие Кавказские земли, и к сему-то или следующему XII столетию, могут быть отнесены наши надписи»⁶⁰.

Весьма любопытно и другое обстоятельство: в найденной Казембеком петербургской версии «Дербенд наме» дается перечисление 50 «мучеников» в борьбе за веру, и все имена (среди них и тюркские) снабжены тюркским

⁵⁶ Сорок мучеников и вообще число 40 часто встречается в отношении событий раннего средневековья. Например, монастырь 40 мучеников, построенный Юстинианом близ Феодосополя, который «роднится с теперешним родником Кырх-чашме, 40 — источник, в Эрзруме, и Кырк-дегерман, сорок мельниц, за городом». См. — Адонц, Армения, стр. 154.

⁵⁷ Шихляр — сел. в Кубе, где похоронен сефевидский шейх Джунейд.

⁵⁸ Дербенд наме, стр. 62—68.

⁵⁹ Eichwald, Reise, S. 220—222; Френ, О надписях, стр. 115—116.

⁶⁰ Френ, О надписях, стр. 117; Eichwald, Reise, S. 224.

титолом «султан» — султан Пир Али Дамасский, султан Чумге, султан Кух-хан, султан Хаджи Шамс ад-дин, султан Баба, султан Пир Ибадаллах, султан Пир Мурад Руми, султан Кучек и т. д.⁶¹

Таким образом, мы сможем отнести Кирхлярский могильник к X—XII вв. скорее к XI—XII вв., имея в виду не только такой надежный источник как надписи, но также и присутствующий здесь тюркский элемент и особенно само наименование «Кирхляр», тюркское по происхождению. Если это так, то могильник этот, связанный с именем «шахидов», еще раз подчеркивает значение X—XII вв., как времени интенсивной борьбы за исламизацию соседних Дербенду районов.

Значение тюркского элемента в исламизации ряда областей Дагестана действительно огромно. Как отмечал В. В. Бартольд, «победа турецкого элемента сопровождалась победой ислама и мусульманской культуры»⁶², хотя сами они, т. е. турки, приняли ислам сравнительно позже, в X в., благодаря деятельности дервишских орденов. Причем турки не составляли исключения, т. к. в X в. уже «мы видим примеры принятия ислама целыми народами, без покорения их мусульманским оружием»⁶³.

В Дагестан тюркский элемент проникал и с севера и с юга. В лице кипчаков и сельджуков он находил пристанище в восточной части Дагестана, особенно в Дербенте и на плоскости. До первой половины XII в. Дербент и его правитель находились в зависимости от сельджукского султана, что не могло не благоприятствовать проникновению тюркского элемента. И впоследствии, после образования независимого Дербендского княжества, один из местных правителей носит чисто тюркское имя Бекбарс⁶⁴. Как еще отметил Е. А. Пахомов, «тюркское влияние в Дербенте было, и турки должны были играть там, особенно в военном деле, большую роль». Грузинская летопись «Картлис-Цховреба» сообщает о дербендских кипчаках, подчиненных в начале XII века дербендскому правителю, что свидетельствует о связях эмирата с тюрками⁶⁵.

⁶¹ D e r b e n d - N a m e h, 606—608.

⁶² Бартольд. История, стр. 19.

⁶³ Бартольд. Место прикаспийских областей, стр. 45.

⁶⁴ Пахомов. О Дербентском княжестве, стр. 5.

⁶⁵ Там же, стр. 6.

В XI—XII вв. в Дербенде сильно было влияние сельджуков. В 1067 г. было предпринят первый поход сельджуков на Дербенд, когда сельджукский султан Алп Арслан «послал своего хаджиба Сау-Тегина (Шау-Текина) с отрядом регулярных войск (аскар) в ал-Баб»⁶⁶. Сельджуки вошли в город, захватили цитадель. Вскоре город добился независимости, но в 1075 г. «пограничная область» была пожалована султаном Сау-Тегину, «и имя последнего стало читаться в хутбе после имени султана с кафедр (мечетей) пограничной области»⁶⁷.

Политика сельджукских правителей содействовала укреплению как позиций ислама, так и позиций пришедшей и местной знати. Как известно, в захваченных странах сельджукские султаны раздавали представителям военно-кочевой знати огромные земельные массивы, целые города и села, иногда и области. Широкое распространение в подвластных сельджукам землях получила икта — владение землей на условии несения военной и гражданской службы. Икта юридически была пожизненной, временной формой землевладения. Однако практически икта была превращена в постоянное, наследственное условное владение. Земельная политика сельджукских султанов, массовая раздача государственных и мюльковых земель в икта привело к росту сепаратистских тенденций, к экономической, затем политической самостоятельности отдельных областей, входивших в состав империи.

Местные феодальные правители и феодальная знать не преминули воспользоваться создавшейся благоприятной обстановкой и упрочили свое экономическое и политическое положение. Быть приверженцем и проводником идей ислама означало закрепить за собой экономические выгоды. Аббас Кули Бакиханов не без основания писал, что «сельджуковская династия сделалась могущественной и государь оной обращал особое внимание на Ширван и Дагестан. При них многие племена горцев приняли ислам»⁶⁸. Что касается самих тюрок-сельджуков, то

⁶⁶ Минорский. История, стр. 77.

⁶⁷ Минорский. История, стр. 79.

⁶⁸ Бакиханов, Гюлистан Ирам, стр. 54.

ислам был у них государственной религией еще до завоевания ими Малой Азии⁶⁹.

Монгольские завоевания способствовали дальнейшему проникновению тюркоязычных племен в Дагестан, когда кипчаки, разбитые в 1222 г. монголами в северокавказских степях, многотысячной толпой хлынули в Дагестан, достигли Дербенда, ища поддержки у эмира Рашида, заверив его в постоянной помощи и верной службе.

Разумеется, влияние тюркского элемента не ограничилось Дербендом и его округой. Многие представители тюркских народов осели в прибрежных районах севернее Дербенда, проникли также в предгорье и горные районы.

Мы здесь не остановимся на значении тюркского элемента в формировании кумыкского народа и складывании кумыкского языка — факт этот общеизвестный. Местная топонимика и ономастика сохранили явные следы проникновения тюркского элемента в горные районы Дагестана. В Хунзахе есть род «Огъзулал», т. е. огузовцы, встречается иногда и собственное имя Огуз, а на Хунзахском плато детей и поныне пугают словами «Угъзулил рач!у!» (огузы идут!)⁷⁰. В другом горном ауле — Ахты до недавнего времени сохранялись «огъзурин сурар» («могилы огузов»)⁷¹. Иногда отдельные территориальные единицы связывались с тюрками. В Казбековском районе территория с несколькими населенными пунктами носила название «Юртистан», а район Дербенда назывался по-тюркски — Улусский магал. В настоящее время на территории прибрежного Дагестана обнаружены три каменные бабы, свидетели культуры тюркских народов (VI—XII в.).

Тюркский элемент, обосновавшийся в Дербенде, не только способствовал упрочению или распространению ислама, но принимал участие в военных акциях, обогащавших их организаторов и их участников. Военная сила из тюрков была в распоряжении не только дербендского эмира. Если со слов ал-Гарнати, тюрки выступают как внушительная военная сила на стороне дербендского

⁶⁹ Беляев, Петрушевский, Рецензия, стр. 103.

⁷⁰ Сообщение Д. М. Атаева. О роли тюркского элемента в формировании кумыков — см. Гаджиева, Кумыки, стр. 37—45.

⁷¹ Сообщение Н. П. Эмирова.

правителя, совершившего в середине XII в. поход на жителей Зирихгерана, не исповедовавших тогда ислам⁷², то еще раньше, в 1064 г. «владелец Серира собрал большое скопище (джамман гафиран) неверных и различных тюрок» и двинулся на ал-Баб⁷³.

Таким образом, тюркский элемент (особенно сельджукский) в силу ряда причин занимает в Дагестане, особенно в его восточной части, значительное место. В эпоху монгольских завоеваний этот элемент еще более усиливается⁷⁴.

Первые нашествия монголов нанесли серьезный ущерб позициям ислама и мусульманского духовенства в Дербенде и, как покажем ниже, — и в других районах Дагестана. Однако такое положение продолжалось недолго, и для позиций ислама вновь возникают исключительные условия.

Выше мы уже писали о том, как быстро восстанавливалась хозяйственная жизнь Дербенда после монгольских нашествий. То же самое, видимо, происходило и с мусульманской религией. Закарийа ал-Казвини писал, что в Дербенде имеются «железные ворота и много башен, (а) на каждой башне (находится) мечеть для тех, кто находится поблизости (т. е. соседей) и для тех, кто занят религиозными науками»⁷⁵, или же: «вне города (имеется) холм. На нем (расположена) мечеть, в михрабе ее (хранится) меч. Говорят, он — меч Масламы ибн Абд ал-Малика ибн Мервана. Паломничают к нему люди...»⁷⁶.

Ислам занимал в городе прочные позиции. Разрушенные мечети быстро восстанавливались. Так, например, правителем Дербенда была сооружена соборная мечеть, которая обрушилась и была восстановлена впоследствии. Новая надпись гласила, что мечеть разрушилась в 770 г. хиджры (1369—1370) и что восстановил ее Африруз⁷⁷.

⁷² Al-Garnati, 84—86.

⁷³ Минорский, История, стр. 73.

⁷⁴ Бартольд, История турецко-монгольских народов, стр. 19.

⁷⁵ Sazwini's Kosmogaphie, II, стр. 340; Большое число мечетей «пограничной области и ал-Баба» упоминается в «Истории Ширвана и Дербенда» в связи с событиями 1068 г. — см. Минорский, История, стр. 78.

⁷⁶ Там же, II, стр. 342 (пер. А. Н. Генко).

⁷⁷ Бартольд, Место прикаспийских областей, стр. 75.

Амвросий Контарини был совершенно прав, когда в своем путешествии к Узун-Хасану в 1473 г. отмечал, что «в Дербенде находится много гробниц» и что «все жители Дербенда магометане»⁷⁸.

В XIV—XV вв., как мы видим, позиции ислама настолько укрепились в городе, что он стал одним из главных форпостов новой идеологии и носителем «мусульманской» культуры. Политическая обстановка вполне благоприятствовала этому. С 1258 г. город был в составе государства Хулагуидов, правители которого с конца XIII в., став мусульманами, ревностно пропагандировали ислам. В середине XIV в. государство Хулагуидов распалось, а в 1362 г. в Ширване к власти пришел Ибрахим I (1382—1417), основатель новой династии⁷⁹.

С образованием четвертой, так называемой Дербендской династии правителей (1382—1550), начавшейся с правления шейха Ибрахима I Дербенди, значение города усилилось, он стал наряду с Шемахой центром самостоятельного государства и чеканит свою собственную монету.

К усилению и упрочению позиций ислама привело также то обстоятельство, что город не потерял своего торгового значения, а купцы и другие торговцы с охотой становились мусульманами в связи с особыми привилегиями, им предоставленными. В истории Дербенда мы сталкиваемся с интересным фактом — еще свежи следы монгольских разрушений, население города сократилось немало и все же торговое значение города не падает. Амвросий Контарини писал, что «со стороны моря все почти здания разрушены», что «едва ли шестая часть всего пространства, находящегося под горою, по направлению к цитадели, населена»; и в то же время дербендские купцы едут в «Цитрахань с сарачинским пшеном, шелковыми тканями и другими мелкими товарами, для промысла оных русским и татарам на меха и иные предметы, требуемые в Дербенде». В городе имеются владельцы судов, идущих «в Цитрахань». Рыбий жир, изготовлявшийся в городе и употреблявшийся для освещения,

⁷⁸ Контарини, Путешествие, стр. 80—82; о большом числе мусульманских имен в надписях XV в. — см.: Дорн, Отчет, стр. 66.

⁷⁹ Очерки по истории Азербайджана, стр. 59.

а также для натирания верблюдов, развозили в большом количестве «по всем окрестным землям»⁸⁰.

Сохранение торгового значения при огромных разрушениях и сокращении числа жителей города объясняется усилением волжско-каспийской торговли и исключительно земледельческим характером хозяйства, которое быстро восстанавливалось.

Х Своеобразно протекал процесс исламизации в Южном Дагестане в лезгинских, табасаранских, рутульских, агульских и цахурских аулах. Политическая раздробленность бывшего Лакза наложила отпечаток на весь процесс прихода новых идеологических представлений. Правда, арабские авторы продолжают писать о Лакзе как о единой территории, с единым управлением и единым политическим центром. «Главным городом» Лакза ал-Казвини называет селение Цахур⁸¹. Знаменитый энциклопедист XIII в. Якут дал следующее характерное описание: «страна ал-Лакз, они (—жители этой страны—) народ многочисленный... (у них) деревни благоустроенные и районы многочисленные»⁸². Однако, отступления от традиционного толкования границ Лакза уже имеются. Арабский историк и географ Абу-л-Фида (1273—1331) уже вкладывает в термин Лакз более широкое, чем было принято ранее, понятие: «Близ того (т. е. города Кумаджар) (расположена) страна ал-Казини (ал-Лакзини), а они (—т. е. жители Лакза—) живут в горах, разделяющих северных татар, т. е. татар Берке и южных татар, т. е. татар Хулагу и город их называется Лакз. На Севере от ал-Казини (—т. е. от ал-Лакзини—) расположен Кайтак»⁸³. А Ибн ал-Асир понимал под термином Лакз Дагестан в целом: по его сообщениям монголы, обойдя Дербенд, проходят «область ал-Лакз» и попадают к аланам⁸⁴.

Получается странная с исторической точки зрения картина: термин Лакз переносится на южный или весь Дагестан в то именно время, когда на это было меньше всего оснований. Ни в XIII, ни XV вв., ни в последующие

⁸⁰ Контарини, стр. 79—83.

⁸¹ Caswini's Kosmographie, II, 205.

⁸² Jacut, I, 438.

⁸³ Aboulfeda, Géographie, стр. 201.

⁸⁴ Ibn al-Athir, XII, 202; Ибн ал-Асир (пер. Жузе), стр. 142.

века мы не видим на территории, занятой представителями лезгинской группы языков, единой государственной единицы. Привлечение эпиграфического материала убеждает в том, что в XIV—XV вв. южный Дагестан не знал политического единства, и такие населенные пункты, как Ахты, Цахур, Рутул, Курах, Хив, Тпиг, Хнов становятся центрами самостоятельных союзов сельских обществ, объединявшихся только перед лицом внешней опасности. Уже принимаются меры к обеспечению неприкосновенности границ сельских общин, а курахская община зафиксировала на камне свои границы: «это горы Кураха...» (далее идет подробное описание курахских земель)⁸⁵.

✕ В обстановке этой политической раздробленности в X—XIII вв. продолжалось наступление мусульманской религии, и нужно сказать, что ислам к XIV в. уже прочно укрепил свои позиции в этом районе.

Если судить по данным восточных авторов, «лакзы» не были, в основном, еще мусульманами. Автор XVII в. Мунаджим-баши пишет, что в середине X в. «армяне, лакзы и другие неверные» выступают против первого Шаддадида Мухаммеда ибн Шаддада, мусульманского правителя Ширвана, начавшего управлять с 340/951 г., но терпят поражение⁸⁶. Однако в 342/953 г. царь Лакза был мусульманин (Хашрама Ахмад сын Мунаббиха), а в 385/995 г. жители владения К.рдж приняли ислам благодаря стараниям дербендского эмира Маймуна б. Ахмада⁸⁷.

Ибн ал-Асир сообщает, что в 1221 г. татары, завоевав Ширван, отправились дальше на север и «...убили много лакзов-мусульман и неверующих»⁸⁸. Таким образом в промежутке между серединой X в. и началом XIII в. часть «лакзов», в том числе лезгины, стали мусульманами.

✕ Значительный интерес в вопросе о времени принятия ислама в Южном Дагестане представляет еще один из

⁸⁵ Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 118.

⁸⁶ Minor sky, Studies, стр. 3—4.

⁸⁷ Минорский, История, стр. 69.

⁸⁸ Ibn al-Athir, XII, 202; Ибн ал-Асир (пер. Жузе, стр. 142).

списков (ричинский) «История Абу Муслима»⁸⁹. Как и в других списках в хронике сначала идет сообщение о смерти отца Абу Муслима, о походе Абу Муслима и строительстве мечети в Дамаске, где Абу Муслим произнес проповедь. Затем неизвестный автор продолжает: «и сражался он с амирами Ширвана, убил амиров их; затем сражался он с Дагестаном 7 лет после чего остановился между двух рек под горой Шалбаруз. И сражался Абу Муслим летом с областью Баб ал-кист, называемой Рича, а с наступлением зимы — с кяфирами в Баб ал-абваб Дербенде. И построил он в Кала-Кюре мечеть, и назначил туда своего сына Махтар Сенджаба, после этой мечети построил он мечеть (в) Ахты и посадил (там) свою сестру, которую выдал замуж за Исхака Кандушкана. А затем похоронил Абу Муслим свою дочь в мечети Ахты, затем построил он мечети в Рича и Мака и назначил сына Омара — Хамзу в Рича, после чего вернулся в Ширван...

Выход Абу Муслима в Ширван и Дагестан из Дамаска имел место в 300 г. хиджры».⁹⁰ 300 г. хиджры соответствует 912/913 году.

✕ Установить историчность данного Абу Муслима не имеется возможности, но следует отметить, что автор рукописи более близок к истине, чем другие авторы, приписывающие Абу Муслиму повсеместное насаждение ислама в Дагестане в VIII в. Самым ранним и достоверным свидетельством в пользу сказанного служит то обстоятельство, что в перечисленных в хронике населенных пунктах сохранились старинные мечети, большое число арабских (в том числе и куфических) надписей, зафиксировавших строительство мусульманских культовых сооружений, или же записи с кораническими текстами.

— Мечеть в сел. Кара-Кюре Ахтынского района и куфические надписи на базах ее опорных столбов представляют значительный интерес для изучения процесса проникновения ислама в Южный Дагестан. В настоящее время сохранилась только часть мечети, причем внутренняя часть ее разделена впоследствии стеной на две по-

⁸⁹ Рукопись данного списка находится у жителя аула Рича Агульского р-на Курбанова Хафиза, который любезно разрешил снять копию (1962 г.).

⁹⁰ По списку, изданному Н. В. Ханьковым, дается 110 год хиджры, см. Khanikoff, *Méthode*, стр. 85.

ловины. Крыша была уничтожена при пожаре, часть мечети осталась до сих пор некрытой. Стены сохранились сравнительно хорошо. В первоначальном виде мечеть представлена четырехугольным зданием, ориентированным с ю-з на с-в. Крыша опиралась на два ряда колонн (по 3 колонны в каждом), расположенных параллельно и идущих с ю-з на с-в. Столбы круглой формы, имеют высоту 3,6 м и расположены на четырехугольных базах, высотой в 1,24 м и шириной в 1,2 м.⁹¹

Местная традиция связывает строительство мечети с деятельностью арабов: до прихода арабов на месте селения Кара-Кюре, так же как и селений и местностей Усуччай, Эпсив, Чуру, Сутар-алай хев, Яран тагъар (тагъар — место под скалой, навес), Срар чулук, Яркъил, были расположены армянские деревни. Когда в Южный Дагестан пришли арабы, то они в целях распространения и укрепления ислама насильно объединили вышеуказанные семь селений, и на их месте образовалось одно селение, получившее название Кара-Кюре. Для предотвращения откола жителей селения от ислама после ухода арабов, здесь был оставлен араб по имени Шам Шариф⁹².

Хотя в легенде ряд моментов представлен в превратном смысле, в ней все же нашли отражение факты, действительно имевшие место в истории Южного Дагестана: наличие христианского населения, приход арабов, возникновение крупных населенных пунктов в процессе слияния более мелких, роль крупных населенных пунктов в процессе принятия ислама.

Ценность этого памятника также в том, что здесь очень хорошо сохранился эпиграфический материал, выполненный в необычной для Дагестана манере — стукový рельеф⁹³. Базы столбов с четырех сторон покрыты великолепными куфическими надписями, заполнившими всю верхнюю часть базы над рельефным растительным орнаментом⁹⁴. Характер куфического письма в сравнении

⁹¹ Шихсаидов, Распространение ислама, стр. 176—177; Дебиров, Архитектурная резьба Дагестана, стр. 14—15.

⁹² Записано в 1957 г. в сел. Кала-Кюре у б/учителя, ныне пенсионера Расулова Мугуддина (1888 г. р.). Эта запись повторена Дебировым П. М.: Дебиров, Архитектурная резьба, стр. 14.

⁹³ Описание стукových рельефов мечети, см. — Дебиров, Архитектурная резьба, стр. 15—16.

⁹⁴ Шихсаидов, Распространение ислама, стр. 181—182; Дебиров, Архитектурная резьба, стр. 16.

с монументальными надписями из Средней Азии, а также с данными хроники «Истории Абу Муслима» позволяет датировать строительство мечети X—XI вв.⁹⁵.

К этому же времени можно отнести мечеть из селения Ихрек, Рутульского района. В стенах мечети (северной и западной) сохранилось оксло десятка полукуфических надписей с наиболее распространенными формулами «Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед его посланник», «Во имя Аллаха милостивого и милосердного», «Владычество принадлежит Аллаху единому, всепобеждающему» и т. д.). Датирующим моментом служит не полностью сохранившаяся надпись в северной стене мечети: «Построена эта мечеть после того, как раз (рушили? ее)... четыреста седьмой год»⁹⁶. Если правильно восстановлена отсутствующая часть строки, «то надпись содержит указание на существование здесь более ранней мечети, которая оказалась разрушенной»⁹⁷.

По палеографическим данным к этой надписи хронологически может быть приближено еще несколько экземпляров надписей нестроительного характера⁹⁸.

✕ В селении Рича (Агульский р-н), упоминаемом в хронике «История Абу Муслима», также сохранилась мечеть, которую, по-видимому, можно отнести к X—XII вв. При совершенно слабой разработке вопросов дагестанской арабской палеографии трудно определенно и точно датировать этот памятник, но предварительное сравнение надписей дает возможность назвать X—XII вв. как наиболее вероятные. Надпись в северной стене мечети дает только дату разрушения этой мечети монгольскими войсками — (октябрь—ноябрь 1239) и дату повеления восстановить ее (июнь—июль 1250 гг.)⁹⁹, что делает возможным признать, правда с оговорками, правильность выдвинутой датировки.

Надписи типа куфи встречаются во многих аулах Самурской долины и Гюльгеричая: Ахты, Рутул, Амсар,

⁹⁵ Дебиров, Указ, соч., стр. 17; Шихсандов, Распространение ислама, стр. 138.

⁹⁶ Лавров, СМАЭ, т. XVII, стр. 373—374; Шихсандов, Арабские строительные надписи, стр. 105; Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 58.

⁹⁷ Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 174.

⁹⁸ Там же, стр. 67.

⁹⁹ Там же, стр. 83.

Лучек, Тпиг, Гельмец, Цахур, Аракул, Архит, Микрах,— неполный перечень населенных пунктов, где и поныне сохранилось большое число арабских надписей, рисующих картину исламизации в XIII—XIV в. Привожу только несколько:

1) В селении Гельмец (Рутульский р-н) в 1850 г. скопирована Бартоломеем надпись о строительстве мечети в 1162 г.: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Руководство строительством этого минарета осуществляли Хаджжи... и Сартан и Тасджи. В пятьсот пятьдесят седьмом (или девятом году). А писал Али... мастер»¹⁰⁰.

2) В селении Рутул зафиксировано строительство обители суфиев в 1150 г.: «Приказал построить это ханак Абду-с-Самад б. Налки (?) в месяце мухарраме года сорок пять и пятьсот...»¹⁰¹.

3) В Цахуре надпись 701 г. хиджры, т. е. 1302 г. рассказывает о строительстве какого-то здания Аблагаром б. Атабеком и его женой Хумри дочерью Мухаммеда¹⁰².

4) В том же селении куфическая надпись: («Владычество принадлежит Аллаху единому, всепобеждающему»)¹⁰³.

5) В Цахуре же, в восточной стене мечети в старой части селения сохранилась следующая надпись о строительстве минарета, самая ранняя из найденных в Цахуре:

«Слава (мощь) принадлежит Аллаху, величие принадлежит Аллаху... Построил этот минарет в понедельник м-ца зу-ль-када года шестьсот тридцать шестого. Владелец этого минарета Али ибн Сайдар. Написал (это) Лукман ибн Зейд...»¹⁰⁴.

6) В том же селении была обнаружена также другая куфическая надпись, относящаяся, возможно, к строительству мечети: «Власть принадлежит Аллаху, единому, непобедимому. Владелец его (м. б. мечети) Абу Али сын Ахада».

¹⁰⁰ Там же, стр. 64; ср. первое издание: Ханыков, Археологическое известие, № 53.

¹⁰¹ Лавров, СМАЭ, т XIX, стр. 32, 33; Его же, Эпиграфические памятники, стр 64.

¹⁰² Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 115.

¹⁰³ Шихсидов, Распространение ислама, стр. 141.

¹⁰⁴ Там же; Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 80; первые упоминания см. Chanikoff, Memento, стр. 64; Крачковская, Неизвестный альбом, стр. 38.

Дата отсутствует, но палеографически можно ее отнести к тому же времени, что и предыдущую надпись, а, возможно, к более позднему времени — второй половине XIII в. Надпись эта высечена на местном строительном камне и вмонтирована в стену слева у входа в мечеть, известную под именем мечети рода Базаев.

7) В селении Рутул, в здании типографии районной газеты хранится камень¹⁰⁵ с куфической надписью, посвященной строительству минарета. Надпись читается не полностью:

«Построил этот минарет Б (й)-л-в-д (?) бек (?) ради души своей — да простит его Аллах. Не будь в нем... не... не... и не...»¹⁰⁶.

8) В сел. Мишлеш (Рутульский район) сохранилась надпись¹⁰⁷ о возобновлении (ремонте) минарета в 825 г. хиджры, т. е. 1422 г.:

«Власть принадлежит богу, единому, всепобеждающему, благословенному Аллаху, лучшему из творцов. Нет бога, кроме Аллаха всевышнего. О боже, прости того, кто работал, и того, кто построил (этот минарет) и того, кто смотрел (наблюдал за строительством?)... и тех, кто работал и кто построил (этот минарет) и всех мусульман и мусульманок. Дата — год восемьсот двадцать пятый.

Написал этот текст Мамай ибн Сулейман»¹⁰⁸.

9) В сел. Рутул в стену частного дома вмонтирован камень четырехугольной формы, с надписью о строительстве минарета:

«Во имя Аллаха, милостливого, милосердного. Власть принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему. А он творец... всезнающий... кроме ...не владеет никто. Вот построил этот минарет Салих сын Али (?) сын Ахмеда Хаджи. Написал (это) Б-л-г(ф)-н(?)...Сын Ахмеда»¹⁰⁹.

10) В сел. Микрах, Рутульского района обнаружена куфическая надпись (в стене мечети). На сохранившейся части текста можно было прочесть:

¹⁰⁵ Надпись обнаружена при строительстве здания директором типографии районной газеты Бабаевым (сел. Рутул).

¹⁰⁶ Ш и х с а и д о в, Распространение ислама, стр. 141; Л а в р о в, Эпиграфические памятники, стр. 94.

¹⁰⁷ Эстамп представлен Хаджиевым Рамазаном, студентом Даггосуниверситета, 1958 г.

¹⁰⁸ Ш и х с а и д о в, Распространение ислама, стр. 141—142; Л а в р о в, Эпиграфические памятники, стр. 132.

¹⁰⁹ Ш и х с а и д о в, Распространение ислама, стр. 142.

«Построил эту мечеть», а на другой надписи можно было разобрать слово «написал».

11) В сел. Амсар Рутульского р-на сохранилось три куфических надписи, две из которых строительные.

Надпись на камне в стене мечети гласит:

«Восстановил дом... четыре раза и разрушен ... раза... надпись... написал его М-ма».

12) В стене той же мечети:

«Построил Абд ал-Малик этот дом. Подлинно мечеть принадлежит Аллаху...».

13) В том же селении — надгробный камень с полукуфи:

«Во имя Аллаха милостливого, милосердного. Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед его посланник».

14) Близ селения Архит Хивского р-на в 2 км. к юго-востоку от селения, близ местечка КТелез-шегьер («город крепости») расположено мусульманское кладбище с надмогильными плитами, две из которых имеют дату — первая половина XIV в. «Владельцы» могил носят имена Мухаммед и Х-б-р-г-н. Рядом надмогильная плита с надписью: «Эта могила Айдума (?) сына Хаджи — да смилостивится над ним Аллах»¹¹⁰.

15) В местечке Шугъа, близ селения Шиназ, в стене разрушенной крепости найдена в 1966 г. надпись, занесенная угловатыми буквами: «Это построил Джамал, да благословит его Аллах и да простит Аллах всех мусульман».

16) Большой интерес с палеографической точки зрения представляет надпись значительных размеров (высота — 2 м и ширина — 0,8 м) на могильной плите, во дворе жителя селения Ашага-стал Сулеймана Стальского (бывшего Касумкентского) района Мухтарова Айдабека:

«Во имя Аллаха, милостливого, милосердного. Эта могила Зули (?) сына Берке Г-т-н-л(?)».

17) В далеком агульском ауле Арсуг эпитафия середины XV в. уже содержит мусульманское имя с четырехкратной куньей (имя отца), также мусульманской:

«Хозяин этой могилы Исрапил сын Мунеджжида, сына Ахмеда, сына Мунеджжида, сына С-м-к, да осветит Аллах могилы их. Умер он в году восемьсот пятьдесят

¹¹⁰ Шихсаидов, Распространение ислама, стр. 114.

четвертом по хиджре пророка — да благословит его Аллах и приветствует». 854 г. хиджры соответствует 1450—1451 г.¹¹¹.

Кроме того на территории Цахура, Гельмеца, Амсара, Лучека, Рутула, Шиназа, Ихрека, Михрека, Аракула, Цмура, Ахты, Зрыха, Хурюга и др. южнодагестанских селений встречается большое число надписей с мусульманскими формулами: «Владычество принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему», «Во имя Аллаха милостивого, милосердного», «Нет бога, кроме Аллаха и Мухаммед его посланник» и т. д.

Особое место среди южнодагестанских аулов занимал крупный средневековый аул Цахур, впоследствии столица Цахурского султанства. Сообщение Закарии ал-Казвини воссоздает перед нами картину религиозной жизни в этом высокогорном цахурском ауле: «есть у них хатиб (—т. е. проповедник—), который молится с ними, и казий, который разбирает тяжбы между ними по учению имама ал-Шафеи и, да ниспошлет аллах ему свое благоволение. Жители этого города все шафеиты. В нем — медресе; основал его везир Низам ал-Мулк-ал-Хасан ибн Исхак, да очистит аллах его душу. И при нем (т. е. училище) имеется учитель и факихи. И полагается каждому факиху в нем (—т. е. училище—) ежемесячно один баран и определенная мера сульты. Рассказывают, что они перевели «Компендий Музани» на лезгинский язык и подобно этому «Книгу имама ал-Шафеи» и занимаются они ими обеими, аллаху споспешествуя»¹¹².

По сообщению Закарии ал-Казвини, Цахур предстает перед нами как центр религиозной пропаганды в юго-западной части Дагестана — здесь жители все уже мусульмане, здесь и проповедник ислама и знатоки мусульманского законовещения и мусульманское духовное училище, основанное везиром сельджукских правителей Низам ал-Мульком (1018—1092) и проповедники, занятые ознакомлением местного населения с произведениями Исмаила ибн Яхьи ал-Музани (ум. 264 г. х.), одного из первых и наиболее популярных классиков шафиитского толка, под

¹¹¹ Надпись переписана нами в местности «Наквар тивал» (могильник) в сел. Арсуг Агульского р-на. 1958 г.

¹¹² Kazwini, Kosmographie, II, стр. 205 (даю перевод А. Н. Генко, Указ. соч., стр. 96).

названием «Компендий ал-Музани по отделам шафиитского учения»¹¹³.

Будучи одним из крупных дагестанских раннесредневековых центров, («Цахур — город большой, населенный, в шести переходах от Ганджи. Он главный город страны Лакзан»¹¹⁴), Цахур служил одним из активных поборников ислама и способствовал расширению сферы влияния этой религии в нагорной части Южного Дагестана. В ауле значительное число мусульман, совершивших паломничество в священные города Мекку и Медину (хаджжи), а некоторые из этих хаджжи (в том числе и женщины) выступают в качестве активной религиозной силы в соседних селениях. Вот надпись в северной стене Ихрехской мечети, относящаяся палеографически примерно к XIII веку: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного. Вот пришли хаджи Гук-б-р, сын Зейда и жена его хаджи Хидж Л-с-к-р в месяце рамазан из селения Ихраки и вот сделал (построил) это здание Хаджи Ю-к-б-р и наделил жизненными средствами тех, кто (?) затем... м-ц рамазан — с жаждой рая и боясь огня; (написал) эту надпись Хам-д сын М-ф-л-н»¹¹⁵.

Среди цахуров и поныне сохранились предания о былом величии Цахура и его роли в исламизации соседних селений. Местность между рекой Халищина дере (что в переводе означает «кафирская речка») и селением Калял обиталась, как гласит предание, грузинами, и весь этот участок назывался Горгимагал, т. е. грузинский магал. Магал этот, называемый ныне «Горный магал», включал в себя следующие населенные пункты: Гурцул, Гельмец, Миких, Цахур, Сюют (Суюгьт), Муслах, Мишлеш, хутор Корш, Джиных, Адатл, Калял и Мухах. Из этих всех селений Цахур выделялся своей величиной, здесь раньше было 12 тыс. домов. Некогда в Цахур из Ахты прибыл проповедник и предложил цахурам принять ислам; жители селения согласились и добровольно стали мусульманами.

Сохранился и другой рассказ о проникновении ислама

¹¹³ Генко, Указ, соч., стр. 95.

¹¹⁴ Генко, Указ, соч., стр. 96.

¹¹⁵ Шихсаидов, Распространение ислама, стр. 146; Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 87 (у Л. И. Лаврова несколько иное чтение, в частности личных имен).

в Цахур и соседние селения: грузины жили раньше в Цахуре, но затем часть жителей селения откололась и образовала совместно с выходцами из селений Хнов и Рутул несколько мелких селений. Для обращения в ислам жителей — христиан селений Цахур, Рутул и Хнов сюда прибыло 3 проповедника из Мекки, и они обратили жителей всех селений, бывших христианами, в ислам, причем новая религия принималась весьма просто: жители Цахура, Рутула и Хнова написала на бумаге, что они раньше были христианами и теперь становятся мусульманами.

С селением связано также и другое интересное предание: когда жители Цахура приняли ислам, то население соседних селений Джиных и Гельмец отказалось от его принятия и изъявило желание сохранить свою религию. Цахуры, уже принявшие ислам, решили принудить джиныхцев и гельмцев принять ислам и в этих целях закрыли дорогу через Цахур и не пускали никого из Гельмеца в Джиных, расположенных к западу от сел. Цахур за селением Мишлеш. Жители указанных селений упорствовали на своем и проложили другую дорогу, вдоль правого берега реки Самур, мимо Цахура¹¹⁶.

Все эти предания, вместе взятые, создают картину процесса распространения ислама в Южном Дагестане; мы видим и наличие проповедников ислама, и борьбу религий, и сочетание различных методов исламизации.

Ислам в Южном Дагестане занял такие позиции, что к XIII веку мы видим уже целый ряд лиц с нисбой «ал-Лакзи», занимавших высокое положение среди представителей мусульманского духовенства за пределами Дагестана, в Золотой Орде и в Бухаре. Так Иакут, во II томе своего «Географического словаря», говоря о Хунлике, что близ Дербенда, сообщает о Хакиме ибн Хакиме ал-Лакзи ал-Хунлики, ад-Дербенди», «превосходном шафийском факихе», учившемся в Багдаде у ал-Газали и жившем к тому времени в Бухаре, пока не умер там в месяце ша^нбан 538 г. хиджры¹¹⁷, т. е. в 1142 г. Арабский автор XIV в. Ибн Баттута оставил нам

¹¹⁶ Полевой материал 1957 г. Сообщение жителей сел. Цахур Ахмедова Магомеда, Мерданова Мердана и жигеля сел. Мкиик Рамазанова Гаджи.

¹¹⁷ J a s u i, II, 478.

интересные сведения о столице Золотой Орды Сарае, где «между наставниками шафитов есть там правовед, достойный имам Садреддин Сулейман ал-Лекзи, один из отличных людей»¹¹⁸. Иакут также рассказывает о «знатке мусульманского права, превосходном (ученом)» Мусе ибн Юсуфе б. Хусейне ал-Лакзи, ученом из ал-Лакз «небольшой стране близ Дербенда»¹¹⁹.

М. С. Саидов пишет, что «в результате ранней исламизации восточной полосы Дагестана (главным образом Дербент и долина Самура) отсюда и вышли первые представители ученого мусульманского духовенства, известные даже за пределами края»¹²⁰.

Новое религиозное течение приходило, разумеется, в столкновение с существовавшими в Дагестане религиозными представлениями, в частности первобытными верованиями и христианством. Взаимоотношения монотеистических религий между собой, а также ислама с местными домусульманскими первобытными представлениями, наложили отпечаток на устную традицию, богато представленную в Дагестане. Оставляя в стороне вопрос о «языческих» верованиях (о них позже), перейдем к краткой характеристике позиций христианства в Дагестане. Известно, что в Армении и Албании еще в IV в. христианство становится господствующей религией, причем вплоть до VI в. албанская церковь находилась в зависимости от армянского католикоса. Церковь прилагала немало усилий, чтобы насадить христианство в соседних районах, часто преследуя при этом чисто политические цели.

Первое упоминание о попытках армянской церкви распространить христианство в районе Дербенда мы находим у Фавстоса Бузанда, автора «Истории Армении», охватывающей события 315—390 гг. Молодой епископ Григорис был отправлен к маскутам, «представился маскутскому царю, повелителю многочисленных войск гуннов, встал перед ними и стал проповедовать христово евангелие»¹²¹. Царь и его войско отказались принять новую религию, и Григорис был жестоко убит на Ватниан-

¹¹⁸ Тизенгаузен, I, стр. 277.

¹¹⁹ J a s u t, IV, 324.

¹²⁰ С а и д о в, О распространении, стр. 44.

¹²¹ Б у з а н д, История Армении, стр. 13—14.

ском поле ¹²², что близ Дербенда. Народное предание связывает смерть Григориса с селением Молла-Халил, около Дербенда и сюда уже в позднее время два раза в год собирались на богомолье армяне из Дербенда и Кубы ¹²³.

Первая попытка насадить христианство в районе Дербенда в IV века не увенчалась успехом. Между тем племена северо-кавказских степей продолжали набеги на Закавказье, а война с Ираном диктовала не только организацию охраны северных границ, но и заручиться поддержкой дагестанских племен. Все это обуславливало активизацию деятельности христианских миссионеров.

Одним из факторов, благоприятствовавших деятельности миссионеров в Дагестане, было усиление политического влияния армянских царей на Южный Дагестан (со слов Егише вардапета, армянские князья охраняли от гунов «северные врата дербендские») ¹²⁴ и благоприятная для христиан Армении политика иранских правителей: они стали всячески поддерживать и поощрять армян-монофизитов, выступивших за полное отделение от византийской церкви, за автокефалию армянской церкви ¹²⁵.

В середине V века в Армении, по мнению Н. Адонца, начинается приспособление церковной организации к нахарарскому строю: церковная власть стала распределяться между наиболее влиятельными княжескими домами путем утверждения для них особого епископства. К 451 г. в Армении было 18 епископств ¹²⁶. Вполне возможно, что к этому времени был создан епископат в районе Чога, т. е. в районе Дербенда. Точных сведений, датирующих это событие у нас нет, но источники дают другую дату — время перенесения епископата из Чога в город Партав — 552 год ¹²⁷. Следы христианства сохранились в этом районе и в последующее время, вплоть до наших дней. А. В. Комаров видел в лесах близ Дербента три армянских кладбища, причем на кладбищах близ родника Погос-Булах (родник Павла) он нашел на пли-

¹²² Хоренский, История Армении, стр. 145.

¹²³ Комаров, Пещеры, стр. 439.

¹²⁴ Егише, История, стр. 66—67, 78.

¹²⁵ Сукиасян, стр. 263.

¹²⁶ Адонц, Армения, стр. 367.

¹²⁷ Каганкатвацци, История агван, стр. 90; Айриванский, стр. 396.

те «высеченные изображения митры и посоха»¹²⁸. Археологическая экспедиция (1957 г., руков. — В. Г. Котович) также обнаружила в районе Белиджи каменный крест (высота 174 см., ширина основания — 73 см) и несколько надгробных плит со стилизованными изображениями крестов. Здесь, а также в районе упомянутого выше Погос-Булаха, со слов местных жителей, «раньше находились армянские селения». Версия о христианстве в районе Чога также вошла в один из списков «Дербенд наме», где сообщается о принятии христианства жителями Дербенда в 355 г. «от имени какого-то Несманшаха»¹²⁹. И год, и имя миссионера здесь может быть, не соответствующим действительности, но факт попыток распространения христианства, отразившийся в одной из первых местных исторических хроник, можно считать заслуживающим внимания.

Можно предположить, что приток армянского населения в Дагестан в раннем средневековье также имел место, а топонимический материал и предания, связывающие с армянами происхождение ряда населенных пунктов, таят в себе, возможно, отголоски этих контактов. В Южном Дагестане ряд средневековых поселений известны под названием Эрмени хюр (Армянское селение), Эрмени шегьер (Армянский город), Эрмени къеле (Армянская крепость)¹³⁰. Имеются также Эрмени ряхъ (Армянская дорога), Эрмени салар (Армянские огороды).

Грузия также предпринимала попытки распространить христианство в юго-западном Дагестане. Летописное сообщение о царе Арчиле (668—708), который прибыл в Цукети, т. е. Цахурский участок «и выстроил церковь Касри»¹³¹, говорит об этих попытках. Предание сохранило память о населенных пунктах, которые «основаны грузинами». Однако Южный Дагестан находится, в основном, под влиянием армянской церкви, точно как Западный Дагестан — в орбите грузинских христианских миссионеров.

Трудно проследить взаимоотношения двух монотеистических религий — ислама и христианства — в Дагеста-

¹²⁸ Комаров, Пещеры, стр. 438.

¹²⁹ Козубский, История Дербента, стр. 12.

¹³⁰ Исаков, Археологические памятники, стр. 5—8.

¹³¹ Джанашвили, стр. 26.

Не на документальной базе, но очевиднее всего христианство в районе Дербента мирно уживалось с исламом, во всяком случае, мы не имеем сведений о конфессиональных спорах или же преследовании христиан. В районах центрального Дагестана и в Семендере веротерпимое отношение к христианству зафиксировано в источниках — в Кайтаке правитель исповедует три религии (ислам, христианство и иудаизм), представители всех религий свободно рекламируют преимущество своей религии, а в Семендере в X в. бок о бок жили мусульмане, христиане и иудеи, причем христианское население преобладало.

В Южном Дагестане можно предположить ту же самую картину, т. е. мирное сосуществование религий, а последующий материал это может только подтвердить: так например Якут писал, что в Лакзе, жители которого мусульмане, «(имеются) также христиане»¹³², а Ю. Клапрот — уже в 1814 г. заметил, что большая часть «лезгинских племен» (автор имеет в виду все дагестанские народы — А. Ш.) «ныне принадлежат к суннитской секте ислама, но все же среди них имеются многие, кто живет без религии или же у которых обнаруживаются почти угасшие следы христианства, почитание древних церквей, скал и деревьев»¹³³. Еще раньше, в конце XVIII в. мирное существование носителей различных религий отмечал Я. Рейнеггс, сообщавший о мечетях, армянской церкви и двух синагогах в Эндери, о мусульманском населении, грузинах, армянах и евреях в этом городе, и «полной свободе вероисповедания», о мечетях и церквях в Кизляре¹³⁴.

Веротерпимость мусульман к христианской религии в раннем средневековье (вернее, на определенном этапе) в Дагестане будет понятна, если иметь в виду подобное же отношение к христианскому населению в самих арабских странах, а также завоеванных землях. До прихода к власти Омейядов в таких провинциях халифата как Византия, Египет, Сирия христиане держали в своих руках делопроизводство, которое велось на греческом

¹³² Якут, IV, 364.

¹³³ Клапрот, Geographisch-historische Beschreibung, S. 117.

¹³⁴ Рейнеггс, Beschreibung des Kaukasus, S. 54—55, 60.

языке ¹³⁵. Правда, впоследствии халиф Омар II (717—720) отстранил христиан от официальных должностей, а Харун ар-Рашид приказал в 191 г. х. (807) сносить церкви в пограничной области; Ибрахим б. Аглаб вынес в Африке строгие предписания против христиан и иудеев, а халиф Мукдадир (908—932) запретил иноверцам получать должности, пусть даже врачей и менял, и приказал, чтобы они даже по одежде отличались от мусульман ¹³⁶. Но это были меры, не касавшиеся общины.

В халифате христиане, как и евреи, зороастрийцы и манихеи сохранили полную свободу в управлении делами общины и религиозными делами, в столичных городах они имели своих духовных представителей, которые заботились об их интересах, защищали их права. Особой благосклонностью пользовались несториане в связи с преследованиями, которым они подвергались в Византии ¹³⁷.

* *
*

Почти одновременно с лезгинскими районами происходил процесс исламизации в лакских районах, в ранне-средневековом Гумике, впоследствии — в Газикумухском шамхальстве.

В X—XV вв. процесс концентрации сил, политической централизации и дальнейшей феодализации протекал и Газикумухском шамхальстве усиленными темпами, и шамхальство в XIV—XV вв. выступает как одно из сильнейших и влиятельнейших феодальных владений Дагестана, наряду с Кайтаком и Аварским ханством. Претензии газикумухских шамхалов выходят далеко за пределы собственных лакских земель. Выше, при описании социально-экономической структуры дагестанского общества, уже говорилось о влиянии шамхальства на экономическую жизнь в соседних районах. В XV в. усиливается политическое влияние на соседние земли, в

¹³⁵ K r e m e r, Culturgeschichte des Orients, T. I, S. 64.

¹³⁶ Там же, т. II, стр. 166—167 (со ссылкой на Ибн ал-Асира, Феофана, Ибн Тагриберди).

¹³⁷ Там же, т. II, стр. 172.

частности южнодагестанские. В обнаруженной недавно так называемой «хронике Абд ал-Хайя» дается довольно подробное описание взаимоотношений селений Хурюг, Рутул, Ахты и той роли, которую сыграл шамхал — «вали Дагестана» — в улаживании конфликта между ними: после сражения между хурюгцами и рутульцами, в котором хурюгцы потеряли много людей, они отправились к шамхалу и рассказали ему о своем бедственном положении. Шамхал прибыл в Хурюг в 1494 г., «говорил с жителями Ахты, и водворил дружбу и братство между ними и ахтыдцами. Он сказал жителям Ахты: оказывайте помощь и содействие обществу Хурюга до судебного дня, а я далек от них»¹³⁸.

Исключительное положение шамхала подчеркнуто тем, что он назван не шамхалом газикумухским, а «вали Дагестана», т. е. «правителем Дагестана». Сам титул, разумеется, далеко не соответствовал действительности, ибо шамхалу никогда не удавалось быть правителем всего Дагестана, но в появлении самого термина отразилось как усиление шамхальства, так и претензии его на земли, не входящие в состав шамхальства. В описанном выше инциденте между хурюгцами и рутульцами шамхал преследовал, само собой понятно, свои узкокорыстные цели, возможно, уравнивал силы рутульцев и ахтынцев, двух более или менее сильных объединений с тем, чтобы укрепить свое политическое и экономическое влияние на южнодагестанские селения.

В разделе о распространении ислама в Дагестане в VII—X вв. уже говорилось о традиции, связывавшей полную исламизацию лакских земель с именем арабских завоевателей. Само название «гази-кумухи» толковалось в том смысле, что именно они первыми в Дагестане приняли ислам и стали «гази» — воинственными проповедниками ислама в северокавказских землях.

Возможно, что в VIII в. при участвовавших походах арабов кумухцы и приняли ислам, но если судить по последующему положению, то они при первой же возможности вернулись к старым религиозным представле-

¹³⁸ Баркуев и др., Исторические сведения, стр. 78—79.

ниям¹³⁹. Уже в 1064 г. «гумикские неверные нападают на селения ал-Баба, убив при этом «много мусульман»¹⁴⁰.

В распоряжении исследователей нет еще данных, во всех подробностях характеризующих исламизацию Кумуха, но процесс этот можно отнести к X—XII вв., а в XIII—XV вв. позиции ислама еще более усиливаются.

Первое известие о борьбе за веру относится к 923—924 г. Арабский текст сообщения только недавно опубликован М. С. Саидовым¹⁴¹, но иногда и раньше на него ссылались исследователи. Текст этот также сохранился в рукописи дагестанского арабиста А. Каяева «Материалы по истории лаков»¹⁴² и гласит: «Этот камень (принадлежит) Мандалу Абдаллаху, (который) умер борцом за веру (в) 311 (году)», т. е. в 923—924 г. Али Каяев сообщает, что надпись эта находилась шагах в 30 от мечети, называемой «Цубад» и что впоследствии она была реставрирована (вернее переписана на другой камень), причем автор видел оба камня¹⁴³.

Надпись эта единственная в своем роде и приобретает большую ценность. Делать на ее основе выводы о степени распространения ислама весьма рискованно. Однако нельзя не обратить здесь внимания на следующее: во-первых, это имя, состоящее из двух частей, первая из которых — местное; вторая — чисто мусульманское имя, причем возможен перевод «раб божий», во-вторых, Али Каяев не говорит о почерке надписи — куфи или обычном ныне насх.¹⁴⁴ А. Каяев, хотя прекрасно разбирался в

¹³⁹ Л. И. Лавров считает крайностью утверждение историков. «Будто лакцы приняли ислам не раньше XI—XIII вв. Но правильное считать, что ислам был занесен сюда вскоре после появления арабов в Дагестане, а окончательное его утверждение произошло в XI—XIII вв. Именно к этому времени относится старейшая в Лакии надпись. Показательно, что она найдена на периферии лакской территории, а не в Кумухе, который, очевидно, раньше принял новую религию» — см. Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 182.

¹⁴⁰ Минорский, История, стр. 74.

¹⁴¹ Саидов, О некоторых памятниках, стр. 130.

¹⁴² Каяев, Материалы, стр. 249.

¹⁴³ Там же, стр. 249—250 (пер. с лакского Э. Касиева); М. С. Саидов уточняет место расположения надписи: «в квартале Цувади (Цувади) в местности Чилайми» — см. Саидов, Указ. соч., стр. 130.

¹⁴⁴ М.-С. Саидов передает слова местного старожилы Абдуева о том, что подлинный камень с куфическим письмом, действительно существовал, причем Абдуеву это известно со слов его деда. Саидов, Указ. соч., стр. 130.

куфических надписях, даже в том случае, когда надпись действительно куфическая, не оговаривал это специально. Таким образом, отпадает одно из основных средств датировки надписи. В-третьих, весьма сомнительным нам кажется цифровое обозначение даты, что вообще редко имело место, т. к. резчики по камню предпочитали передачу даты буквами. Во всяком случае во всех надписях XI—XIII в., встречаемых в Дагестане, дата передается по указанному способу, т. е. буквами. То же самое можно сказать о надписях XIV—XVII вв., за единичными исключениями. Возникает вопрос, не приписана ли эта дата впоследствии. Конечно все это не позволяет полностью отрицать наличие некоторых мусульманских элементов в Кумухе в X в. Однако другая надпись, рассказывающая об одном из распространителей ислама, позволяет, хотя она и не отмечена датой, судить о времени усиления проникновения ислама в Кумух, ибо имя Калантар, о котором нам сообщает надпись, встречается в письменных источниках в связи с событиями начала XII в.

Эту надпись Али Каяев видел на старинном кумухском кладбище: «Это могила защитника религии, распространителя ислама Калантара»¹⁴⁵.

Само имя Калантар мало о чем говорило бы нам, если бы не другое письменное известие (один из списков «Тарихи Дагестана»), также переданное нам на арабском языке и связанное с именем Калантара:

«Затем вышли они (арабы) из Мекки и Медины после того как прошло 500 лет хиджры (т. е. после 1107 г.), достигли Сирии. Затем отправились в область Черкес, а страна эта была обиталищем войны и смерти, и вели они (арабы) в ней (области Черкес) большое число войн за веру. Затем пришли они в область Хайдак... убили султана их по имени Газанфар. И обосновались они в этой области, и был эмиром их Калантар сын Султана-Хайдара, и построил он (Калантар) в области Хайдак много селений и заключил договор с правителями (эмирами) Кумуха, области Гази Кумух. Затем, по прошествию незначительного срока, нарушил он обещание свое торжественное и передал мечу неверных ее (т. е. области Газикумух)... и взял город Кумух. И приняли они (жители Кумуха) ислам и назначил в нем (Кумухе)

¹⁴⁵ К а я е в, Материалы, стр. 251, 263.

султана из родственников своих, а султан этот назывался шамхал»¹⁴⁶. Здесь же А. Каяев приводит другой арабский текст, как продолжение указанного: «И султан этот носил имя Шамхал. И с того времени стало обычаем именовать этим именем всякого, кто владел и правил населением этой области»¹⁴⁷.

Оба приведенных здесь текста (текст надписи и текст А. Каяева) наводят на ряд весьма интересных вопросов. Это прежде всего о времени возникновения термина шамхал, о методах распространения ислама, о времени принятия ислама жителями Кумуха, о роли пришлых элементов в процессе распространения новой религии, и, наконец, о личности Калантара. Не останавливаясь на первых четырех вопросах, часть из которых изложена выше или же будет освещена впоследствии, мы обратимся к последнему из них, т. е. к личности Калантара. Как мы уже видим, в надписи на камне Калантар назван «защитником религии и распространителем ислама». Точно такое же определение можно дать Калантару из второго текста, ибо он ведет «борьбу за веру» и заставляет кумухцев принять ислам, а неверных «предать мечу». Причем оба текста связаны с Кумухом; в одном — Калантар заставляет кумухцев принять ислам, а в другом — Калантар находит смерть в том же Кумухе. Можно с большой очевидностью предположить, что в обоих текстах речь идет об одном и том же лице — распространителе ислама среди лаков.

Следовательно, описанные события могут быть отнесены к началу XII в.

Недавно стал известен другой источник, дающий также сведения о попытках утвердить ислам в Кумухе в это же время и подкрепляющий связанные с Калантаром события по части хронологии. Это сведение курдского писателя начала XII в. Мас'уда ибн Намдара. Сочинение это издано в 1949 г. профессором Кембриджского университета В. Ф. Минорским и преподавателем Парижского университета Кл. Каэном, представляет собой письмо ширваншаха к жителям Кумуха и проливает свет на ряд вопросов средневековой истории Дагестана и поэтому заслуживает особого внимания:

¹⁴⁶ Там же, стр. 263.

¹⁴⁷ Там же, стр. 265.

«Письмо наше, — да укажет вам Аллах правильный путь, общество жителей Гумик, да и поведет вас ровным путем в ислам... Уже дошло до нас о том, о чем имел беседу с Вами — о желании защищаться «твердой рукоятью» и идти образцовым путем и приблизится к тому, что приблизит вас к жилищу благоденствия и спасет вас от страшного мучения. Вы изъявили желание быть приверженными к безопасности и насытитесь верой, а кто ищет защиты у бога, то он ведет (его) прямым путем. Религия — долг, не полагается подвергать ее расхищению и кто желает (иной) религии, кроме ислама, то не будет принято от него раскаяния.

Дошло до нас, что (божеская) милость сопутствует вам и помощь божеская сопровождает вас... Что за прекрасный спутник милость и как хороша помощь (бога)! Кто доверяется богу, то процветает дело его и тот, кого ведет Аллах прямым путем, тот не заблудится. Мы знаем от брата нашего, каким образом стали на путь обязанности. И мы обещаем, когда вы придете к нам и проясните перед нами то, чему верите и согласитесь с этими условиями надлежащим образом и войдете в ислам прямым путем и если вы заключите договор в отношении нас с жителями Кува и поклянетесь в верности, присягнете и окажете содействие в этом и не откажетесь — тогда пошлем к вам сына эмира Адуда и назначим его над вами для того, чтобы он защищал ваши интересы, чтобы он старался ради вашего успеха. Мы вернем вам сыновей ваших и удовлетворим ваши желания, будем любить друзей ваших и бороться против врагов ваших. Мы пошлем к вам хатиба, чтобы он научил вас исламу должным образом и имама, чтобы облагородил вас посредством чтения корана и очистил вас путем обрезания.

Поспешите, да поведет вас Аллах прямым путем, с ответом, спешите (получить) наше одобрение и быть ссучастниками нашими в вознаграждении (на том свете). Вы знаете о том, что когда вы примите ислам — вы будете спасены; когда вы будете верить — вы будете в безопасности. Тогда у нас будет для вас полный достаток (радость) и благосклонность, а потому, что верующие — братья и нет у нас другой цели кроме воздаяния и продолжительной славы на вечные времена. Слово наше — истина, с нами — правда; и при нас для вас — все хоро-

шее, прекрасное, удача обильная — Аллах порукой тому, что мы говорим»¹⁴⁸.

Автор этого ценного сообщения Мас"уд ибн Намдар, по национальности курд. Он занимал довольно высокое положение при ширваншахах. В 500 г. (1107 г.) мы видим его в качестве агента ширваншаха в Гандже, а в 505 г. х. (1112 г.) он прибыл в Багдад (возможно с ширваншахом)¹⁴⁹. А еще раньше, до 490—492 г. (т. е. 1097—1099 гг.) он пребывал в Ширване.

Датировка письма облегчается упоминанием имени Адуда, сына ширваншаха Ферибуза, на что обратили внимание В. Ф. Минорский и Кл. Каэн. Судя по данным ал-Бондари и по надписи, найденной в Шемахинском районе, Ферибуз был современником Мелик-шаха, сельджукского султана (1072—1098) и умер между 487 и 498 г. х., т. е. 1094—1105 гг.¹⁵⁰. Значит письмо отправлено от имени Ферибурза. Стало быть письмо написано в конце XI в., т. е. к тому времени, когда ислам еще не занимал прочных позиций в Кумухе. Из письма от имени ширваншаха «к жителям некоторых местностей Лакза» видно, что Ширван принимает ряд мер, чтобы упрочить здесь свое влияние. Вот текст перевода этого письма:

«От имени правителя (ширваншаха) к жителям некоторых населенных пунктов ал-Лакза в отношении предыдущего:

Дошло до нас — шейхи наши и друзья государства и кормильцы наши — да продлит аллах жизнь вашу и делает длительным ведение ваше по истинному пути и помощь (свою) вам, облегчит путь к благодеянию — то, о чем вы упомянули и узнали мы то, что вы выразили и мы в курсе дела того, что вы замыслили относительно хорошего образа жизни и чистоты вашего тайного замысла в деле повиновения нам и следования за нами...

Что касается того, что упомянули мы относительно жителей Гумика, а всякое усердие достойно (в этом деле) — это долг религиозный, перед которым равны жители земли в общем вознаграждении и награде и увеличении похвалы и доброй славы. Мы уже послали к ним

¹⁴⁸ V. Minorsky et Cl. Cahen, *Le resuel*, p. 131—132 (араб. текст) 138—140 (франц. перевод).

¹⁴⁹ Там же, стр. 127.

¹⁵⁰ Али-Заде, Некоторые сведения о Ширване, стр. 12.

посла и ответили мы им как можно хорошо и мы призываем вас, чтобы вы были решительны в этом деле, и избежали этим долю награды и чтобы заключили с ними соглашение о верности тому, на что они договорились и искренности их убеждения и чтобы отряд из них отправился в Кува и они заключили с вами договор на верность и поклялись, чтобы мы послали сына мира Адуда в одеянии чести, подарков, почестей и редкостей и мы вернули им залог их и обеспечили их безопасности.

Что касается брата их, то нам известно, что мы не желали его смерти и мы не знали (ничего) о деле его, кроме того, что судьба сразила его преждевременно и сразила его меч смерти. Судьба настигла его и совершила над ним неумолимый приговор, рассекла мечом своим грудь его и обделила своей рукой жизни его. И не в силах наших вернуть его вслед за кончиной и оживить его после смерти. Дело Аллаха, несомненно, обязанность и решения его строгие — правильные.

Известие их от нашего имени, что мы не желаем ничего кроме вознаграждения за намерения наши и не хотим ничего, кроме праведности, сколько мы можем. Нет (у нас) ни жажды к хараджу их, ни надежды на налоги их. Не желаем от них ничего, кроме побуждения к награде, доброй славы, заслуживания награды и совершения благоразумных поступков.

Пошлите к ним послов, обратитесь с ними весьма любезно, обещайте им от нас всякого рода обильных выгод (удач), великой славы. Известите нас, что они проявили, что они предпочитают и чтобы мы отпустили домой их, щедро дали им то, чего они желают, если захочет Аллах великий и славный»¹⁵¹.

Оба текста свидетельствуют о той энергичной и последовательной роли Ширвана в утверждении новой религии в Кумухе. Правители Ширвана, не довольствуясь непосредственным взаимоотношением с Гумиком, привлекают к этому делу посредников. Кроме чисто дипломатических мер предпринимаются со стороны ширваншаха попытки не менее действенные: обещания вернуть детей, если жители Кумуха укрепятся в вере. Куба также выступает здесь как посредник.

¹⁵¹ Minorsky et Cahen, *Le resuel*, pp. 132—133 (араб. текст), 140—142 (франц. пер.).

На основе анализа текста Намдара издатели его В. Ф. Минорский и Кл. Каэн устанавливают время принятия ислама в Кумухе 490—492 г. х.¹⁵² т. е. самый конец XI в. Дата не противоречит данным других источников, а подтверждается последними. Приведенные еще раньше сведения о распространителе ислама в Кумухе Калантаре относятся к 1107 г., т. е. освещают события, имевшие место лет через десять после описанных Мас'удом событий.

В X—XII в. политическое и экономическое положение Ширвана действительно позволяло его правителям предпринимать ряд решительных мер в области распространения ислама в Дагестане. Это было время усиления государства ширваншахов, когда расширялись границы государства, охватывая иногда Дербенд и часть территории, населенной лезгинами¹⁵³.

Еще в середине X в. ширванский правитель Мухаммед ибн Йазид немало поднял престиж своего государства. Ал-Масуди писал о Ширване именно в то время, когда он достиг политического расцвета и осуществил свои претензии на новые земли:

«И царство его в настоящее время, т. е. в 332 (943) году (протянулось на расстоянии) около месяца пути, т. к. он захватил места, не отмеченные для него Ануширваном и присоединил их к своему владению... и овладел Мухаммед сын Йазид, а он Ширван, городом Баб ал-абваб после смерти зятя своего Абдаллаха сына Хишама (одного из потомков) ансаров, во владении которого был Баб ал-абваб ...Примыкает царство Ширван к другому царству со стороны горы ал-Кабк. Называют его царство Лайран, и царь его называется Лайран-шах. К этому времени уже овладел Ширван этим царством, и царством называемым ал-Муканиййа. Опорой в царстве его (является) царство ал-Лакз, а (жители этого царства) — народ многочисленный, живущий на вершине этой горы. Среди них — кяфиры, не подвластные Ширвану, под названием ад-дуданиййа, язычники, не подвластные (како-

¹⁵² Ibid., p. 24.

¹⁵³ Важные сведения по вопросу о взаимоотношениях Ширвана и Дагестана см.: Dorn, Beitrage, I (Versuch); Минорский, История Ширвана и Дербенда; Maçoudi, II, 5—7; Minor sky et Sahel, Le resuel; Ибн ал-Асир, стр. 146—148; АКАК, т. II; Лавров, Южнодагестанский хронограф; История Дагестана, т. I (раздел о дагестанско-ширванских связях IV—X, XI—XV вв.) и т. д.

му-либо) правителю... И овладел этот человек, известный под именем Ширвана, многими царствами в этой горе, которые были предназначены Хосроем Ануширваном для других, назначенных там»¹⁵⁴.

Таким образом, экономическое и политическое усиление Ширвана привело к тому, что некоторые дагестанские земли оказались подвластны ширваншаху. В ряде случаев сыновья ширваншаха были назначены правителями соседних, но подчиненных Ширвану владений. Один из них, Хайсам стал правителем Табасарана.

Внутренние и внешнеполитические условия благоприятствовали как экономическому и политическому укреплению Ширвана, так и превращению его «в центр поэтической, отчасти научной мысли того времени»¹⁵⁵.

В середине XII в. достигает расцвета искусство, особенно литература, представленная именами Абу-л-ала, Низами, Фелеки, Хагани, и др., покровительствуемых ширваншахом Манучехр-Ахистаном¹⁵⁶.

Все эти обстоятельства не могли не привести к усилению экономических и культурных связей с соседним Дагестаном.

Можно предположить, что связи эти не прекратились и после похода монголов из Ширвана в 1220 г., ибо в период господства Джалал ад-дина (до 1231 г.) Ширван «не переживал того тяжелого и бедственного положения, в котором очутились соседние страны, в особенности Грузия. Это обстоятельство давало ширваншаху некоторую возможность заняться восстановлением хозяйства и укреплением государственного аппарата»¹⁵⁷.

Вплоть до образования государства ильханов (1258) ширваншах, формально являясь вассалом монгольского хана, фактически занимал ведущее место в управлении страной, в политической и хозяйственной жизни, чеканил монету, имел войско и т. д.¹⁵⁸. Все это дало возможность продолжать прежние связи с Дагестаном. Не странно поэтому, что в ряде случаев ширванцы показали себя,

¹⁵⁴ Масоуди, II, стр. 5—7; СМОМПК, 38, стр. 42—43; Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 191—192.

¹⁵⁵ Али-Заде, Указ. соч., стр. 12, 13, 19.

¹⁵⁶ Догп, Beitrage, I (Versuch), S. 555.

¹⁵⁷ Али-Заде, Из истории государства Ширваншахов, стр. 101.

¹⁵⁸ Там же, стр. 107.

как люди, хорошо знакомые с Дагестаном. Именно ширванский правовед — факих Юсуф ибн Мухаммед Ганджинский дал Закарийя ал-Казвини важные сведения о селениях Цахур и Шиназ, а в 1221 г., когда Джебе и Субадей решили обойти Дербенд и пройти на север через горы Дагестана, они обращаются к ширванцам, с требованием показать им путь, что и было сделано последними под страхом смерти¹⁵⁹.

Культурные связи с Ширваном подкреплялись связями политическими, и население Ширвана и Аррана, подержанное грузинами и «лакзами», выступает против кипчаков, прорвавшихся в Закавказье и наносят им поражение.

Мы видим, что связи Дагестана с Ширваном в области идеологии все более усиливались. Трудно сказать, приняли ли ислам с Кумухом почти все жители «области Гумик». Однако несомненно то, что проникновение ислама продолжалось, и территория, охваченная новым учением, все больше расширялась. Не остановило это течение монгольское нашествие, сопровождавшееся сначала разрушением мечетей, как это имело место в Риче, Кумухе и других населенных пунктах Дагестана.

Известно, что Дагестан, вернее восточная часть Дагестана, вплоть до Дербенда, входила в состав Золотой Орды, управляемой династией из дома сына Чингис-хана Джучи, т. е. Джучидов. Монголы пришли как завоеватели и уничтожали любое препятствие, встававшее на их пути. Не будучи мусульманами, они не поддерживали эту религию, а нередко и разрушали мечети, о чем свидетельствует упомянутая выше надпись из Ричи о разрушении здесь татарами мечети при уничтожении селения.

Когда пишем об отношении монголов к исламу, нельзя огульно утверждать что монголы поддерживали, насаждали ислам, или же преследовали мусульман. Правящая верхушка монголов, в начале своих завоеваний выступившая как шаманисты, в результате общения с культурными народами в завоеванных и соседних странах, а главное в силу выделения феодальной кочевой знати, пережили значительную эволюцию в сторону перехода к мусульманской религии. Как указывал В. В. Бартольд,

¹⁵⁹ Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. 1, кн. 2, стр. 228—229.

— ислам стал в XIV в. господствующей религией на территории всех земель, захваченных монголами¹⁶⁰.

Поэтому и религиозную политику монголов в Дагестане нужно рассматривать с учетом указанных изменений в идеологии и религиозных представлениях завоевателей (в лице правящей верхушки).

Арабские и персидские авторы оставили нам целый ряд сведений о прохождении монголов по территории Дагестана, о столкновениях враждующих групп на этой территории. В 1221 г. войска Чингис-хана перешли через Дербенд, вышли в Килчакскую степь. Впоследствии Дагестан, вернее, его восточная приморская полоса вошла вплоть до Дербенда в состав Золотой Орды. Мы не знаем, как совершался захват этой территории, но зная историю монгольских завоеваний вообще, нетрудно предположить, что и здесь он сопровождался неслыханными жестокостями и разрушениями.

В 1231 году начался второй поход монгольских войск в сторону Кавказа. В 1231—1239 гг. был покорен Южный и Северный Азербайджан, в 1239 г. монголы овладели Дербендом. Город оказал, очевидно, упорное сопротивление. К этому времени и можно отнести сообщение Рубрика о разрушении дербендских стен и запустении сельского хозяйства вокруг города: «татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравнив башни со стеною. Внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной»¹⁶¹.

Однако сопротивление часто сводилось на нет, потому что феодальные правители не сумели объединиться в борьбе против общего врага. Положение внутреннего Дагестана было поэтому незавидным, феодалы враждовали друг с другом. «Тарихи Дагестан» превосходно описал эту обстановку, выразив тем самым концепцию политического единства Дагестана: «зеркало согласия между князьями Кумуха и Хайдака разбито было усилиями сатаны, который есть самый зловредный из врагов; так они разъединены были друг против друга злобою, ибо добродетель покинула край, а коварство, вражда и порок распространились повсюду; и это было разногласие такого рода, что не обещало ничего хороше-

¹⁶⁰ Бартольд, История, стр. 10.

¹⁶¹ Рубрук, стр. 170 (старое изд.) и 187 (новое издание).

го и не давало надежды на согласие». Кайтакские владельцы потерпели поражение, остатки их «нашли убежище у повелителей Аварии и обязались клятвой быть их союзниками и делить с ними добро и зло во всех случаях и обязанностях. Тут произошли между ними и князьями кумухскими страшные войны и адские распри, которые продолжались много лет»¹⁶².

В дальнейшем события разворачиваются быстро. Аварский правитель обратился за помощью к «султану Каутер-шаху» из «страны турок», т. е. монгол. Каутер-шах не замедлил выступить против мусульманского Кумуха, и объединенные войска Каутер-шаха, Саратана и «князей хайдакских» совершают нападение на Кумух «во вторник первого рамазана, в дни Наджмудина».

Путь монгольских войск из Дербенда в Кумух лежал очевидно, через лезгинские районы. Можно предположить следующий маршрут монгольских войск: Дербенд—Табасаран—Касумкент—Хив (или Курах)—Рича—Чираг—Кумух.

В сел. Рича сохранилась запись на камне об упорных боях местного населения против завоевателей: «Истинно, войска проклятых татар — да оставит их без помощи Аллах — пришли в Баб ал-кист Рича, когда оставалось 10 дней до конца месяца раби-ал-авваль. И сражались с ними жители Ричи до середины (половины) раби-ал-ахир в шестьсот тридцать седьмом году. Затем Сабадж сын Сулеймана приказал построить эту крепость в месяце зу-ль-хиджжа, один из месяцев шестьсот тридцать восьмого года»¹⁶³. Таким образом, жители сел. Рича примерно в течение 25 дней, а именно от 20 октября до 14 ноября 1239 года, сражались с монгольскими завоевателями. Столь долгое сопротивление монгольским войскам можно объяснить тем, что вместе с ричинцами выступили отряды из многих соседних аулов.

¹⁶² Тарихи Дагестан, стр. 179—180; Derbend-Nameh, 673—676.

¹⁶³ Khanikoff, Mémoire, стр. 126. Надпись эта была опубликована еще в 1852 г. Н. В. Ханыковым в газете «Кавказ», но по признанию самого же автора некоторые места были тогда прочитаны неправильно ввиду плохого эстампажа. Известна также эта надпись Али Каяеву, но с пропусками в арабском тексте. Надпись издана также Л. И. Лавровым и А. Р. Шихсаидовым. Даты надписи соответствуют 20—X 1239, примерно 15.XI.1239 г. и июню и июлю 1240 г. Нам кажется, что имя правителя правильнее читать Бассадж вместо Сабадж.

Разъяренные монголы разрушили мечеть, бывшую, видимо, опорным пунктом оборонявшихся, а также все селение. Надпись следующим образом повествует об этих событиях: «Эта соборная мечеть Баб ал-кист¹⁶⁴ Рича разрушена войсками татар, когда разрушен был Курд¹⁶⁵ Рича в месяце раби ал-ахир, (один) из месяцев шестьсот тридцать седьмого года»¹⁶⁶ (т. е. ноябрь 1239 г.).

Дальше, как мы увидим, татары пошли на Кумух, причем, как сообщает А. Каяев, Сартан и Хайдакский хан также тронулись на лаков и в начале м-ца рамазана 637 г. (6.IV.1240), начали вместе с монголами осаду Кумуха, продолжавшуюся более пяти месяцев. Али Каяев¹⁶⁷ сохранил нам интересную арабскую запись об этих событиях:

«Разрушен Гумик турками или (?) Крым в понедельник в начале (месяца) рамазана во время Наджм ад-дина, и погибло смертью воителей за веру все войско Гумика, исключая тысячи тридцать трех (воинов)».

Надпись эта не дает даты, но установить ее совсем не трудно на основе другой надписи¹⁶⁸ того же содержания: «разрушение Кумуха тюрками во время Наджм ад-дина, год шестьсот тридцать семь»¹⁶⁹. 673 г. хиджры соответствует 1240 г.

Эти две надписи позволяют установить время разрушения Кумуха — 2-й день начала м-ца рамазан 637 года, что соответствует 8 апреля 1240 г. Значит, за короткий срок после разрушения Ричи (октябрь—ноябрь 1239) татары произвели такой же погром в Кумухе. «Та-

¹⁶⁴ По-арабски «Баб ал-кист» — «ворота справедливости».

¹⁶⁵ Со слов местных жителей, так соседи называли Ричу, а это означает «город», «большой населенный пункт».

¹⁶⁶ Лавров, СМАЭ, XVIII, стр. 333; Шихсаидов, О пребывании, стр. 76 (из рукописи А. Каяева); Б. Малачиханов писал, что «в ауле Рича указывают на возвышающиеся на скале развалины той крепости, которая некогда была разрушена татарами при их вторжении в горы» см. Малачиханов, К вопросу о Семендере, стр. 25.

¹⁶⁷ А. Каяев, Указ. соч., стр. 275.

¹⁶⁸ Там же, стр. 254.

¹⁶⁹ На полях одного из списков «Дербенд наме» стоит надпись, повествующая о тех же событиях: «Разрушение Гумика тюрками (имело место) в понедельник начала месяца рамазан во время Наджм ад-дина. Погибло смертью мучеников все войско Гумика, кроме тысячи тридцати трех в году 637. Аллах знает лучше». Дербенд наме (Матенадаран), л. 4.

рихи Дагестан» оставил красочную картину борьбы жителей Кумуха: «Они (обитатели Кумуха) сражались с великим мужеством и 70 юношей пали мучениками». Эти заняли укрепление выше мечети, (называемое) Кеке-³ ли и обязали себя клятвой сражаться и пожертвовать своим имуществом, жизнью, телами. Когда эти юноши исполнили свой долг в укреплении (т. е. были все убиты), оба князя, Сартан и Кутер опустошили Кумух в субботу месяца сафара»¹⁷⁰.

Вполне возможно, что на пути из Дербенда в Кумух монгольские войска разрушили также мечеть в селении Хив (Хивский район), от которой сохранились в настоящее время только каменные опорные столбы.

Пребывание монгольских войск во внутреннем Дагестане было, очевидно, кратковременным: «Дербенд наме» сообщает о том, что вскоре монгольские войска вернулись в Дербенд. Правитель Рича принял также ряд мер, чтобы не допустить повторного нападения со стороны монгольских войск: летом 1241 г., т. е. через полтора года после монгольского нашествия Бассадж ибн Сулейман строит крепость в селении; в 1250 г. восстанавливается ричинская мечеть¹⁷¹.

Власть монголов в горах (за исключением узкой прибрежной полосы), как мы видим, не утвердилась. Об этом лишний раз свидетельствует сообщение Рубрука, относящееся к 1253 г.: аланы и черкесы борются против татар и «некие сарацины, именуемые лесгами (—имеются в виду дагестанцы — А. Ш.—), равным образом не подчиняются татарам»¹⁷².

В 1255 г. положение остается без изменения, ибо францисканский монах Рубрук на обратном пути, лежащем через Дагестан, еще раз упоминает о «сарацинах по имени лесги», горцах, которые живут между морем и горами и «также не покорены, так что татарам, жившим у подошвы гор аланов, надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас за Железные Ворота»¹⁷³.

¹⁷⁰ Дербенд наме, стр. 180—181.

¹⁷¹ Лавров, СМАЭ, т. XVIII, стр. 333—334; Шихсаидов, О пребывании, стр. 7; Его же, Арабские строительные надписи, стр. 110; Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 83.

¹⁷² Рубрук, стр. 111, 136.

¹⁷³ Там же, стр. 186.

Таким образом, до второй половины XIII в. в лице вонголов мы видим силу, преследовавшую ислам или в будущем случае задержавшую процесс дальнейшего распространения его.

Иное дело — начиная с конца XIII в. В источниках по истории монгольского общества ясно прослеживается, как, начиная со II-й половины XIII в., изменяется отношение самих монголов к исламу. Золотоордынский хан Берке первым из монгольских ханов принимает ислам и «ислам его был прекрасный. Он воздвиг маяк веры и установил обряды мусульманские, оказывал почет правоведам, приблизил их к себе... сдружился с ними и построил в пределах своего государства мечети и школы... Когда он стал мусульманином, то и большая часть его народов приняла ислам»¹⁷⁴.

Сведение это, принадлежавшее перу ан-Нувейри, весьма интересно для определения судьбы ислама в восточной части Дагестана. Можно с уверенностью сказать, что с 662 г.¹⁷⁵, т. е. 1263—4 г. (об этом пишет Руки ад-дин Бейбарс) благоприятные условия для проникновения ислама возобновились.

Как показал А. А. Али-Заде, в связи с образованием государства ильханов (1258 г.) значительно усилилась борьба золотоордынских ханов с ильханами за Азербайджан, так как «через территорию Азербайджана в основном осуществлялся транзит между западом и востоком, она была центром всех торговых караванных путей сообщения»¹⁷⁶.

Золотоордынские ханы, заинтересованные в усилении торговых связей с восточными странами, отводили значительное место территории Восточного Кавказа. Это, в свою очередь, говорит о том огромном значении, которое придавали золотоордынские ханы торговле вообще, а восточной торговле в частности.

В этой борьбе за торговый путь немаловажную роль приобретал религиозный элемент. Золотоордынские ханы (конечно, после того, как они сами стали принимать ислам) использовали религиозную оболочку в целях ослабления позиций своего противника и привлечения

¹⁷⁴ Тизенгаузен, I, стр. 151

¹⁷⁵ Там же, стр. 121.

¹⁷⁶ Али-Заде, Борьба Золотой Орды, стр. 31.

мусульман на свою сторону. Когда хан Берке (1257—1266 гг.), при котором начался процесс исламизации среди правящей верхушки в Золотой Орде, обвинил основателя государства ильханов Хулагу (1256—1265 гг.) в убийстве халифа и в уничтожении мусульманских городов¹⁷⁷, то в этом нельзя было не усмотреть попытку возбудить религиозные чувства подвластных.

Такая политика не могла не привести золотоордынского хана к поддержке мусульманских элементов на всей территории Золотой Орды, в том числе и в Дагестане. Золотоордынские ханы также создавали значительные привилегии местным купеческим слоям, что не могло в свою очередь не повлиять на переход дагестанских купцов в мусульманскую религию.

Правда, в нашем распоряжении не имеется данных, говорящих о принятии ислама подданными золотоордынского хана, однако, уже не могло быть и речи о разрушении мечетей, как это было раньше. Теперь уже целый ряд золотоордынских ханов принимают ислам и выступают в его защиту. Мусульманином становится в 662 г. (1283—4 г.) хан Тудеменгу¹⁷⁸, а за ним и Узбек¹⁷⁹, а столица Узбека — город Сарай имеет тринадцать мечетей для соборной службы¹⁸⁰.

Стало быть, монголы в лице представителей власти превращаются из врагов ислама в ярых его сторонников и, как сообщает арабский автор Ибн-Кесир, «Узбекхан... провозгласил в своей земле исповедание ислама и убил многих эмиров из неверных»¹⁸¹.

Для Дагестана эти сведения тем более ценны, что во власти золотоордынских ханов был уже к этому времени не только Дербенд, но и прилегающие к нему, ранее не зависимые районы: когда после смерти Берке на ханский престол вступил его брат Менгутемир (или Менгутимур), то к нему перешло господство над «странами северными, тюркскими и кипчакскими, железными воротами и тем, что к ним прилегает».

Мусульманское духовенство Дагестана не только нашло политическую поддержку со стороны правящей

177 Тизенгаузен, II, стр. 74.

178 Тизенгаузен, т. I, стр. 121.

179 Там же.

180 Там же, стр. 306.

181 Там же, стр. 277.

верхушки Золотой Орды, но оно также в лице своих отдельных представителей нашло покровительство в самой столице Узбека-Сарае. Подтверждением тому является упомянутое выше сведение о шафиитском наставнике имаме Садр ад-дине Сулеймане ал-Лакзи.

В завоеванных странах вместе с мусульманским духовенством широкую поддержку со стороны монгольских владетелей нашли местная знать и связанное с нею купечество, которые, «подчинившись монгольским завоевателям и найдя общий язык, добивались различных льгот и привилегий для себя и становились соучастниками завоевателей в организации ограбления низов своего народа»¹⁸².

На территории Дагестана также прослеживается политика монгольских правителей, рассчитанная на поддержку местной феодальной знати. «Каутар-шах», предводитель монгольских войск, вступил, согласно «Тарихи Дагестану», в родственный союз с аварским правителем: «Каутер-хан взял прекрасную дочь царя аварского в жены сыну своему Кей-Кобаду, а прелестную сестру последнего (т. е. собственную дочь свою) выдал за Саратана, сына царя (аварского)». Вскоре эти союзники совместно с кайтакскими правителями выступили против Кумуха, оказавшего упорное сопротивление. Все князья кумухские... «рассеялись по разным частям света». Но таковы только отношения с теми, кто оказал сопротивление. Естественно, монголы уничтожали таких правителей. Однако многие дагестанские феодалы использовали поход монголов, для достижения своих целей. Так, например, кайтакские правители «снова вступили в свои владения». Аварский правитель, очевидно, также сохранил за собой власть и укрепил свои владения. Небезынтересно вспомнить здесь сообщение русского востоковеда И. Н. Березина: «Во время пребывания в Тарху я слышал, что у Аварского хана в Хунзахе находится ярлык Чингис-хана, и действительно известно, что аварский хан в 1727 г. являлся в русский лагерь с прошением покровительства и привозил с собой письмо, данное одному из его предков Батыем на ханство Аварское»¹⁸³. И. Н. Березин не видел грамоты, но даже одно только известие о ее

¹⁸² Петрушевский, Земледелие, стр. 36.

¹⁸³ Березин, Путешествие, стр. 5.

наличии характерно для показа той роли, которую сыграли монголы в деле поддержки местных феодальных правителей.

В свете изложенного можно предположить, что и в Гази-Кумухе ислам находит себе все большее число сторонников. Мусульманская религия распространяется не только вширь, но и вглубь. Именно в XII—XIII вв. жители Гумика превратились в «гази»—«воителей за веру», а Кумух стал называться Гази-Кумухом (кстати нужно заметить, что титул «гази»,—является обычно не арабским, а тюркским¹⁸⁴, служит лишним подтверждением позднего появления названия Гази-Кумух. Ислам в XIV в. стал уже не только господствующей религией среди лаков, но также приобрел значение знамени в борьбе кумухского шамхала с «неверными» соседних областей.) Из сообщения Низам ад-дина Шами можно прийти к выводу о том, что к концу XIV в., т. е. во время похода Тимура на «Ускуджи», борьба газикумухов и «аухарцев» с «неверными» соседями стала уже традицией, ибо «у области Гази Кумуклук и войска Аухар был обычай, что они (каждый) год и месяц сражались с неверными»¹⁸⁵.

Правда, жители «области Гази-Кумуклук» выступили было против Тимура, но после убийства их предводителя Шаукала (шамхала), оставшиеся в живых «признали скверным свой поступок и просили у его величества эмира сострадания и милость»¹⁸⁶.

Последующие сообщения Шами по этому поводу прекрасно показывают, на кого опирался Тимур в своей борьбе в Дагестане и как он пользовался любой возможностью, чтобы распространить ислам и вести «религиозные войны» против «неверных», в чьих интересах распространялся ислам в Дагестане.

Тимур простил вышеупомянутых «виновников», удостоил их милостями и подарками и приказал передать «своим вельможам и эмирам», что если они, подобно первым, придут и раскаются в проступках, «то мы их обласкаем и утвердим за ними область».

¹⁸⁴ Крачковская, Надпись, стр. 15.

¹⁸⁵ Тизенгаузен, т. II, стр. 124.

¹⁸⁶ Там же, стр. 124.

Тимур, политика которого «заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей...»¹⁸⁷ захватил «Ускуджи», совершил набег на «область Ушкуджан» и построил холм из убитых. «Эмиры Гази-Кумуков, ходжи и вельможи их признавали свою вину». Тимур одарил их почетной одеждой, поясами, украшенными драгоценными камнями, «а остальных знатных и простых удостоил милостей и подарков» и отпустил их, поставив условием, «чтобы они по-прежнему порядку постоянно вели священную войну с неверными и сильно побуждал их к войне за веру». Мероприятия эти дали результаты, и Тимур имел уже в одной из областей Дагестана опору, которая могла быть в любой момент выставлена против «неверных». Именно о газикумуках и писал Шами, что «все они, веселые и довольные, ушли обратно. Стремление их к священной войне с неверными увеличилось и они укрепились в вере»¹⁸⁸.

Как сообщает другой придворный историк Тимура Шереф ад-дин Йезди, «старшины (калантары) газикумухские и аухарские вместе с тамошними казиями и вельможами прибыли с повинной к Тимуру, тот одарил их халатами, златотканными одеждами, поясами для мечей, арабскими конями, дал им наставления «всегда воевать с врагами веры и держать меч для утверждения ислама», а затем «утвердив за ними область и дав им ярлыки, он отослал их назад»¹⁸⁹.

Последнее сообщение весьма ценно для показа роли ислама в усилении эксплуатации и укреплении феодальных отношений. Утверждение области за «старшинами, кадиями и вельможами» и выдача им ярлыков означали, что и на территории Дагестана Тимур следовал своей политике укрепления феодализма. Как указывал А. Ю. Якубовский, Тимур, «живя в условиях созревания классических форм феодальных отношений, был их активным проводником». Широкое распространение при Тимуре получила «восточная форма лена» — суюргал, под которым подразумевали тогда передачу в наследственное владе-

¹⁸⁷ К. Маркс. Хронологические выписки I. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс, Архив, т. VI, стр. 185.

¹⁸⁸ Тизенгаузен, т. II, стр. 124.

¹⁸⁹ Там же, стр. 186.

ние определенных земель с правом взимания с жителей ее (сельских и городских) государственных налогов и податей целиком или частично в пользу взывавшего¹⁹⁰.

В Дагестане Тимур был верен своей политике. В Аварии и в Гази-Кумухе он не отобрал у владельцев земли, не подарил их кому-нибудь из своих ставленников, а отдал их указанным дагестанским владельцам на правах сюргала и тем самым превратил духовных и светских лиц, газикумухских и аухарских, в своих вассалов.

Точно так же поступает Тимур на территории кумыков: одного из вождей «кумыкского племени по имени Губден» Тимур назначил «владельцем всех земель и угодий, приуроченных теперь к селению Губден, заставил там основать это селение и поселил его там. И селение это названо его именем»¹⁹¹. Что в лице Губдена мы видим местного феодала, ясно не только из изложенного, но и из последующих слов автора «Асари Дагестан» о том, что «также и неродовитые беки теперешнего селения Карабудахкент относятся к потомкам того же лица по имени Губден»¹⁹².

Тимур выступает здесь, таким образом, и как феодал и как ярый сторонник ислама, а ислам становится важнейшим идеологическим оружием в руках феодальных правителей.

Надо сказать, что практика Тимура в Дагестане была дальновидна и рассчитана на укрепление своих позиций и ослабление позиций своего нового, но грозного противника — Тохтамыша, с которым Тимур столкнулся в 80—90 гг. XIV в.

Немаловажную роль играл в этой борьбе религиозный фактор. Тохтамыш был представлен «язычником», «неверным прелюбодеем», как пишет Шами, ибо преследовал мусульман, а в 1386 г. уничтожил мечеть и медресе в Тебризе¹⁹³. Тимур это прекрасно понимал и решил использовать ислам и морально-религиозный авторитет мусульманского духовенства. В каждом факторе принятия ислама он видел усиление своих позиций, а утверждение за местными правителями их земель должно было

¹⁹⁰ Якубовский, Тимур, стр. 66.

¹⁹¹ Алкадари, Асари Дагестан, стр. 30.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Тизенгаузен, II, стр. 109

увеличить число сторонников ислама и укрепить его власть. Как писал В. В. Бартольд, «религия была для него лишь оружием, которое он умело использовал для достижения своих политических целей», он покровительствовал улемам, «беседовал с ними, как равный с равными, и относился с особым уважением к потомкам пророка»¹⁹⁴.

Так как Дагестан находился на стыке владений Тимура и Тохтамыша, и через Дагестан Тохтамыш неоднократно совершал набеги, то обе стороны придавали особое значение укреплению этой части Кавказа. Вот почему Тимур раздает здесь земли и усиленно насаждает ислам, не останавливаясь ни перед чем, в чем мы убедимся также при описании событий в Аварии, Зирихгеране (Кубачи) и Кайтаке.

К XIV в. ислам среди лаков утвердился окончательно. На могильных камнях XV в. встречаются почти только мусульманские имена и мусульманские формулы: Сурхай сын Хаджи — (1554—55 г.)¹⁹⁵; Мухаммед ибн Умал Мухаммед (1550/51 г.)¹⁹⁶; Муслим ибн Салман (сел. Сумбат, 1422 г.), Мухаммед ибн Будай (сел. Хури, 1463), Омар Ахмед (сел. Кумух, 1484 г.)¹⁹⁷, Мирза ибн Йакуб (1552—1553)¹⁹⁸.

Жители Кумуха предстают перед нами как активные проводники идей новой религии не только среди лаков, но также и в других районах Дагестана, особенно в аварских районах. Во многих аварских селениях распространение ислама связывают с именем газикумухов. В сел. Тинди еще сравнительно недавно указывали на могилы «воителей» из Кумуха, павших здесь «в борьбе за веру»¹⁹⁹.

Арчинцы также сохранили предание о лаках, которые вместе с аварцами уводили из Арчи «в плен большую часть жителей, обращали их в ислам и переселяли в разные места»²⁰⁰.

В последующее время, в XVI в., газикумухские шам-

¹⁹⁴ Бартольд, Улугбек, стр. 20—21.

¹⁹⁵ Лавров, СМАЭ, XVII, стр. 377—379.

¹⁹⁶ Каяев, Указ. соч., стр. 256.

¹⁹⁷ Саидов, О некоторых памятниках, стр. 127.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Малачиханов, Указ. соч., стр. 13—14.

²⁰⁰ Рукоп. фонд. ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 8, л. 32.

халы и их подчиненные ведут уже «религиозные войны» за пределами Дагестана. Об этом рассказывают нам две надписи из Кумуха, относящиеся к XVI в.:

«Это могила Бугдай Шамхала сына Умал Мухаммеда -- да простит их обоих Аллах — счастливого, (павшего) шахидом в движении (против) неверных в 974 г. 1536²⁰¹, обладателя власти, отважного». 974 г. хиджры соответствует 1566—1567 г.

«Юноша прекрасный, благороднейший, самый щедрый, славный, прощенный, счастливый, шахид, убитый в битве с кяфирами Черкессии — Мухаммед сын Амал Мухаммеда в (м-це) мухаррам года девятьсот шестидесятого²⁰²», т. е. 1552—1553.

«В бою с неверными» пали также Омар ибн Али и Ша"бан ибн Мухаммед, похороненные в 980 г. х. (1572—1573) в Хосреке²⁰³.

На основе эпиграфических данных в сел. Кумух можно заключить, что в XV в., а может быть и раньше, Кумух поддерживал религиозные связи с другими странами, особенно с Йеменом и Хиджазом. В Кумухе сохранилось древнее кладбище, называемое яманитал, т. е. йеменитов. Видимо представители из Йемена сыграли немаловажную роль как защитники ислама. На указанном кладбище сохранилась надпись о смерти в 1456 г. от холеры шейха Ахмеда, «благородного, родовитого, почтенного потомка пророка, светоча мира и мира, автора книги «Вафк ал-мурад» по фикху ...глубокого ученого йеменита, хусейнита, сейида Ахмеда сына Сеида...»²⁰⁴. К тому же надо прибавить, что к последней четверти XV в. относится упоминание о паломнике из Кумуха в Мекку и Медину²⁰⁵.

★ Рамки распространения ислама среди лакцев были настолько широки, что в конце XV — нач. XVI в. Кумух предстает перед нами как один из очагов мусульманской

²⁰¹ К а я е в, Указ. соч., 256. Надпись издана Л. И. Лавровым и А. Р. Шихсаидовым.

²⁰² К а я е в, Указ. соч., стр. 256.

²⁰³ Л а в р о в, Материалы, стр. 175; Его же, Эпиграфические памятники, стр. 152.

²⁰⁴ С а и д о в, Указ. соч., стр. 123.

²⁰⁵ С а и д о в, Там же, стр. 127. Слово ал-Харамайн («два священные города», т. е. Мекка и Медина) случайно не упомянуто в русском переводе.

учености и мусульманской культуры в Дагестане. Выдвигается целый ряд местных ученых, серьезно изучающих средневековую мусульманскую науку, вопросы богословия, грамматики арабского языка, философии, логики.

* *
*

Особый интерес представляет вопрос о принятии ислама жителями Кубачи. В IX—X вв. это было «царство» Зирихгеран. Не прошло и двух веков, как уже термин «царство» к нему не применяется. Вот что сообщает упомянутый выше автор XII в. Абу Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати: «Близ Дербенда — большая гора, у подножья которой (имеется) два селения. Живет в них народ, называемый зирихгеран, т. е. панцироделатели»²⁰⁶. Здесь уже речь идет не о царстве, а только двух селениях. Здесь имело место одно из двух обстоятельств: или часть земель Зирихгерана была захвачена другими владельцами (например, правителями Кайтака), или же имело место слияние отдельных населенных пунктов в более крупные. Для XI—XIII веков наиболее приемлемым является второе предположение, ибо самостоятельное существование Кубачи прослеживается еще в конце XIV в. Когда ал-Гарнати пишет о двух населенных пунктах, то можно предположить, что речь идет о двух наиболее крупных и известных своим ремесленным производством населенных пунктах, в частности современных Кубачи и Амузги Дахадаевского района. Зирихгеран представлял еще сильную политическую единицу: в середине XII в. жители Зирихгерана оказали достойное сопротивление правителю Дербенда, с большим войском задумавшего подчинить Зирихгеран.

Кажется удивительным факт непринятия ислама жителями Кубачи и близлежащих селений, если учесть географическую близость Дербента, одного из опорных пунктов ислама в Дагестане и даже за его пределами.

Ал-Гарнати дает исключительно ценные сведения о языческом похоронном обряде жителей Зирихгерана в XII в., почти повторяющем обряд зороастрийцев, а также

²⁰⁶ Al-Garnati, стр. 82—83; Ср. Также: ЗВО РАО, т. XII, в. 4, стр. 104 (араб. текст); МА, VII, 700—701 (нем. пер.).

данные о поражении дербендского правителя эмира Сейф ад-дина Мухаммеда ас-Сулями в 1126 г. в борьбе с зирихгеранами.

В этом отношении представляет также интерес арабская приписка, сделанная на полях одного из списков «Дербенд наме», отмеченного серединой XIX в.:

«История (распространения) ислама (в) Дагестане Абу Муслимом и строительства Кала-Курейша и разрушения крепости Анджи в 114 г. хиджры... и ислама Кубачи... Между (принятием) ислама (в) Дагестане и (принятием) ислама (в) Кубачи (промежуток времени в) пятьсот семьдесят лет»²⁰⁷. Значит исламизация Кубачи отнесена примерно к 684 г. х., т. е. 1285—1286 г. Традиция признает, как мы видим, исключительно позднее признание новой религии в Кубачи. Все это подтверждается приведенными выше сообщениями автора XII в. ал-Гарнати о немусульманском похоронном обряде жителей Зирихгерана, а также следующим красочным описанием похода дербендского правителя и союзных войск против «языческого» Зирихгерана:

«И сказал я амиру Абд ал-Малику сыну Абу Бекра в Дербенде: «Каким образом оставляется этот народ (чтобы он) не принял ислам и не платил ни джизьи, ни хараджа?»».

Тогда он ответил: «у них... правителя. Вот приказал мне амир Сейф уд-дин Мухаммед ибн Халиф ас-Сулами, владетель Дербенда, да смилостивится над ним Аллах — и я видел его и он оказал мне почет — да наградит его Аллах добром. Сказал: тогда я вышел и собрал отряд из тюрок и других, а амир вышел (во главе) жителей Дербенда. И пришли также люди из гор, из Лакзан, Филан и другие. И мы были в войне подобно морю. Затем устремились мы на эти два селения, а у них нет ни укреплений, ни крепости. Тогда они заперли свои ворота. И мы — первые, кто видел первое селение. Тогда из-под земли вышли несколько человек, без оружия, остановились, сделали знаки руками в сторону гор и заговорили их языком, которого я не понял. Затем они скрылись под землей. Вслед за тем настиг нас холодный ветер и большой снег, так что мы перестали видеть что-либо, в то время как небеса низвергали на нас снег и холод. Тогда

²⁰⁷ Дербенд наме (Матенадаран), стр. 47 (6).

мы отступили, и мы не знали, куда идти, ни я, ни другие»²⁰⁸. Дальше рассказывается об отступлении и заканчивается рассказ:

«И не удалось нам взять от них хотя бы лепешку и не воевал с нами никто из них, и (все) это ничто иное как колдовство со стороны людей, которые отделяют (от мяса) кости покойника»²⁰⁹.

Сообщение это как-то не согласовывается с известием ал-Масуди (X в.), писавшего о зирихгеранах, что «исповедуют они различные религии — мусульманскую, христианскую, иудейскую»²¹⁰. Часть мусульман была, возможно, уроженцами или потомками уроженцев Средней Азии, в частности из Мерва, одного из крупных культурных, торгово-ремесленных и административных центров. В Кубачи встречаются бронзовые котлы (относящиеся к XI—XIII в.), с плоскорельефными надписями, одна из которых гласит: «сделал Абу Бекр б. Ахмад Марвази»²¹¹, т. е. Мервский. Имя здесь чисто мусульманское и оно принадлежит, очевидно, жителю Кубачи, ибо в нем налажено было массовое производство бронзовых котлов²¹².

Очевидно, мусульманские элементы в X—XI вв. в Зирихгеране действительно имелись, но число их было, возможно, незначительно, чем и можно объяснить сообщение ал-Гарнати о совершенном отсутствии их в середине XII в. Влияние христианства было более заметным. Еще в 1782 г. Грабшем и Грулем были обнаружены остатки «трех христианских церквей» и на одной из них сохранилась дата начала XIII в.²¹³. Одно из высоких зданий, сохранившееся и поныне в Кубачах, местное население называет «церковью»²¹⁴. Сообщение ал-Масуди о наличии христианского населения в Зирихгеране и сообщение ал-Гарнати о язычниках находят более достоверное подтверждение, нежели сведения о мусульманском населении «царства» Зирихгеран.

²⁰⁸ Al-Garnati, стр. 85—86.

²⁰⁹ Там же. Ср. нем. пер. Б. А. Дорна: *Auszüge aus vierzehn Schriftstellern*, S. 703.

²¹⁰ Masoudi, II, стр. 40.

²¹¹ Такой же котел с той же надписью хранится также в историческом музее Дагестанского государственного университета.

²¹² Орбели, Албанские рельефы.

²¹³ Шиллинг, Кубачинцы, стр. 13.

²¹⁴ Там же.

Надпись из Кубачи²¹⁵, о которой впервые сообщил Б. А. Дорн, может в какой-то степени подтвердить сообщение приведенной выше арабской записи о времени принятия ислама. Надпись зафиксировала строительство медресе «в дни поражения этой страны чумой» в 1404—1405 г.²¹⁶ Это один из самых ранних датированных памятников из Кубачи. Он рассказывает о строительстве мусульманского духовного училища — факт, предполагающий наличие значительного по числу мусульманского населения к началу XV в. Это делает правдоподобным сообщение о принятии ислама частью населения в конце XIII в.

В свое время кубачинская надпись была прочитана неточно, что и повлекло за собой неверное представление о времени распространения ислама в Кубачи. Б. А. Дорн писал: «Надпись 807 = 1404/1405 г. хиджры находится на медресе. Она рассказывает, что медресе это построено в то время, когда пришла к ним (--т. е. жителям Кубачи — А. Ш.) религия Аллаха. Также согласно надписи, в упомянутом же году они стали мусульманами. Древнейшая надпись в Кала-Курейше относится к 826 = 1422/1423 г. Эти надписи опровергают раз и навсегда указания Клапрота относительно 1459 г. и не подтверждают также высказывания кубачинцев, которые поверхностно (1861 г.) заявляют, что стали мусульманами почти пятьсот лет тому назад»²¹⁷.

Авторитетное мнение Б. А. Дорна было принято многими учеными²¹⁸ без оговорки и, таким образом, исламизация Кубачи была отодвинута примерно на сто лет и отнесена к началу XV в. Л. И. Лавров дал новое чтение надписи²¹⁹, позволявшее уточнить установившееся мнение — надпись зафиксировала не дату принятия ислама или строительства мечети, а время строительства медресе.

²¹⁵ Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 129.

²¹⁶ Д. Н. Анучин пишет о надписи 1397 г. — Анучин, Отчет, стр. 4—5.

²¹⁷ Дорн, Vierzehn Schriftstellern, S. 717.

²¹⁸ Генко, Арабский язык и кавказоведение, стр. 91; Шиллинг, Кубачинцы, стр. 12; Магомедов, История, стр. 272; Шихсидов, Когда и как, стр. 26; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 86.

²¹⁹ Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 129.

С Весьма характерно, что легенда связывает исламизацию Кубачи также с XIII в., а именно со временем после монгольских завоеваний, причем особо подчеркивается насильственный характер этого процесса, а также место христианства в жизни аула. Предание гласит, что кубачинцы, жившие раньше в долинах, при нашествии войск Чингис-хана на аварские владения, ушли в горы, обосновались там, где сейчас аул расположен, «где по многих претерпенных ими гонениях от мусульманов, принуждены были оставить христианский закон и пребывшие несколько лет в неверии, напоследок приняли магометанскую веру»²²⁰.

Вопрос о принятии ислама жителями Кайтака также мало изучен, хотя представляет значительный интерес. В распоряжении исследователей нет в настоящее время данных о первых попытках исламизации даргинских земель. Однако ряд данных говорит о том, что в XII—XIV в. Кайтак, как и Зирихгеран (Кубачи), вошел в состав «мусульманских» областей.

Одно из наиболее сильных государственных владений Дагестана Кайтак в XI—XIII вв. значительно усиливается, а в XV в., оправившись от тимуровского погрома, вновь занимает одно из ведущих мест в политической и экономической жизни Дагестана. Границы Кайтака к концу XV в. значительно расширились за счет включения плоскостных земель, а также подчинения Кубачи.

Абу-л-Фида (1273—1331), арабский энциклопедист, историк и географ, отмечавший в своей работе наиболее крупные области, сообщил также о Кайтаке:

«Кайтак — также племя (джинс), живущее в горах, связанных с Лакзом с северной стороны... Их горы господствуют над Баб ал-хадидам».

Столицей Кайтака был Кала-Корейш, где сохранилась превосходная мечеть и так называемое уцмийское кладбище. Кала-Корейш — древнейший населенный пункт, и этим только можно объяснить арабское происхождение, которое ему приписывают. Аул был хорошо укреплен естественными преградами — окружен лесом и расположен на труднодоступной местности. Впоследствии Корейш как столица был заменен Уркарахом, и затем центр уцмийства был перенесен в Маджалис.

²²⁰ Архив ЛО ИНАЗ, II, 2, 1, стр. 300—301.

Наиболее ранним памятником — мусульманским культовым зданием является сохранившаяся в настоящее время мечеть с превосходным стукowym михрабом, споясанным арабским текстом п-образной формы, выполненным в стиле «цветущего куфи».

Первая вертикальная полоса содержит мусульманскую басмалу («Во имя Аллаха милостливого и милосердного»), горизонтальная — формулу единобожия²²¹.

Датировка памятника затрудняется тем обстоятельством, что кала-корейшская мечеть единственный в своем роде памятник архитектуры и архитектурной резьбы Дагестана и поэтому палеографический анализ в сравнении с подобными памятникам не представляется, разумеется, возможным. Исследователь памятника П. М. Дебиров привлек наиболее близкий по форме материал из Азербайджана (мечеть Пир Гусейна близ сел. Анджи-Кабул), Средней Азии (мечеть Шир-Кебир в Туркменской ССР), хорошо разработанную арабскую графику средневекового куфи в Средней Азии, а также орнаментику резных дверей мечети из селения Рича и пришел к выводу о возможности датировать калакорейшский михраб, затем и мечеть XII—XIII веками²²².

К тому же времени, т. е. не позже XIII в. палеографически можно отнести наиболее раннюю надпись о местном правителе, которая сохранилась на местной плите, что внутри калакорейшской мечети: «Владыка Аллах, единый, всепобеждающий. Обладатель этой могилы в знании напоминает деяния пророков, а благочестие его подобно благочестию Абу Бакра, а добродетель его подобна доблести Али, а справедливость его подобна справедливости халифов, ведомых по праведному пути, и он обладатель Калакурайша, Ах-с-б-р б. Хиздан, да осветит Аллах его могилу, да простит Аллах его грехи»²²³. Л. И. Лавров, опубликовавший полный текст (рисунок) надписи и перевод ее, обратил внимание на то обстоятельство, что упомянутый в надписи Ах-с-б-р сын Хиздана — «самый ранний, неизвестный по другим источ-

²²¹ Дебиров, Архитектурная резьба, стр. 17—22.

²²² Там же, стр. 27.

²²³ Лавров, Новые материалы, стр. 279—281; Его же, Эпиграфические памятники, стр. 111—112, 285. Прорисовка надписи была опубликована Б. А. Дорном — см.: Дорн, Атлас, отд. I, табл. XVIII.

никам, предшественник и, возможно, предок уцмиев, однако, как видим, еще не носивший титула усми»²²⁴.

Важно еще одно обстоятельство — ни имя владельца Кала-Корейша, ни имя его отца не являются мусульманскими. В генеалогических таблицах кайтагских уцмиев он не встречается, что дает повод к двум предположениям: он не был уцмием всего Кайтака, а владел именно Кала-Корейшем; или же у него было мусульманское имя, которым в генеалогии было заменено «языческое» Ахс-б-р. Первое предположение кажется нам наиболее вероятным, ибо в самом тексте надписи говорится о «Владельце Калакорейша», а не Кайтака, хотя термин этот известен еще в раннем средневековье.

Среди недатированных надписей в даргинских районах следует упомянуть также врезные куфические надписи из Уркараха и Кала-Корейша (разобрать удалось только басмалу), отнесенные Л. И. Лавровым к XI—XII вв.²²⁵, рельефное куфи из Кубачи²²⁶, надпись из Шири (Дахадаевского р-на) с формулой единобожия и две плиты с куфическими надписями, вмонтированные в стену пятничной мечети Уркараха, относящееся палеографически ко времени не позже XI—XII вв.²²⁷, а также куфическая надпись²²⁸ из местечка Кулза близ селения Ашты, которую также можно отнести к XI—XII в. («Владычество принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему»).

К наиболее ранним надписям на территории Кайтака, отмеченным датой, можно отнести три:

1) Надпись из Кала-Корейша, сохранившаяся в бумагах Б. А. Дорна о строительстве дома в 826 году (1422—1423) с указанием имени (обитателя его) Башира (?) сына Ислама²²⁹;

2) надпись на северной стене мечети в сел. Тама Дахадаевского р-на (сфотографированная нами в 1961 г.): «Приказал построить эту мечеть... в году восемьсот восьмом по хиджре пророка», т. е. 1405/1406.

3) Надпись на надмогильной плите — в том же селе-

²²⁴ Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 193.

²²⁵ Там же, стр. 77.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Обнаружены в 1968 г.

²²⁸ Обнаружена М.-З. Османовым.

²²⁹ Лавров, Эпиграфические памятники, стр. 133.

нии: «Прошенный (покойный) Ибрахим сын Халила-да простит их обоих (Аллах) 888»²³⁰, т. е. 1483 г.

По рассказам жителей селения, эта могила, как и соседняя с ней принадлежит проповедникам из Шама. Эти три надписи нанесены на памятниках различного назначения — культовые и гражданские сооружения, но все они принадлежат обществу с уже мусульманскими традициями, причем имена, включая и кунью — чисто мусульманские (Ибрахим сын Халила, Башир сын Ислама).

Надпись на деревянных дверях упомянутой мечети из селения Тама подтверждает это мнение. Она нанесена угловатым, сходным с куфи почерком, высокими, стройными буквами и гласит: «Ворота ворот. Владычество принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему».

Видимо XIV в. был тем этапом, когда распространение новой религии осуществлялось усиленными темпами. Политический фактор только способствовал этому, а пребывание войск Тимура сыграло здесь, как и в Кубачи немаловажную роль. Автор «Книги побед» Низам ад-дин Шами, довольно подробно описавший поход Тимура в Дагестан, дает сведения также о Кайтаке и Зирихгеране конца XIV в.

Войны Тимура как у Шами, так и у Иезди, использованного сочинения первого, изображены, прежде всего, как войны религиозные. Тимур в первую очередь воюет с «неверными» и силой обращает их в ислам, а тех, кого обратил в ислам, побуждает к религиозной войне с «неверными» соседями. Воины Тохтамыша, с которым воюет Тимур, представлены Тимуром перед своими воинами в качестве «неверных». Тимур не признает никакой религии, кроме ислама и преследует как христиан, так и язычников: «И еще в горах он взял бесчисленные области... покорил, даже нет — уничтожил врагов... Один-два дня пылал огонь гнева, он сжег и сухое и мокрое, разрушил все их церкви и капища идолов (бутхане)» — пишет Шами²³¹. Он воюет с жителями Ускуджи и Кайтаком, где

²³⁰ Дата на фотографии не получалась, поэтому я восстанавливаю ее на память, возможны отклонения.

²³¹ Тизенгаузен. т. II, стр. 123.

население объявлено «неверным»²³². Война с «неверными» в глазах Тимура и мусульман явилась «священной войной» за веру и поэтому поддержка завоевателя-мусульманина со стороны мусульман, окруженных неверными, воспринималась Тимуром как должное. И не удивителен поэтому тот упрек, который Тимур бросил газикумухцам, уже мусульманам, по случаю их выступления против Тимура на стороне «неверных» из Ускуджа:

«Прежде вы, приверженцы ислама, всегда воевали с неверными, что стало теперь, что вы отступив от этого, шли к ним на помощь»²³³, — говорит он представителям Гази-Кумуха, пришедшим с повинной после разгрома их войсками Тимура. Таково отношение к мусульманам. Совсем иное отношение мы видим к Зирихгерану, объявленному «неверным». Война с ним законна и их выступление против Тимура не было бы неожиданным. Но жители Зирихгерана и на этот раз сумели воспользоваться своим экономическим положением. «Все жители Зирихгерана встретили царственный поезд подчинением и повиновением и поднесли ему множество броней и кольчуг... Народ кайтагский также покорился и просил помилования». События эти происходят «в начале весны 798 г. (16.X.1395—4.X.1396)»²³⁴.

Можно предположить, что окончательное принятие ислама жителями Кубачи связано именно с этим походом и с именем Тимура. Ислам был насажден здесь завоевателем насильственно, ибо принятие ислама стало необходимым для жителей Зирихгерана для ограждения «области» от разрушений, связанных с походом войск Тимура. Представляет интерес также то обстоятельство, что после XIV в. Зирихгеран получает тюрское название «Кубачи».

Выше мы уже упоминали, что наиболее ранняя надпись в Кала-Корейше относится к 1422 году. Однако ислам принят был здесь значительно раньше, чем в Кубачах, т. к. надпись эта не говорит о начале ислама, а о наличии мусульман. К этому же народное предание

²³² Согласно преданию, в последнюю очередь ислам приняли жители Усиша (канд. ист. наук Б. Алиев отождествляет его с Ускуджа, — см. Алиев, стр 7.), Муги и Мекеги.

²³³ Тизенгаузен, II, стр. 186.

²³⁴ Там же, стр. 185.

также сообщает о принятии ислама в Кубачах позже чем в Кала-Корейше и селении Ашти²³⁵.

К приходу Тимура в Дагестан, т. е. к концу XIV в. «немусульманским» (вернее, не принявшим окончательно ислам) оставался не только Зирихгеран, но и окружавшие его земли, Вся «область» Кайтаг названа Тимуром страной «неверных». Поэтому Кайтаг и подвергся такому опустошительному набегу со стороны тимуровских полчищ, тем более, что «неверные» кайтагцы поддерживали «язычника» Тохтамыша. Войска Тимура «прошли через Дербенд и дошли до иля и области кайтагов, которые были сторонниками Тохтамыша-хана. Он (Тимур) признал необходимым подавить их. Обратив внимание на уничтожение и искоренение их, он так напал на их стороны и края, что из множества спаслись (даже) немногие и из тысячи один»²³⁶.

Та же самая участь постигла жителей Ускудши. По поводу оказания помощи этим «неверным» и «отчитывал» Тимур «Шаукала Казикумухского и Аухарского». Как сообщает Шараф ад-дин Иезди, войска Тимура захватили Ускудша, убили всех неверующих и «опустошили всю их область»²³⁷.

Конечно, когда Тимур называет жителей Зирихгерана, Ускуджа или Кайтака «неверными», то надо иметь в виду, что это могло быть сделано из политических соображений, для удачного использования религиозных чувств своих воинов или потенциальных союзников в борьбе против «неверных», если они даже и были мусульманами, как это имело место с Тохтамышем или же впоследствии, при сефевидских походах в Дагестан, по отношению к мусульманскому населению Дагестана. Поэтому объявление «неверным» еще не означало отсутствия мусульманских элементов, даже значительного числа их в той или иной области. Возможно, в даргинских землях ко времени похода Тимура еще не было тех сложившихся традиций, как у казикумухцев или же жителей Южного Дагестана, но проникновение мусульманских идей, строительство культовых и других сооружений в этой области до тимуровских походов очевидно.

235 Шиллинг, Указ. соч., стр. 7, 8.

236 Тизенгаузен, II, стр. 119.

237 Там же, стр. 186.

Тимур завершил процесс исламизации, расширив территориальные рамки ислама, поддерживал его, сделал его вместе с тем идеологической опорой для местных правителей. В 1466 году Афанасий Никитин сообщает имя Кайтагского правителя («Алилбек, Кайтагский князь»²³⁸, — первое достоверное упоминание мусульманского правителя Кайтага).

Упрочение позиций ислама в Кайтаке после похода Тимура можно усмотреть в факте наличия здесь местной династии правителей с мусульманскими именами (Султан-Ахмед, Хан-Мухаммед и т. д.) в XVI в., а также в той роли, которую играет мусульманское духовенство, в защите интересов феодальной верхушки: именно главному кадию магала передает Султан-Ахмед, уцмий кайтагский, сборник обычаев и распоряжений, «чтобы в судах решали народные дела, руководствуясь таковым»²³⁹.

В последнюю очередь подверглись окончательной исламизации аварские районы.

В X—XIV вв. Аварское нуцальство представляет собой одно из сильных дагестанских владений, наряду с Кайтаком и Газикумухом. Территория Аварии значительно расширились, и у историков и географов, писавших в XI—XIII вв., под названием Серир начинают подразумевать территорию, превышающую размеры собственно Аварии. Только этим можно объяснить такое сообщение известного энциклопедиста XIII в. Якута (по данным X—XI вв.) в статье «Эрминийа»²⁴⁰ из «Словаря стран»:

«количество владений ее (Эрминийи) — сто восемнадцать царств, среди них — Сахиб ас-Серир, царство ал-Лакз, Баб ал-абваб... И она (очевидно, Эрминийа) (имеет) восемнадцать тысяч селений. Арран же первое царство его в Эрминийе, в нем (Арране) (имеется) четыре тысячи селений и большинство их (селений) принадлежит Сахиб ас-Сериру. А остальная часть, что между ними, превышает четыре тысячи и меньше, чем царство

²³⁸ Афанасий Никитин, стр. 28.

²³⁹ Алкадари, Асари Дагестан, стр. 42.

²⁴⁰ Эрминийа, административно-территориальная единица, заключавшая при арабах Армению, Восточную Грузию, Азербайджан, Арран, часть Дагестана, соответствовавшая, в основном, сасанидскому северному кустаку. Столица — сначала Двин, затем Бердаа — см. Сукиасян, стр. 361—67.

Сахиб ас-Серира. К ней (Эрменийе) относится также Ширван, правителя которого зовут ширваншах».

Другой автор, знаменитый арабский энциклопедист, историк и географ Абу-л-Фида (1273—1331) в своем сочинении «Таквим ал-булдан» («Перечень стран») также констатирует (со ссылкой на более ранних авторов), что «...Серир — климат и обширное царство в стране ал-Лан близ Баб ал-абваба... В «Китаб ал-атвал» сказано: «Страна Сахиб ас-Серир — долгота ее 70°4' и широта 40°8', ...Сказал Ибн Саид: город ас-Серир — столица страны Серир»²⁴¹. Далее он дает более подробные сведения о Серире, относящиеся к XIII в.: «К востоку от М.т.р.ха — река овец, на которой стоит страна Серир, а столица Серир — на горе, смежной с горой языков. Эта река — большая, она замерзает зимой и по всей переходят животные, она впадает в Хазарское море. К югу от нее впадает река Малый Итиль и протекает она к югу от реки овец, так что между ними остров, ширина его около трех переходов»²⁴².

Небезынтересно и другое сообщение. В географическом сочинении XIII в. на персидском языке дано довольно интересное и подробное описание Серира и его правителя: «Серир — это область (вилайят) между Абхазом (Грузией), Кипчаком, Ширваном и Дербендом; область большая, очень возделанная, трудно доступная, с большим количеством населения... Их падишах древнего рода и щедрый. Там есть престол (тахтгах), корона и показывающий мир кубок (джам) Кей Кусроу. Есть обычай, что в день Нового года (падишах) идет туда, где находится престол, садится на него, дает обещания, заключает договоры, приносит обеты и (затем) возвращается»²⁴³.

Эти сообщения говорят о том, что территория Серира по сравнению с VI—X в. значительно расширилась. Усиливается власть правителя Серира. В политической жизни восточного Кавказа, в частности Дербенда, Серир стал играть в X—XI вв. огромную роль, что хорошо прослеживается в «Истории Ширвана и Дербенда»²⁴⁴. Серир

²⁴¹ A b o u l f é d a, Geographie, стр. 404—405.

²⁴² Там же, стр. 204.

²⁴³ М и к л у х о - М а к л а й, стр. 205—206.

²⁴⁴ М и н о р с к и й, История Ширвана и Дербенда, стр. 48, 51, 53, 54, 65 и т. д.

активно вмешивается во внутреннюю жизнь Дербенда, Ширвана, Газикумуха, соседних сельских обществ, заключает соглашения с другими кавказскими владениями, его правитель вступает в родственные связи со многими правителями Кавказа.

Мы уже указывали, что слово «Серир» встречается только у арабских и персидских авторов. Они слова «Авария» не знают. Дагестанские же авторы, наоборот, пишут «Авария» и лишь один раз, в XV в. применяют слово Серир. Более того, дагестанские хроники чаще пишут о Хунзахе. Это и понятно, если иметь в виду, что Хунзах и в XI—XIII вв. и позже выступает как главный центр Аварии, как один из значительных населенных пунктов Дагестана. Этим только и можно объяснить попытку этимологизировать Хунзах через «Хан-забах», что в переводе означает «место пребывания ханов».

Не случайно поэтому дагестанские хроники часто упоминают Хунзах. В одной из них, под 654 годом (1256) так и подчеркнуто, что после смерти Абумуслима, «имама Аварии», «на его место стал амир Хунзах из рода Сураката, и в руках его остался султанат и был многочисленным его род... Все амиры Хунзаха из рода Сураката»...²⁴⁵

Процесс исламизации нагорного Дагестана представляет собой интерес в силу его своеобразия — именно здесь ислам в своем движении в горы столкнулся с другой монотеистической религией — христианством, успешным занять здесь довольно прочные позиции к X—XI вв. и продолжавшим проникать в самые отдаленные горные аулы в последующие века.

Проникновение христианства в аварские районы связано с соседней Грузией, взаимоотношения которой с Дагестаном в V—XIV в. пережили два основных этапа: если на первом этапе (V—X вв.) военно-политические контакты доминируют, второй этап (XI—XIV вв.) характерен усилившимися торгово-экономическими и культурными связями, особенно усилением идеологического воздействия христианской церкви в «языческих районах» нагорного Дагестана.

Как известно, в VII—X вв. ряд западнодагестанских

²⁴⁵ Из истории Дагестана. Запись Инкачилау. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 378, л. 6 (6).

земель находился под известным влиянием грузинских «царств», немаловажное место занимали широкие политические связи. Стремление укрепить свою власть в западных районах Дагестана толкали грузинских феодалов к попыткам утвердить здесь христианство²⁴⁶. Грузия в идеологической области, в частности в области распространения христианства стала играть в западных районах Дагестана такую же роль, какую играла Армения в V—VII вв. в отношении Южного и Северного Дагестана. По сообщению грузинских хроник царь Арчил (668—718) насильно обращал в христианство «язычников», в том числе тушин и хунзов, т. е. аварцев. В Цукети, т. е. Цахурском участке им была выстроена «церковь Косри».

Обнаружение в Аварии большого числа христианских памятников-могильников VIII—X вв. (близ сел. Урада, Тидиб, Хунзах, Галла, Тинди, Кванана Ругуджа)²⁴⁷ само по себе говорит о количестве христианских элементов в нагорном Дагестане. В XI—XIV вв. вместе с усилением политического влияния на Дагестан и усилением торгово-экономических контактов грузинские правители придают еще больше значения религиозному фактору. Предпринимаются новые попытки насадить в районах Дагестана христианство, усиливается миссионерская деятельность, строятся памятники христианского культа. В XI—XII вв. христианские храмы были «в Анцухе, Тенухи», у «народов Хундзи». Сохранялись остатки христианских культовых зданий, в частности храм в Датуне, датируемые концом первой половины XI в.²⁴⁸ Нередко грузинское население переходило на территорию Дагестана и приобретало здесь вторую родину. Оседали также посаженные на землю военнопленные. Не случайно поэтому грузинские имена и ныне встречаются в Аварии: Илитай, Тамарай, Гьеркекли (Ираклий), Гандуник (Андроник), Клушканти (Константин), Харитон, Илишу (Елисей), Георги, Бежан и др.

Активная деятельность христианской церкви в Дагестане связана с именем царицы Тамары, в правление

²⁴⁶ О взаимоотношениях Грузии и Дагестана до XV в. — см. диссертацию М. Гасанова «Взаимоотношения».

²⁴⁷ Атаев, Нагорный Дагестан, стр. 199.

²⁴⁸ Шмерлинг, Храм близ Датуна, стр. 9—10; Бакланов, Художественная культура, стр. 264.

которой предпринимались неоднократные и небезуспешные попытки христианизировать многие северокавказские народы.

С процессом христианизации, а также усилением культурно-религиозных контактов связано также распространение грузинского письма в Дагестане. Здесь найдено семнадцать грузинских надписей. Как правило текст надписей канонический. Некоторые из них двуязычны (билингвы) — на грузинском и аварском языках.²⁴⁹

Эти надписи являются памятниками истории аварского языка и впервые документируют попытки приспособить грузинский алфавит для написания аварских слов. Попытки использовать грузинское письмо для передачи местных слов и выражений имели бы место только в том случае, если грузинский язык и грузинское письмо имели в аварских районах сравнительно широкое распространение. Здесь небезынтересно привести сообщение «Картлис Цховреба» — свода древнегрузинских летописей: «Первоначально... кистины, глигвы и дзурдзуки говорили по-грузински и были христианами. И лезгины были христианами и сохраняли язык грузинский до нашествия Тимурленга, который покорив их, то лестью, то угрозами совратил в магометанство и назначил им мулл из арабов... он издал также строгое повеление, чтобы лезгины отныне не учились ни чтению, ни письму на грузинском языке».

Высказывание это весьма характерно. Если отбросить преувеличения, то приходится признать все-таки определенное влияние христианства и грузинского языка в Западном Дагестане.

Если по данным арабских источников в X в. в Серире только «царь», его семья и жители крепости были христианами, а остальные жители — язычниками, то перечисленные выше христианские памятники позволяют судить о значительном расширении в XI—XIII вв. границ, охваченных христианством и христианским влиянием. Довольно убедительным дополнением к указанным источникам могут быть данные фольклора и топонимики аварских районов.

²⁴⁹ Г у д а в а, Две надписи, стр. 185—193; Ч и к о б а в а, Грузинско-аварская надпись, стр. 324—327; Атаев. Нагорный Дагестан, стр. 196—214

В XI—XIII вв. мы сталкиваемся с довольно интересным явлением: в Дагестане одновременно проникают две религии — ислам и христианство. С юга — идет упорное проникновение ислама, с запада — при активной роли Грузии — идет процесс проникновения христианства в аварские районы.

Столкновение интересов христианства и ислама приняло поэтому в аварских районах наиболее ожесточенный характер, что отразилось в народном устном творчестве, и именно в этих районах мы наблюдаем не только факт позднего распространения мусульманской религии, но также преобладание насильственных мер в процессе ее распространения и насаждения. Сведение названной выше хроники ценно и в другом отношении. Оно датирует тот рубеж, когда грузинское влияние стало ослабевать. Роль ислама здесь оказалась весьма существенной. Христианство, позиции которого все же были непрочны, постепенно и не без сопротивления вынуждено было уступить место новой монотеистической религии, а в XIII—XV вв. ислам действительно укрепился в западных районах, превращаясь в борьбе с язычеством и христианством в государственную религию.

Изучение процесса исламизации аварских районов представляет большие трудности, ибо документальных данных сохранилось мало, а арабская эпиграфика совершенно бедна. Наиболее ранняя датировка надписи из Хунзаха (в стене бывшей мечети квартала Самиял) отмечена датой 934 г. хиджры (1527—1528 г.) и не может служить надежным источником в данном вопросе²⁵⁰.

Однако отсутствие большого числа письменных сведений возмещается сообщениями хроники, записанной Инкачилау²⁵¹, рассказывающей первые шаги ислама: три потомка пророка — «имам, владелец обнаженного меча и великий прославленный шейх Ахмед», Абдаллах и Абд ал-Муслим — распространили ислам на территории «Гара-Хайдака» (т. е. Кара-Кайтака), а затем «рас-

²⁵⁰ М.-С. Саидов, сообщивший об этой надписи, указывает 734 г. х. т. е. 1332/1333 г. (См.: Саидов, О распространении стр. 44), но на фотографии четко читается 934 г. хиджры.

²⁵¹ К истории Дагестана. Запись Инкоалу. В конце рукописи копии отмечено: «Это я, Дишу, из рода Абдулы хана — написал в 960 г.», т. е. 1552—1553 гг. Далее — о переписчике: В Тидибе, из сочинения, (переписанного) рукой Мухаммеда сына Айкулау, 1926 г.

пространили они ислам от Гара-Хайдака до Чирюрта, в котором был Кахар, брат Сураката. И они убили его (т. е. Кахара), разрушили место (жительства) его и сожгли крепость его. Затем они вернулись оттуда. Тогда были убиты шейх Ахмад и Абдаллах и оставался Абд ал-Муслим. Затем Абд ал-Муслим и воины его направились против Сураката, который был в горах. Затем Абд ал-Муслим убил его, захватил всю казну его, сжег крепости его, и обосновался Абд ал-Муслим в Аварии имамом для всего Дагестана и всех мусульман... И имело это место в 654 году (1256)»²⁵².

Работа по источниковедческому анализу этой хроники еще впереди, еще трудно установить историчность указанных носителей идей ислама «из рода пророка», но документ хорошо отразил факт сравнительно поздних попыток исламизации Аварии, относящихся к XIII веку. Очевидно, это было не последней акцией проповедников новой религии, ибо реакция сторонников «языческих» верований была еще сильна.

Дагестанская хроника «Тарихи Дагестан» ярко подчеркивает непрочность позиций ислама прежде всего в столице Аварского нуцальства — Хунзахе. По ее сообщению, Амир Султан сын Байрампаса, сына Сураката, бежавший в свое время в Тушетию, получил помощь от алан, собрал большое войско «от границы Цумта Дидо до оконечности Аришти (чеченское племя)» и, заручившись поддержкой своих «земляков, которые остались в земле отцов своих, только наружно исповедовали ислам», напал на Хунзах и убил его мусульманского правителя Амир-Ахмеда сына Чуфана, сына Султана, сына Майсумбега. «Они также умертвили всех мусульман, которые жили в этом городе». Только по прошествии четверти века «неверные», уставшие и лишенные продовольствия, вынуждены были подчиниться и принять ислам²⁵³.

Таким образом, можно предположить, что примерно в конце XIII и начале XIV вв. в Хунзахе ислам утвердился окончательно, все более и более подвергая своему влиянию соседние земли. Хунзах, став мусульманским, превращается в опорный пункт и рассадник идей ислама, подобно Дербенду, Цахуру, Кумуху. К концу XIV в. для

²⁵² Там же, л. 6-б (араб. текст).

²⁵³ Дербенд наме, Приложение IX, стр. 177—178.

хунзахского правителя политика «войны с неверными за веру», т. е. политика насильственного насаждения ислама уже стала традицией, что указывает на давность принятия мусульманства правителем, его войском и старшинами.

Значение, которое ислам и духовенство успели приобрести к концу XIV в., лишней раз подчеркивается тем фактом, что во владениях «аухарских» имеются уже кадрии, которые, наряду со старшинами (калантарями) явились к Тимуру с повинной от имени всех аухарцев.

Ислам занимает здесь прочные позиции. Количество приверженцев «учения Аллаха» должно быть немалое, если судить по количеству войска (3.000), имевшегося в распоряжении правителей Гази-Кумуха и аухарцев.

Таким образом, в отношении Хунзаха и соседних селений состояние ислама в конце XIV в. — это итог проникновения религии, а не его начало.

К приходу войск Тимура, видимо, остальные части Аварии оставались язычниками, а также христианами. Упомянутые выше Шами и Иезди оставили нам описание одного из походов Тимура во внутренний Дагестан, в Аварию, сыгравшего немаловажную роль в судьбах язычества и христианства с одной стороны и мусульманства — с другой.

В 798 г. (—16.X.1395—4.X.1396) после ограбления черкесов, Тимур подходит к «горе Эльбурз» и оттуда идет на «Кулу и Таус», «области Эльбурзцев», завоевывает их, и «храбрецы... овладели... крепостью и умертвили множество людей из племени Иркувун, которые были в ней»²⁵⁴. Правда, о религиозных целях здесь ничего нет, но политика Тимура отмечена Иезди в связи с другим фактом — захватом «крепости Пулада», расположенной, видимо, за пределами Дагестана: Тимур овладел крепостью «мечом джихада, уничтожил многих из заблудших»²⁵⁵, а в другом месте «разрушил все их церкви и капища идолов (бутхане)»²⁵⁶.

Грузинская летопись сохранила нам сведения, относящиеся к деятельности Тимура непосредственно в Дагестане и проливающие свет на методы его в области

²⁵⁴ Тизенгаузен, II, стр. 181—182.

²⁵⁵ Там же, стр. 183.

²⁵⁶ Там же, стр. 123.

обращения аварцев в новую религию. По сообщению этой летописи, «лезгины» раньше были христианами, но Тимур, «покорив их, то лестью, то угрозами, совратил в магометанство и назначил мулл из арабов, которых обязал учить лезгинских детей письму на арабском языке; он издал также строгие повеления, чтобы отнюдь лезгины не учились ни чтению, ни письму на грузинском языке»²⁵⁷.

Таким образом, Тимур прилагает много усилий для укрепления позиций ислама в Западном Дагестане и это не прошло бесследно. Все же прочно утвердить ислам во всех районах ему, как можно предположить, не удалось. Борьба с христианством продолжалась, и грузинские цари не хотели так легко сдавать свои позиции в угоду новому учению. Как сообщает та же самая летопись, «лезгины» после принятия магометанства не допустили к себе священников, однако, грузинский царь Александр (1414—1442) изгнал арабских мулл «из Лезгинистана» и привел «страну в прежнее ее состояние»²⁵⁸.

Необходимость строго критического отношения к источникам известна, однако, сведения данного источника ничуть не противоречат местным источникам, а также преданиям. Тимуру не удалось укрепить новую религию во всех частях Западного Дагестана, и отдельные районы оставались еще приверженцами домусульманских представлений.

Процесс исламизации продолжается и в XV в., но уже местные силы выступают на первый план. Как сообщает Али Каяев, во многих местах Аварии встречаются надписи следующего содержания:

«Дата (принятия) ислама (в) Гидатле 880 г.—1475/1476²⁵⁹. Так например, в сел. Мачада (Советский р-н), на оконном тимпане дома Магомедовой Хадижат на треугольном камне высечена следующая надпись²⁶⁰:

880

год

Дата (принятия) ислама

²⁵⁷ Известия грузинских летописей..., стр. 551—52.

²⁵⁸ Там же, стр. 52.

²⁵⁹ К а я е в, Указ. соч., стр. 251.

²⁶⁰ Фотокопия с надписи любезно предоставлена в наше распоряжение кандидатом искусствоведения Дебиroyым П. М.

гидатлинцами
и чумы (среди) них
год 1102
и известного землетрясения — год 1078.

В сочинениях местных арабистов, как сообщает нам Багадур Малачиханов²⁶¹, дается не только дата принятия ислама гидатлинцами, но также имя распространителя религии — «просветителя Хаджи-Удурата из аула Мачада». Действительно, близ сел. Мачада (Советский р-н) до сих пор сохранился «зиярат» с записью на надмогильной плите: «Владелец этого камня Хадижат Удурат. Распространился от него ислам среди жителей Гидатля в 880 г.». 880 г. хиджры соответствует 1475/1476²⁶².

Что касается карахцев, то они приняли ислам (по их преданию) за сорок лет до гидатлинцев (т. е. в 1435 г.) и в то же время перешли к исламу цунтинцы²⁶³.

Гидатлинский союз, после принятия ислама местным населением становится, в свою очередь, одним из очагов распространения новой религии в соседних частях Аварии. Как отмечал Багадур Малачиханов, этот союз, ориентируясь на Кумух как на базу ислама, в свою очередь, в определенное время «играет роль форпоста в сторону племен Бегал и Чемал в бассейне Андийского Койсу. Имеются сведения о том, что в ауле Тинди еще сравнительно недавно указывались могилы древних воителей из Кумуха, павших здесь в борьбе за веру»²⁶⁴. Принятие ислама арчинцами также связывается традицией с деятельностью лакцев и аварцев, которые увели в свое время в плен большое число жителей Арчи, которых обратили в мусульманство и переселили в разные населенные пункты²⁶⁵.

Совместная идеологическая пропаганда Кумуха, Гидатля и Хунзаха нашла отражение в предании об ислами-

²⁶¹ Малачиханов, Указ. соч., л. 16.

²⁶² Эстампировано мною в 1959 г. В этом же году мною записано у жителя гидатлинского селения Тидиб Гаджиева Арифа следующее предание: в давние времена из Аравии приехал Шамхал, который оставался в местечке Цина, ныне хутор близ Урада. Вместе с ним приехали трое сыновей и дочь, которые остановились в селение Урада, Тидиб, Гента, Мачада, где и распространили ислам.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Малачиханов, Указ. соч., л. 16.

²⁶⁵ Рукописный фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 8, л. 32.

зации багулалов и тиндинцев: «некий Рутия был выселен из селения Хотода на почве кровной мести. Он переехал в Кумух и там принял ислам в 970—980 г. хиджры. После истечения срока пребывания в канлы он вернулся в село и начал заниматься проповедью ислама в своем роде «Есси». Впоследствии он приглашает войска из Кумуха, Гидатля и Хунзаха и распространяет ислам среди багулалов и тиндинцев»²⁶⁶.

В последнюю очередь ислам был принят дидойцами. Политическое влияние Грузии было здесь сильным, и, судя по «Картлис-Цховреба», еще долгое время после похода Тимура территория эта оставалась под властью Грузии. Кахетинцы пригласили Давида, провозгласили его своим царем и короновали в 1469 году. «С этого времени дидойцы вошли в состав Кахетинского царства»²⁶⁷. В «Географии Вахушти» дидойцы названы идолопоклонниками, они «не имеют никакого понятия о божестве...»²⁶⁸.

Однако омусульманившиеся аварские районы (возможно, в первую очередь, речь идет о Гидатле) выступают в отношении дидойцев как носители мусульманской идеологии, и ислам находит приверженцев и на самой западной окраине Дагестана. По сообщению той же самой «Географии», в Дидоэтии, часть которой «покорили лезгины», жители были обращены в магометанство²⁶⁹.

Зыше мы уже писали, что проникновение ислама в Аварию происходило не только замедленными темпами, но также в наиболее ожесточенной форме.

Ожесточенный характер борьбы ислама и язычества показал в местной исторической хронике, записанной Инкачилау в 1925 г. в сел. Араканы (автор рукописи не указан):

«Затем захватили (мусульмане) Хадар в тот день и бежали кяфиры пока не достигли своих мест. Затем в течение недели шла война в Хиркасе, вследствие чего было захвачено это селение, в то время, как оставался один квартал в верхней части селения, где обосновались старшины их и амиры их, по имени Таватил и Арнахурал.

²⁶⁶ Маршав, Очерки истории лаков, стр. 90.

²⁶⁷ Вахушти, География Грузии, прим. 418 со ссылкой на «Картлис — Цховреба», т. 2, стр. 103.

²⁶⁸ Там же, стр. 130.

²⁶⁹ Там же, стр. 131.

И не могли мусульмане захватить тот укрепленный квартал в течение двух месяцев. Затем они захватили (этот квартал) с разрешения великого Аллаха и с помощью владыки миров.

И они убили всех, кто был в нем (квартале), исключая тех, кто принял ислам»²⁷⁰.

Приведенные выше сведения грузинских и местных источников дают полное право на такой вывод. Устное и народное творчество также оставило нам следы былой борьбы язычества, христианства и ислама. В этом отношении интересно празднование курбан-байрама в Чохе, описанное А. Г. Пржецлавским: после совершения молитвы в джума-мечети все жители селения выходят на дорогу, ведущую к Ругудже; во главе процессии идут старший муэдзин с саблей и два муталлима при чем один из них несет глиняный кувшин. После трехкратного произнесения мусульманской формулы, муэдзин, обращаясь в сторону Ругуджи, рубит саблей брошенный вверх кувшин. Как отмечает А. Г. Пржецлавский, чохцы связывают с описанным обрядом «не только поверие об обильном урожае, но еще об обильном урожае в ущерб христианам, именно тушинам, в сторону которых обращаются, разбивая кувшин»²⁷¹.

Существует и другое предание, согласно которому, на Харкасе, горе близ Буйнакскa, существовало два враждебных аула, причем в одном из них жили христиане, в другом — мусульмане²⁷². По мнению жителей селения Белитль, мусульманские ангелы (мусульманжин) постоянно защищаются от злых духов христианских, называемых «кепур жин»²⁷³.

Согласно преданиям аварцев, христианский князь аварцев Гурхен (или Сурхай) по прибытии мусульманского проповедника вернулся к себе «и наложил штраф по одной курице на каждого, кто будет творить намаз»²⁷⁴.

Предания, подобные изложенным, можно встретить почти в любом ауле, причем относятся они не только к Аварии и связаны не только с борьбой ислама и хри-

²⁷⁰ К истории Дагестана. Записи Инкачилау, л. 4(6).

²⁷¹ Пржецлавский, Дагестан, стр. 150.

²⁷² Дибиров, Дагестанские предания, стр. 26—27.

²⁷³ Александров, Лобанов, Заметки, стр. 159.

²⁷⁴ Прозрителев, Древние христианские памятники, стр. 4.

стианства, но и в меньшей мере с борьбой мусульманства и язычества.

* * *

Касаясь вопросов о тех реальных силах, которые проводили идеи ислама, мы прежде всего остановились на арабах, Ширване, Дербенде, тюрках (сельджуки), монголах, Тимуре. Однако нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что в Дагестане жили и продолжали прибывать арабы из различных арабских стран. Все это не могло не способствовать усилению позиций ислама.

Мы уже имели возможность указать, что еще в X веке в Дагестане жили арабские элементы²⁷⁵, и они продолжали оставаться здесь вплоть до XIX века. Арабское население близ Дербенда видел ал-Фарики, автор XII века, ездивший вместе с грузинским царем Димитром по Грузии и посетивший Дербенд²⁷⁶, о нем же упоминает и арабский автор XIV века ал-Джурджани. А в XVII в. знаменитый путешественник Эвлия Челеби писал о жителях Эндери, что здешние племена тоже относятся к арабским племенам из Сирии²⁷⁷.

Обычно принято проникновение арабских элементов в Дагестан связывать по времени только с арабскими завоеваниями (VII—IX вв.). Однако это далеко не так. Проникновение арабских элементов на Кавказ, в том числе и в Дагестан, имело место и позже, и связано не с завоеванием, а мирным переселением или проповеднической деятельностью отдельных лиц. Процесс этот прослеживается вплоть до XVII вв.

Аббас-Кули Бакиханов писал, что «шейх Молла-Юсуф Мускурский происходил из аравийской фамилии, пришедшей в VII в. хиджры (т. е. в XIII в. — А. Ш.) из Медины в Карабах, а оттуда переселившейся в Мускур (Кубинской провинции). В VIII в. х. (т. е. в XIV в. — А. Ш.) там родился шейх Молла-Юсуф... Потомки шейха Молла-Юсуфа всегда пользовались в народе особенной почестью и уважением»²⁷⁸. Аналогичное явление наблю-

²⁷⁵ Maçoudî, II, стр. 39.

²⁷⁶ Церетели, Арабская хрестоматия, стр. 12—13 (предисловие Г. В. Церетели).

²⁷⁷ Отрывки из путешествия Эвлия Челеби. Рук. фонд ИИЯЛ.

²⁷⁸ Аббас-Кули Бакиханов. Гюлистан-Ирм, стр. 172.

дается, как обратил на это внимание А. Н. Генко, и в Средней Азии, куда в XIV веке переселялось арабское население из Афганистана²⁷⁹. Для XIV в. имеется сообщение, относящееся непосредственно к Дагестану, конкретно к Кумуху. Речь идет об упомянутом выше кладбище «ЯманитГал» («йеменитов»), выходцев из Йемена²⁸⁰.

Факт прихода арабских элементов в Дагестан в XIII—XIV вв. подтверждается также надписью на полях одной из рукописей Корана из селения Лгар Ахтынского района:

«Переселился из мира тленного в мир рая (в рай) шейх ал-Багдади (т. е. Багдадский) сын шейха Шах... мана Мир Сулейман. После пророка — да благословит его и род его Аллах и да приветствует, да освятит Аллах душу его — шестьсот восемнадцатый год» (т. е. 1233 г.)²⁸¹

Шейх Мир Сулейман (у местных жителей — Пир Сулейман, т. е. «святой Сулейман»), очевидно, сыграл немаловажную роль в упрочении ислама среди лезгин. Имя его, подобно имени шейха Джунейда в Северном Азербайджане, наиболее почитаемо из всех «святых» среди лезгин. Пирь, т. е. мавзолей или святынища, связанные с его именем, существуют и в сел. Лгар Ахтынского района и на вершине Шалбуз-Дага, причем к последнему пиру, где, со слов, находится могила Пир-Сулеймана, и по сей день паломничают верующие. По имени Пир-Сулеймана селение Лгар обычно называют Пиркенд, т. е. селение пира. Ему посвящен единственный в селении зиярат (пир), неоднократно возобновлявшийся местными жителями:

«Все, что на нем (этом мире) — тленно. Это — купол (мавзолей) шейх Пир Сулеймана, а он из рода курейшитов и Абу Муслима. Возобновил этот мавзолей шейх Ашурбек, ради Аллаха, а мастер этого мавзолея К... сын Джигархана».

Надпись отмечена датой 1200 г. х., т. е. 1785/1786.

²⁷⁹ Генко, Указ. соч., стр. 93—94.

²⁸⁰ Саидов, Указ. соч., стр. 122.

²⁸¹ Полевой материал 1958 г. Рукопись находится у члена колхоза «Победа» Ахтынского р-на Гамзаева Гамида.

В приведенных выше примерах²⁸² в какой-то мере отразилась роль арабских выходцев в процессе укрепления мусульманской религии. Таковую же роль могли играть лица, упомянутые в надписи на стене того же пира: «Переселился (—в мир вечный—) шейх Заман, сын шейха Ашура сына Исмаила (—в—) селении Пиркенди после тысяча сто семьдесят первого года в ночь... а эта ночь (в) пятницу — да смилостивится Аллах над ними всеми амин, а они из потомков правителя правоверных имама богобоязненных Али благосклонного — да облагородит Аллах лицо и да будет доволен им Аллах»²⁸³.

Значение арабских элементов зафиксировано также в предании о том, что в Дагестан из Аравии прибыли мусульманские проповедники: шейх Халифа — в селение Курар (Хивский район), Султан шейх Ахмед — в сел. Курах и Пир Хашим — в Мугъу-дере (Агульский район)²⁸⁴. В сел. Курар и поныне показывают могилу шейха Халифа, где действительно написано «владелец этой могилы Халифа». Дата отсутствует, но она устанавливается по найденной нами соседней надмогильной плите, отмеченной началом XV в.: «Эта могила Х-нац сына Б-л-х рир, год восемьсот пятнадцать», т. е. 1412/1413²⁸⁵.

Эпиграфический материал зафиксировал проникновение отдельных арабских элементов в Дагестан и в последующее время. Одна из них надпись-эпитафия из селения Юрахи-Стал (Сулейман Стальский район) по случаю кончины «раба прощенного, убитого несправедливо Хасана сына Хан Мухаммеда, сына шейх Сафара, сына Хан Мухаммеда, сына Махмуда, сына Хутба, сына Ибрахима, сына Махмуда, сына Пир Баба хана, сына Мусы — из

²⁸² Шихандов, Распространение ислама, стр. 160. В восточной стене «пира» сохранилась следующая надпись: «Это мавзолей шейха Пир Сулеймана (из потомков) курейшитов, а он шейх... Возбновил этот мавзолей шейх (А) шу (р), боясь мучений ада и желая рая. Дата пророка — да благословит его Аллах и (да приветствует) — тысяча двухсотый год». 1200 год хиджры соответствует 1785—1786 г. В 1265 г. хиджры, т. е. в 1848/1849 г. этот мавзолей также был реставрирован «мастером Мухаммед валл», о чем рассказывает надпись в стене того же пира, скопированная нами в 1958 г.

²⁸³ Надпись скопирована нами в 1958 г.

²⁸⁴ Запись 1958 г. Сообщение жит. сел. Курар Хивского р-на Велбекова Гаджихмеда (78 лет).

²⁸⁵ Тут же рядом другая плита: «Именем Аллаха милостивого, милосердного. Эта могила Вахрама сына Исы». Плита без даты.

вилаята Шам, из города Дамаска, обосновавшегося в (селении) Астал — да простит их (всех) Аллах — 1295 г. х.»²⁸⁶. 1298 г. хиджры соответствует 1878 г. Если предположить, что последние слова («из вилайата Шам, города Дамаск») относятся к родоначальнику представленной здесь генеалогии, т. е. к Мусе, и если, как это принято, отвести на каждое последующее колено генеалогической цепи по 25 лет, то прибытие арабского предка в селение Юхари-Стал можно отнести к середине XVII в. Из этого же рода произошел умерший в 1879 г. другой представитель, генеалогический свод которого также завершается именем сирийского переселенца: «О Мухаммед, о Аллах. Все сущее подвержено смерти, а затем вернетесь к нам. Умер раб, к которому проявлено милосердие, прощенный милостью великого Аллаха, паломник двух священных благородных городов Хаджи Бутай, сын покойного Идриса, сына Шейха Абдуллаха, сына шейх Тахира, сына шейха Пир Исы, сына Пир Баба хана из области Шам, Дамаска — да простит их (всех) Аллах, Амин — 1299 г.»²⁸⁷.

²⁸⁶ Надпись скопирована в 1961 г.

²⁸⁷ Копия снята в 1961 г.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История проникновения ислама в Дагестан — одна из интересных страниц идеологической жизни дагестанских народов. Примерно девять веков потребовалось на то, чтобы местные религиозные представления заменить монотеистической религией — исламом.

Начав в середине VII в. первые шаги на территории Дагестана, в частности в районе Дербента, новая религия медленно, но систематически расширяла ареал своего влияния, охватывая одно владение за другим, пока не проникло в XV в. в самые отдаленные районы Дагестана. Процесс этот прошел, как мы видели, два этапа, отличающиеся друг от друга не только темпами распространения мусульманской религии, но и социальными условиями, а также носителями новых религиозных идей. VIII в. — первая половина X в., первый этап, связан в основном с арабскими завоеваниями и с самими арабами, сыгравшими значительную роль в исламизации. Но исламизации подвергалась к середине X в. лишь незначительная часть Дагестана, но такая часть, которая служила трамплином для дальнейших действий. Экономической основой культурно-религиозных эволюций в Дагестане служили раннефеодальные производственные отношения, которые в V—X в. пришли на смену общинному строю. Как и новые производственные отношения, так и интересы местных правителей и феодального государства нашли в исламе идеологическую опору, значение которой очень быстро было осознано, и сообщения о правителях феодальных владений, принявших первыми ислам и христианство, могут это хорошо иллюстрировать. Следующий этап — вторая половина X—XV в. время сравнительно быстрой исламизации районов Дагестана, когда ислам

стал официальной идеологией, и на повестку дня в ряде районов стал вопрос не о распространении этой религии вширь, а об углублении религиозного влияния, об укреплении позиций ислама. Дальнейшее развитие феодального способа производства и усиление феодальной эксплуатации наряду с расширением культурных и торгово-экономических связей со странами Ближнего Востока — были теми факторами, которые способствовали активизации деятельности носителей идей ислама и расширению сферы его влияния.

Политика внешних завоевателей (тюрки-сельджуки, монголы, Тимур) также благоприятствовала исламизации. Если на первом этапе идеи ислама распространялись арабами, то в последующем активную идеологическую деятельность проявляют сельджуки, монголы, Тимур, а в самом Дагестане — такие крупные населенные пункты, как Дербенд, Цахур, Кумух, Хунзах, общество Гидатль. Хронологически и территориально процесс исламизации охватывал Дагестан с юга на север, причем, как правило, религия укреплялась сначала в феодальных владениях, лишь затем перебрасывалась на союзы сельских общин. Религиозный момент удачно использовался не только в самом Дагестане, но и за пределами (Северный Кавказ), когда борьба против «неверных» становилась одним из основных поводов экспансии в чужие земли. Лозунг «борьбы с неверными» долгое время оставался одним из важных идеологических моментов в жизни дагестанского общества, облекая порою самые различные по характеру явления (борьба против своих соседей, социальные движения, борьба против иноземных завоевателей). Уже в 1594 г., когда отряд Хворостина вынужден был отступить из Тарки и когда тарковцы, аварцы и «вся сила басурманская» пошли в атаку, то «нападение вели муллы с поднятыми над головами свитками и с завыванием огненных стихов из *Кораца*»¹.

В чьих это было в конечном итоге интересах, нетрудно понять, если иметь в виду, что ислам был господствующей идеологией. «Поп всегда шел рука об руку с феодалом...»², и поэтому, может быть, запись памятников

¹ Потто, Кавказская война, т. 1, вып. 1, стр. 18.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 4, стр. 449.

обычного права в феодалных владениях поручалась представителям мусульманского духовенства, а впоследствии, уже в 1830 г., тарковский шамхал во всеподданнейшем прошении просил поручить ему управлять всем Дагестаном и распространять титулы и почести российского дворянства на дагестанских князей и беков, ссылаясь именно на то, что «Абдулла Саффах, первый из поколения Аббасидского... был двоюродным братом Шахбаза, моего прадеда»³.

Известный венгерский востоковед И. Гольдциер (1850—1921) тонко подметил психологический аспект ислама: «...сознание зависимости проходит особенно яркой чертой в проповедях мекканца, вызвавшего к жизни ислам.

Уже в самом имени — ислам — подчинение, предание всле другого — дает себя знать это чувство зависимости от неограниченной всемогущей Силы, которой человек должен подчиняться, отказавшись от своей воли. Оно является преобладающим принципом, который проникает все проявления этой религии, главным признаком вызванного ею мировоззрения, определяющим его особенный характер. Целью ее является не достижение общения с богом, а сознательное осуществление полной покорности его решениям... Бог это — ар-рабб, владыка, люди — 'ыбад, рабы, добродетелью является та'а, покорность»⁴.

Принятие новой религии происходило в обстановке неизбежного столкновения с религиозными представлениями, которые ислам застал в Дагестане.

Основное место занимали первобытные религиозные представления, а в ряде районов христианский элемент был очень силен. Если «языческие» верования были вытеснены, как правило, насильно, при той или иной форме насилия (военной, экономической и т. д.), то отношение к христианским элементам оставалось традиционным, но только на первом этапе, затем же, в частности в XIII—XIV в., христиане подвергались (особенно в Аварии) гонениям, и часто в основе этих акций лежали по-

³ АКАК, т. VII, стр. 535.

⁴ Гольдциер, Ислам, стр. 1. Ф. Хитти одну из глав исследования так и назвал: «Ислам — религия покорности воле Аллаха» — см.: H i t t i, History of the Arabs, p. 128.

литические мотивы — столкновение различных религий отражало попытки мусульманских или христианских правителей установить в той или иной части Дагестана свое политическое господство.

Как уже указывалось, в XV в. ислам во всех дагестанских феодальных владениях и союзах сельских общин стал господствующей идеологией, государственной религией, но, как можно заключить из этнографического материала, домусульманские верования или их элементы сохраняли свое значение в последующем, вплоть до наших дней, проявляясь иногда в такой сильной степени, что могли давать повод говорить об очень слабых позициях ислама.

Если Олеарий писал в XVII в., что «дагестанские татары», хотя они считались мусульманами, «но сколько-нибудь ревностным благочестием не отличаются»⁵, а Стрейс, как бы подтверждая это, видит «в их богослужении мало смысла»⁶, то это свидетельствует о позициях официальной религии, не заменившей еще во многих деталях быта старых, языческих представлений. Что ислам не мог вытеснить окончательно первобытные религиозные представления, находит подтверждение в многочисленных проявлениях язычества, частично зафиксированных в XIX в. и наблюдаемых даже в настоящее время: поклонение небесным светилам, горам, рощам, камням, культ железа и огня, культ предков, обряды первой пахоты, вызова и прекращения дождя и т. д. Еще предстоит исследование интереснейшего вопроса о взаимоотношениях ислама и местных религиозных верований, о попытках приспособить учение ислама к существующим представлениям, находить в них аналогии, прямую связь или же не находить противоречий. Если в теории ислам сохранял в той или иной степени чистоту своего учения, то на практике, в частности в Дагестане, в быту, отклонение от него было обычным явлением, вполне объяснимым живучестью, прочностью домусульманских религиозных представлений, а также тем, что первоначальный ислам впитал в себя древнеарабские языческие элементы.

⁵ О л е а р и й, Путешествие, стр. 494.

⁶ Стрейс, стр. 219.

VII—XV вв. характерны не только исламизацией Дагестана, но и усиленным проникновением культуры народов Ближнего Востока и Средней Азии, в первую очередь арабского языка и арабоязычной литературы. Первоначально, конечно, интерес к арабскому языку был связан с исламом и «священной книгой» мусульман—Кораном, написанным на арабском языке. Впоследствии эта почва оказалась слишком узкой в связи с проникновением в Дагестан богатой литературы на арабском языке по самым различным отраслям средневековых наук. Постепенно арабский язык стал не только языком богослужения, но и делопроизводства, науки, дипломатии, частной переписки, выступая вплоть до Октябрьской революции «средством общения интеллигенции народов этой «горы языков»⁷, хотя средством общения между народами оставались местные языки, а что касается арабского языка, то «широким массам он был фактически неизвестен и недоступен»⁸.

Как показал А. Н. Генко, нижний этап хронологии распространения арабского языка в Дагестане нельзя ограничить XVII в., а последующие работы (в частности М.-С. Саидова, Л. И. Лаврова и др.), конкретно подтвердили огромное значение арабского языка и арабской грамоты в раннесредневековом Дагестане.

Работами В. Ф. Минорского окончательно отвергнуто мнение о том, что наиболее ранние из известных нам дагестанских литературных и исторических сочинений, написанных на арабском языке местными авторами, относятся к началу — середине XIV в.⁹ Страны, включенные в халифат, попали в общее русло развития культуры стран Ближнего Востока, Средней Азии, Северной Африки, и Дагестан не был в этом отношении исключением.

На обширной территории Арабского халифата была создана в IX—XV в. богатая, оригинальная арабоязычная литература, охватывая как мусульманское богословие, законоведение, Коран и коранические науки, так и историю, географию, астрономию, философию, медицину, логику, математику. Академик И. Ю. Крачковский воздал должное заслугам арабов в этом процессе. Причем

⁷ Гордлевский, Крачковский, стр. 16.

⁸ Барбанов, Пояснительные значки, стр. 208.

⁹ Барбанов, Пояснительные значки, стр. 209.

им принадлежит и язык — великое орудие этой культуры. Он же, говоря об арабском народе, отмечал вместе с тем, что «его заслуг несколько не умалит признание участия и других этнографических единиц в этой нераздельной единой культурной работе»¹⁰.

На последнее обстоятельство, т. е. на этнический состав создателей этой культуры у нас давно было обращено внимание, и еще В. Р. Розен писал, что появившаяся только в течение одного столетия «громчайшая литература, обнимающая все отрасли умственной деятельности человека, создается, конечно, в значительной степени трудами именно побежденных культурных народов: персов, сирийцев, греков, коптов...»¹¹. Арабоязычная литература стала пониматься не только как детище арабов, а как творение всех многочисленных народов, вошедших в состав халифата.

В рамках единого государства с единой официальной религией культурные ценности, созданные в одной части халифата, быстро становились известны в другой его части — один из важнейших факторов установления культурных контактов. Произведения арабоязычной литературы проникли и в Дагестан, переписывались здесь, а иногда, как это было в Цахуре в XIII в., переводились на местные языки.

Центрами культурной жизни обычно на Востоке являлись города, средоточие ученых и поэтов, а также медресе — мусульманские школы. В. В. Бартольд писал, что «высшие мусульманские духовные училища — медресе — появились на восточной окраине халифата раньше, чем в его центральных и западных областях»¹². В Дагестане в раннем средневековье также возникают очаги культуры и не всегда они были сосредоточены в городах. Медресе были созданы как в Дербенде и Кубачи — двух известных средневековых городах, так и в таких крупных населенных пунктах как Цахур, причем наиболее раннее известие относится именно к Цахуру.

Можно вполне уверенно предположить, что медресе открывались и в других крупных населенных пунктах, хотя сообщения до XIV в. ограничены указанными выше

¹⁰ Крачковский, Рецензия на работу Туманского, стр. 239.

¹¹ Розен, Речь, стр. 283.

¹² Бартольд, Улугбек и его время, стр. 6.

тремя населенными пунктами. Когда Тимур, как пишет грузинская хроника, запрещал в аварских районах учиться на арабском языке, то имелась в виду, возможно, работа мусульманских медресе в аварских аулах, скорее всего в Хунзахе. Религиозные науки, разумеется, занимали главное место в деятельности этих медресе и это подтверждается сообщениями о медресе в Дербенте и Цахуре — в Дербенте в середине XIII в. заняты, со слов Закарийя ал-Казвини, изучением «религиозных наук», а в Цахуре, со слов того же автора, наиболее популярны два сочинения по шафиитскому толку ортодоксального ислама. Однако изучением сочинений чисто религиозного содержания дело не ограничивалось, и в этом отношении характерен тот интерес, который был проявлен к сочинениям иного направления — в частности историческим, географическим, философским.

Знакомство с памятниками арабоязычной литературы было творческим, и многие правоведы из Дагестана стали известны, как мы раньше уже отмечали, на педагогическом поприще за пределами своей родины в Нижнем Поволжье (Сарай-Берке), Средней Азии (Бухара), Азербайджан (Хиналук).

Творческое усвоение культурных ценностей, созданных народами Средней Азии и Ближнего Востока на арабском языке заключалось также в том, что, опираясь на достижения других народов, местные культурные силы перешли к созданию собственных, оригинальных произведений на арабском языке. Наиболее раннее из них — «История Ширвана и Дербенда» анонимного автора, созданное в начале XII в. в Дербенте. Вслед за этим историческим сочинением хронологически идет философский (суфийский) труд ад-Дербенди, созданный в XII в., и две крупные исторические хроники — «Тарихи Дагестан» (XIV в.) и «Хроника Мухаммеда Хиналукского» (XV в.). Появляется ряд одноаульных хроник — «Ахты наме», «Хроника аула Куркли» и т. д.

Таким образом в Дагестане в XI—XV вв. были созданы произведения особого жанра — региональной историографии, имеем в виду незначительные регионы и особую форму этого жанра — историографию малых форм. Как мы видим, исторические произведения занимают здесь редуемое место, как бы вступая в оппозицию с много-

численной религиозной литературой. Эта секуляризация арабоязычной литературы, обращение местных творческих сил не к истории религии, религиозных течений, а к истории своего народа, к мотивам освободительной войны, отражают особый этап в развитии местной культуры, связанной с ее особым подъемом, с ростом самосознания народа, и связано с арабоязычной историко-географической литературой и, возможно, с оппозицией официальным произведениям теологического характера.

Огромная роль арабского языка в странах с неарабским населением выступает, как мы видим, конкретно и убедительно.

Сфера применения арабского языка этим не ограничивается. Наиболее ранним местным памятником арабской письменности в Дагестане были, однако, не одноаульные или областные хроники, а эпитафический материал, зафиксированный в преобладающем большинстве на камне.

В рамках XI—XV вв. количество этих памятников в Дагестане настолько велико по сравнению с другими областями халифата с неарабским населением, что представляется возможным говорить об особом расцвете искусства эпитафики. Строительство мечетей и бытовых зданий, фортификационных сооружений и мостов, эпидемические заболевания и стихийные бедствия, смерть аульчанина и военные столкновения с соседями и иноземными завоевателями, границы отдельных сельских общин — все это находило отражение в надписях, создавая в совокупности более или менее полную сводку жизни народа, его военно-политической, хозяйственной и идеологической деятельности. Это свидетельствует также о появлении определенного слоя населения, владеющего арабской грамотой и составлявшего тексты для нанесения на камень. Уже выработался особый трафарет для текстов — строительных и эпитафий: в строительных обычно сообщалось об объекте строительства или реставрации, имя мастера, его профессиональное звание, имя писца, а также дата строительства; на надмогильных же надписях — формула единобожия или текст из Корана, имя «сахиба» этой могилы и его отца, время смерти. Для XVI—XIX вв. оценка значения арабского языка была бы неполной, если оставить в стороне вопрос о создании местной письменности.

Исследователям еще предстоит заняться вопросами, связанными с местной письменностью, бытовавшей в Дагестане до прихода арабов. Албанское письмо, возможно, бытовало и в Дагестане, но памятников его на территории Дагестана не сохранилось. Письмо на «гуннском» языке, созданное в VI в. миссией арранского священника Кордоста, также не оставило нам следов. В X в. царь Серира обращался с письмом к правителю Филана, а позже в XII в. в Зирихгеране, еще не мусульманском, жители писали, как сообщает ал-Гарнати, имена умерших и их отцов на мешках, где хранили кости покойника. Только в обоих случаях не указывается на каком языке велось письмо.

При всей своей неполноте и фрагментарности упомянутые сведения документируют попытки создания письменности до прихода арабов, но, очевидно, пределы ее распространения были узки, как и узок был круг носителей этой письменности. Было бы преувеличением приписывать арабам «уничтожение родной письменности дотла», но по мере распространения ислама, вместе с ним и арабского языка, в Дагестане уже не было, насколько нам известно, попыток создать местную письменность на основе какой-либо графики, кроме арабской.

В то же время арабская графика и служила тем исходным материалом, на базе которого впоследствии народы Дагестана создали свою письменность. Основные памятники аварской, даргинской, лезгинской, лакской и кумыкской письменности на основе арабского алфавита, дошедшие до нас, созданы в XVIII — I четверти XX вв., а к XVI—XVII в. относятся, также судя по дошедшим материалам, переводы отдельных слов или небольших текстов, зафиксированные на полях арабских рукописей.

Однако, литературный материал дает основание говорить о наличии письменности на арабской графике в более ранние времена, не позже XIII в. Закарийа ал-Казвини сообщает о перевесе в середине XIII в. на местный язык в сел. Цахур двух арабских сочинений по мусульманской догматике силами местных знатоков арабского языка, и это было, как писал А. Н. Генко, первой достоверной попыткой передать содержание шафиитских сочинений на цахурский язык средствами арабского алфавита. Можно только предположить, что перевод двух книг на цахурский язык был не началом в создании цахурской

письменности, а определенным этапом, ибо сам факт этот уже предполагает наличие местного алфавита, имеющего некоторые традиции в области перевода.

Дагестанский ученый М.-С. Саидов впервые изучил и представил материал о письменности народов Дагестана до Октябрьской революции, о создании дагестанскими учеными так называемого «аджамского» письма. В настоящее время в распоряжении исследователей накопился большой фактический материал на аварском, лакском, кумыкском, даргинском, лезгинском языках, позволяющий оставить широко распространенный в свое время и еще имеющий сторонников в настоящем, тезис об отсутствии письменности у народов Дагестана до Октябрьской революции. Как мы видим, истоки местной письменности на арабской графике, засвидетельствованные современниками, относятся к XIII в. и здесь встает вопрос не только об оформлении письменности дагестанских народов в XVIII в. — начале XX в., но и причинах замедленного темпа развития ее в предыдущее время. Вопрос этот очень сложен и его решение требует дополнительных изысканий, но пока можно выдвинуть предположение о том, что арабский язык играл здесь немаловажную роль. Представив в распоряжение местных культурных сил арабский алфавит как средство создания местной письменности, арабский язык в то же время способствовал тому, что эта письменность не получила широкого распространения. Подавляющее большинство письменных памятников создавалось на арабском языке, и это понятно, если учесть возможности этого языка, богатейшая литература и литературные традиции, им представленные

Схоластический характер многих поступавших извне или же создаваемых на месте произведений также сыграл здесь немаловажную роль.

В связи с изучением процесса распространения ислама в Дагестане возникает еще ряд вопросов — взаимоотношения адата и шариата, ислама и искусства, ислама и народно-освободительного движения, ислама и современности, и каждый из них требует специального исследования. Это поможет в создании общих работ, посвященных всесторонней оценке роли ислама в жизни дагестанских народов от начала его проникновения до наших дней.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — «Вестник древней истории», М.
- ЖМПН — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
- ЗВО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского Археологического общества», СПб.
- ИЖ — «Исторический журнал», М.
- ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.
- ИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества», СПб.
- ЛО ИНАЗ — Ленинградское отделение Института народов Азии АН СССР.
- КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.
- МАД — «Материалы по археологии Дагестана», Махачкала.
- МИТТ — «Материалы по истории туркмен и Туркмении». I. М.—Л., 1939.
- ПС — «Палестинский сборник», М.—Л.
- СВ — «Советское востоковедение», М.
- СМАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии», М.—Л.
- СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, Махачкала.
- ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис.
- ТВО ИРАО — «Труды Восточного Отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб.
- ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.
- BGA — «Bibliotheka Geographorum Arabicorum», Lugduni-Batavorum.
- GAL — C. Brockelmann. Geschichte der Arabischen Litteratur. Weimar, Berlin. SB — Supplementband.
- EI — Encyclopédie de l'Islam.
- JA — «Journal Asiatique», Paris.
- MA — «Mélanges Asiatiques», Paris.

БИБЛИОГРАФИЯ

- К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 4.
- К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, М., 1949.
- К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Госполитиздат, 1940.
- К. Маркс, Хронологические выписки I. — К. Маркс, Ф. Энгельс, Архив, т. VI.
- К. Маркс и Ф. Энгельс, О религии, М., 1955.
- Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 21.
- В. И. Ленин, О религии. Госполитиздат, М., 1954.
- Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат. М., 1961.
- Материалы XXIII съезда КПСС. Госполитиздат. М., 1965.
- Абу Юсуф, Абу Юсуф Йакут, Книга о земельном налоге. Пер. с арабского А.-Э. Шмидта, М., 1941.
- Агларов, Техника сооружения — М. Агларов. Техника сооружения террасовых полей и вопрос об эволюции форм собственности на землю у аварцев до XX в., УЗ ИИЯЛ, т. XIV, Махачкала, 1963.
- Адонц, Армения. — Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб, 1908.
- Азерли, М., Реформы — Мамед Азерли. Реформы халифа Абд ал-Малика ибн Марвана и Азербайджан (685—705). Автореферат канд. диссертации. Баку, 1965.
- Айриванский, — Хронологическая история Мхитара Айриванского, ТВО ИРАО, л. 14, СПб, 1869.
- Акты, — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. II, Тифлис, 1868.

- Абдуллаев, *М. А.* Из истории — М. А. Абдуллаев, Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана. М., 1968.
- Александров, Лобанов, — А. Александров, С. Лобанов, Заметки из путешествия по Дагестану. «Этнографическое обозрение», 1910, № 1, 2.
- Али-Заде, Борьба Золотой Орды — А. А. Али-Заде, Борьба Золотой Орды и ильханов за Азербайджан — «Известия АН Азерб. ССР», Отд. обществ. наук, вып. II, № 5, 1946.
- Али-Заде, *А. А.* Из истории государства Ширваншахов — А. А. Али-Заде. Из истории государства Ширваншахов в XIII—XIV вв., Баку, 1957.
- Али-Заде, Некоторые сведения о Ширване — А. А. Али-Заде, Некоторые сведения о Ширване (до нач. XIII в.) — «Известия АН Азерб. ССР», № 12, 1947.
- Алиев, — Б. Г. Алиев, Акуша—Дарго в XVII—XVIII в. Автореферат канд. дисс., Махачкала, 1966.
- Алкадари, *Х.* — Хасап Эфенди Алкадари. Асари Дагестан. Пер. и комментарии Али Гасанова, Махачкала, 1929.
- Алпатов, — М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. I, М.—Л., 1948.
- Анучин, Отчет — Д. Н. Анучин, Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. — ИРГО, т. XX, вып. 4, 1885.
- Артамонов, *М. И.* История хазар — М. И. Артамонов, История хазар, Л., 1962.
- Артамонов, Отчет — М. И. Артамонов. Отчет о работе кавказской экспедиции 1937—1938 гг. РФ ИЯЛ, д. 1602.
- Асиятилов, *С.* Хуторская система — С. Асиятилов, Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в 19—начале XX в. — Ученые записки Института ИЯЛ, т. 16, Махачкала, 1966.
- Атаев, *Д. М.* Нагорный Дагестан — Д. М. Атаев,

- Нагорный Дагестан в раннем средневековье, Махачкала, 1963.
- Афанасий Никитин, — Афанасий Никитин, Хождение за три моря, М., 1950.
- Ахмедов, Феодалные отношения — Ш. М. Ахмедов. Феодалные отношения в Дагестане (V—X в.). Рукопись кандидатской диссертации, Махачкала, 1968.
- Баймурзаев, — А. Б. Баймурзаев, Из истории общественной мысли Дагестана второй половины XIX в. Махачкала, 1965.
- Бакиханов, А. Гюлистан — Ирам — Аббас-Кули-Ага Бакиханов: Гюлистан Ирам, Баку, 1926.
- Бакланов, Художественная культура — Н. Б. Бакланов. Художественная культура Дагестана, — «Новый Восток», 1924, № 5.
- Барбанов, Пояснительные значки — А. М. Барбанов, Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа. СВ, III, 1945.
- Баркуев и др., Исторические сведения — К. Баркуев, М.-К. Ахмедов, А. Шихсаидов, Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей, — «Ученые записки ИИЯЛ», т. XI, серия историческая, Махачкала, 1963.
- Бартольд, Арабские известия — В. В. Бартольд, Арабские известия о русах. — «Советское востоковедение», 1940, № 1.
- Бартольд, В. В. Дербент — В. В. Бартольд, Дербент — Сочинения, т. III, М., 1965.
- Бартольд, Еще о самаркандских оссуариях — В. В. Бартольд. Еще о самаркандских оссуариях, ЗВО, XIII, вып. 4, 1901.
- Бартольд, В. В. К вопросу о погребальных обрядах — В. В. Бартольд, К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов ЗВО, XXV (1917—1920), 1921.
- Бартольд, К вопросу — В. В. Бартольд. К во-

- Бартольд, просу о происхождении Дербенд наме. «Иран», I, 1926.
- Бартольд, История культурной жизни — В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.
- Бартольд, История — В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928.
- Бартольд, К истории орошения — В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб, 1914.
- Бартольд, Место прикаспийских областей — В. В. Бартольд, Место прикаспийских областей в истории мусульманства, Баку, 1924.
- Бартольд, Отчет — В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894, СПб, 1897.
- Бартольд, Туркестан, II — В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II (исследование) СПб, 1910.
- Бартольд, Улугбек — В. В. Бартольд, Улугбек и его время, Пг., 1918.
- Бартольд, Халиф и султан — В. В. Бартольд, Халиф и султан, «Мир ислама», т. I, СПб, 1912.
- Бейлис, В. М. В. М. Бейлис, Из истории Дагестана VI—XI (Серир) — «Исторический журнал», № 73, 1963.
- Беляев, Арабские источники — В. И. Беляев, Арабские источники по истории Туркмении и туркмен IX—XIII в. МИТГ, т. I, М.—Л., 1939.
- Белазури, Футух — Китаб Футух ал-булдан лимам Ахмад б. Йахйя б. Джабир ал-Багдади аш-Шахир бил-Белазури. Атабакату-л-увла, Капр, 1319/1901. (Пер. Жузе). — Белазури, Книга завоевания стран. Текст (араб.) и перевод. Пер. проф. П. К. Жузе, Баку, 1927.
- Беляев, Е. А. Е. А. Беляев, Арабы — Е. А. Беляев, Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье, М., 1965.

- Беляев, Ислам — Е. Беляев, Ислам и арабский халифат в VII—IX в., ИЖ, № 7, 1938.
- Беляев, Петрушевский, Рецензия — В. И. Беляев, И. П. Петрушевский, Рецензия на новый учебник по истории средневекового Востока — СВ, № 6, 1958.
- Березин, *И. М.* Путешествие — И. Н. Березин, Путешествие по Дагестану и Закавказью, Казань, 1850 (Изд. 2-е).
- Бредэ, — К. А. Бредэ. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме — РФ ИИЯЛ.
- Броневский, Новейшие известия о Кавказе. — Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским, 2 части, М., 1823.
- Бузанд, История Армении — Фавст Бузанд, История Армении, Ереван, 1953.
- Булгаков, Книга — Л. Г. Булгаков «Книга путей и государств» Ибн Хордадбега. ПС, 1958, вып. 3(66).
- Бунятов, Азербайджан — Зия Бунятов, Азербайджан в VII—XI вв, Баку, 1965.
- Бунятов, *З. М.* Из истории Кавказской Албании — З. М. Бунятов, Из истории Кавказской Албании VII—VIII в.—Сб. «Вопросы истории Кавказской Албании» Баку, 1962.
- Бутаев, Д. Б. Бутаев. Дагестанские народности, Махачкала, РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, л. 8.
- Валидов, Мешхедская рукопись, — А. З. Валидов, Мешхедская рукопись Ибн ал-Факиха, Известия АН СССР, серия VI, 1924, №№ 1—11.
- Вахушти, Вахушти, География Грузии. Тифлис, 1904.
- Вейденбаум, — Е. Вейденбаум, Материалы для историко-этнографического словаря.
- Владимирцов, Общественный строй — Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934.

- Всемирная история, — Всемирная история, т. II, М., 1956, т. III, М., 1957.
- Гаджиев, В. Г. В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана, М., 1965.
- Гаджиева, С. Ш. Кумыки — С. Ш. Гаджиева. Кумыки, М., 1964 г.
- Гаджиев, — С. Ш. Гаджиева, А. А. Трофимова, А. Р. Шихсаидов, Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. М., 1964.
- Гасанов, Краткая история — А. Гасанов, Краткая история Дагестана. «Красный Дагестан». №№ 33, 36, 39, 46, 69, 71, 72 за февраль, март 1926.
- Гасанов, М. Р. Взаимоотношения. — М. Р. Гасанов. Взаимоотношения народов Грузии и Дагестана (от древнейших времен до XV в.) Махачкала, 1967 (рукопись кандидатской диссертации).
- Гевонд, История халифов — Вардапет Гевонд. История халифов. Пер. с армянск. Патканова, СПб. 1852.
- Гедеонов, Варяги и Русь — С. Гедеонов, Варяги и Русь, ч. II, СПб, 1876.
- Генко, Арабский язык и кавказоведение — А. Н. Генко, Арабский язык и кавказоведение — «Труды II сессии ассоциации арабистов». М.—Л., 1941.
- Гидатлинские адаты, — Гидатлинские адаты. Подгот. к печати М.-С. Саидовым и Х.-М. Хашаевым, Махачкала, 1957.
- Григорьев, Об образе правления — В. Григорьев. Об образе правления у хазар — ЖМНП, 1834, ч. III.
- Григорьев, О древних походах — В. В. Григорьев, О древних походах руссов на Восток — ЖМНП, 1835, февраль, отд. II (—сб. «Россия и Азия», СПб, 1876).

- Гудава, Две надписи — Т. Е. Гудава, Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана — «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 30, 1954.
- Волин, К истории — С. Л. Волин, К истории среднеазиатских арабов. — «Труды II сессии ассоциации арабиетов», М.—Л., 1941.
- Гумилев, — Л. И. Гумилев. Хунну, М., 1960.
- Гюзальян, Надпись — Л. Т. Гюзальян, Надпись с именем Бадр ад-Дина Лулу на бронзовом подсвечнике Государственного Эрмитажа.— Эв, т. II, 1948.
- Джанашвили, — М. Джанашивили. Известия грузинских летописей и историков о Херсонесе, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэти и России — СММПК, вып. 26, отд. 1.
- Дербенд наме. — Дербенд наме (на лакском языке).
(Матенадаран) Рукопись Государственного Матенадарана в Ереване, Арабско-персид. фонд, д. 240.
- Дорн, Атлас — Атлас к путешествию Б. А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря, СПб., 1895.
- Дорн, Каспий—Б. Дорн, Каспий, СПб., 1875.
- Дорн, Отчет — Б. Дорн, Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря, ТВО, ч. VIII, 1864.
- Заходер, История — Б. Н. Заходер. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток), М., 1944.
- Заходер, Каспийский свод. — Б. Н. Заходер, Каспийский свод сведений о Восточной Европе, М., 1962.
- Заходер, Хорасан, — Б. Н. Заходер, Хорасан и образование государства сельджуков, ВИ, №№ 5—6, 1945.
- Егише, История.— История Егише вардапета. Перевод с армянского П. Шаншиева, Тифлис, 1853.

- Е. В. — Е. В., Особого рода ориентализм. «Кавказ», 1898, № 284.
- Еремян, Моисей Каланкатуйский, — С. Т. Еремян, Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз Трдата к хазарскому хакану Али Илитверу. ЗИВ АН СССР, т. VII, М.—Л., 1939.
- Еремян, О рабстве — С. Т. Еремян, О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДИ, 1950, № 1.
- Еремян, Рабовладельческое общество — С. Т. Еремян, — Рабовладельческое общество древней Армении. Автореферат, М., 1953.
- Ибн ал-Асир (пер. Жузе) — Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Пер. с араб. проф. П. К. Жузе, Баку, 1940.
- Ибн-Русте, (пер. Хвольсона) — Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах Абу Али Ахмеда Бен-Омар Ибн Даста. Пер. и комм. Д. Хвольсона. СПб., 1869.
- Иностранцев, К. А., О древнеиранских погребальных обычаях — К. А. Иностранцев, О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, ЖМНП, XX, № 3, 1909.
- Иностранцев, Туркестанские ассуарии — К. А. Иностранцев, Туркестанские ассуарии и астодапы, ЗВО, XVII, вып. 4, 1907.
- Иностранцев, Хунны и гуины — К. Иностранцев. Хунны и Гунны. Труды туркологического семинара. Л., 1926.
- Исаков, М., Археологические памятники — М. Исаков, Археологические памятники Дагестана, Махачкала 1966.
- Исаков, — М. Исаков. Исчезнувший город в Дагестане, ИЖ, 1941, № 6.
- Исламмагомедов, Поселения и жилища — А. Исламмагомедов, Поселения и жилища авариев (рукопись кандидатской диссертации).

- История Узбекской ССР, т. I, книга I, Ташкент, 1956.
- Каганкатвацц, — Каганкатвацц, Моисей. История агван. СПб. 1861.
- Кадырова, К изучению — Т. Кадырова, К изучению идеологии народных движений в Средней Азии VIII—IX веков. «Обществ. науки в Узбекистане», № 4, 1967.
- Канивец, В. И. ~~Археологические исследования~~ — В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. — «Ученые записки ИИЯЛ», т. I, Махачкала, 1956.
- Канивец, Дагестанская экспедиция — В. И. Канивец, Дагестанская археологическая экспедиция, — «Ученые записки ИИЯЛ», т. III, Махачкала, 1957.
- Караулов, — Ибн ал-Факх (СМОМПК, 31 вып., Тифлис, 1902); Ибн Русте (СМОМПК, 32, Тифлис, 1903); ал-Масуди (СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908).
- Каяев, ~~Материалы~~ — Али Каяев, Материалы по истории лаков. Рукоп. фонд Института ИЯЛ.
- Кверфельдт, Китайская керамика — Э. К. Кверфельдт, Китайская керамика XII—XIII вв. на Кавказе — «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938.
- Козубский, История Дербента — Е. И. Козубский, История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
- Коковцов, — П. К. Коковцов, Европейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Комаров, Пещеры — А. В. Комаров, Пещеры и древние могилы в Дагестане. «Труды V археологического съезда в Тифлисе». Протоколы, М., 1882.
- Контарини, Путешествие — А. Контарини, Путешествие — БИПР, т. I, СПб, 1836 (пер. с итальянского В. Семенова).
- Коран, — Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963.

- Котович, Новые памятники — В. Г. Котович, Новые археологические памятники южного Дагестана, МАД, I, Махачкала, 1959.
- Котович, Шейхов, — В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет «Ученые записки», ИИЯЛ, т. VIII, Махачкала, 1960.
- Котович, Новые данные — В. Г. Котович. Новые данные о средневековых городах Дагестана. — «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов)». Баку, 1965.
- Крачковская, Надпись — В. А. Крачковская, Надпись бронзового таза Бадр-ад-дина-Лулу. — ЭВ, т. I, 1947.
- Крачковская, Неизвестный альбом. — А. В. Крачковская, Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике, — ЭВ, II, 1946.
- Крачковский, Дагестан и Йемен — И. Ю. Крачковский. Дагестан и Йемен. Сб. «Памяти академика Н. Я. Марра» М.—Л., 1938 (=И. Ю. Крачковский, Избр. соч., т. VI).
- Крачковский, Избран. соч., IV — И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957.
- Крачковский, Очерки — И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950.
- Куббель, — Л. Е. Куббель, О некоторых чертах военной системы халифата Омейядов (661—670 гг.) «Палестинский сборник», вып. (67), М.—Л., 1959.
- Кузнецов, Аланские племена — В. А. Кузнецов, Аланские племена Северного Кавказа, М., 1962.

- Кучкин, Сказание — В. А. Кучкин, Сказание о железных воротах — «Археологический ежегодник» за 1964 г. М., 1965.
- Лавров, Археологические разведки — Л. И. Лавров, Археологические разведки в Дагестане, 1947—1950. СМАЭ, т. XIV.
- Лавров, Материалы — Л. И. Лавров, Материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе, — СМАЭ, т. XX, 1961.
- Лавров, Новые данные — Л. И. Лавров, Новые данные по арабской эпиграфике на Северном Кавказе, СМАЭ, т. XXI, 1963.
- Лавров, СМАЭ, XVII — Л. И. Лавров, Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции, СМАЭ, т. XVII, 1957.
- Лавров, СМАЭ, XVIII — Л. И. Лавров, Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции (статья вторая) — СМАЭ, т. XVIII, 1958.
- Лавров, СМАЭ, т. XIX — Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции, СМАЭ, т. XIX, 1960.
- Лавров, Тарки — Л. И. Лавров, Тарки до XVIII в., — «Ученые записки» ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1959.
- Лавров, Эпиграфические памятники — Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. I, надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложение Л. И. Лаврова, М., 1966.
- Лавров, Южнодагестанский хронограф — Л. И. Лавров, Южнодагестанский хронограф 1710—1712 гг. КСИЭ, XXXII, 1959.
- Магомедов, Завоевание — Р. М. Магомедов. Завоевание арабами Дагестана в VIII—IX вв., Махачкала, 1940.
- Магомедов, История — Р. М. Магомедов. История Дагестана, Махачкала, 1961.

- Магомедов, *5* Общественно-экономический строй — Р. М. Магомедов. Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX в. Махачкала, 1957.
- Малачиханов, *5* К вопросу о Семендере — Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане, «Ученые записки» ИИЯЛ, т. XIV. Серия историческая, Махачкала, 1965 г.
- Маммаев, Ремесло Дагестана — М. М. Маммаев. Ремесло Дагестана алано — сарматского и раннесредневекового времени. Рукопись кандидатской диссертации. Махачкала, 1969.
- Манандян, О торговле — Е. А. Манандян. О торговле и городах Армении — Ереван, 1930.
- Маршаев, Очерки истории лаков — Р. Г. Маршаев, очерки истории лаков — РФ ИИЯЛ.
- Массэ, Ислам — А. Массэ, Ислам, М., 1962.
- Медников, Источник — Н. А. Медников. Об одном из источников ат-Табария. «Аль-Мурзафарийа».
- Медников, Палестина — Н. А. Медников, Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов (Исследования источников), ч. 1, СПб, 1902.
- Меликишвили, К истории древней Грузии — Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.
- Миклухо-Маклай, — Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. «Ученые записки Института Востоковедения АН СССР», т. IX, М.—Л., 1954.
- Минорский, *В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, — В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
- Монгайт, *А. Л.* Ал-Гарнати. — А. Л. Монгайт. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг. — История СССР, № 1, 1959.

- Мунчаев, Отчет — Р. М. Мунчаев, Отчет дагестанской археологической экспедиции, 1954—1956 гг.
- Научный архив, — Научный архив Института истории Азербайджанской АН ССР.
- Нейматова, К истории — М. Х. Нейматова, К истории изучения Ширвана XIV—XVI вв. Баку, 1959.
- Нершахи, — Нершахи. История Бухары. Перевод Н. Лыкошина, Ташкент, 1897.
- Нюберг, Материалы — Г. С. Нюберг, Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента — «Общество обслед. и изучения Азербайджана» № 8, вып. V, Баку, 1929.
- Орбели, Албанские рельефы — И. А. Орбели, Албанские рельефы и бронзовые котлы — «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938. (=И. А. Орбели. Избранные труды. Ереван, 1953).
- Османов, Поселения — М. О. Османов. Поселения и жилища даргинцев. Автореферат канд. диссерт. 1963.
- Османов, Хозяйство даргинцев. М. О. Османов. Хозяйство даргинцев в XIX—XX вв. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, 184-а.
- Очерки истории Дагестана. — Очерки истории Дагестана, т. 1, Махачкала, 1957.
- Очерки истории СССР — Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958; XI—XV вв., М., 1963.
- Очерки по истории Азербайджана, — Очерки по истории Азербайджана — «Известия АН Азербайджанской ССР», вып. II, № 5, 1946.
- Пастухов, А. В. Пастухов, Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину Шах-Даг. «Землеведение», кн. II, 1894.
- Пахомов, Ганджинский клад — Е. А. Пахомов, Ганджинский клад 1929 г. в Закавказье, Сборник — Н. Я. Марру, 1935.
- Пахомов, К толкованию — Е. А. Пахомов, К толкованию пехлевийских надписей Дербента, Известия Аз. ГНИИ, исто-

- Пахомов, рико-этнографический и археологический отдел, т. 1, вып. 2. Баку, 1930. Монетные клады — Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана, вып. 1, Баку, 1959.
- Пахомов, О Дербентском княжестве, — Е. А. Пахомов, О Дербентском княжестве XII—XIII вв., Баку, 1930.
- Пахомов, Пехлевийские надписи — Е. А. Пахомов, Пехлевийские надписи Дербента — «Общество обследования и изучения Азербайджана» № 8, вып. V, Баку, 1929.
- Петрушевский, Земледелие, — И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960.
- Петрушевский, Ислам — И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV вв., Л., 1966.
- Петрушевский, Хамадаллах Казвини — И. П. Петрушевский, Хамадаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья. — «Известия АН СССР», отд. общ. наук, 1937, № 4.
- Петрушевский, Рашид ад-дин — И. П. Петрушевский. Рашид ад-дин и его исторический труд. — «Рашид ад-дин. Сборник летописей», т. I, ч. I, М.—Л., 1952 (предисловие).
- Пигулевская, Византия и Иран — В. Н. Пигулевская, Византия и Иран на рубеже VI и VII вв., М.—Л., 1946.
- Пигулевская, Сирийские источники — Н. В. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941.
- Пигулевская, Сирийские источники VI в. — Н. В. Пигулевская, Сирийские источники VI в. о народах Кавказа, 1939, № 1.
- Пигулевская и др. История Ирана — Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, Л. М. Белиницкий, История Ирана с древнейших времен до конца 18 века, Л., 1958.

- Пикуль, Научный отчет 1955 г. — М. И. Пикуль, Научный отчет по археологической экспедиции 1955 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ.
- Пикуль, Отчет 1952 г. — М. И. Пикуль, Отчет по археологическим работам за авг.—сент. 1951 и первую четв. 1952 г. — РФ ИИЯЛ.
- Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений — Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана — «Вопросы истории», № 6, 1954.
- Потто, Кавказская война — В. Потто, Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I, СПб, 1877.
- Пржецлавский, Дагестан, — П. С. Пржецлавский, Дагестан, его нравы и обычаи — «Вестник Европы», т. III, 1867.
- Прозрителев, Древние христианские памятники, — Г. Прозрителев. Древние христианские памятники на Северном Кавказе. Ставрополь. 1906.
- Путинцева, Гапшминский могильник — Н. Д. Путинцева, Гапшминский могильник раннего средневековья нагорного Дагестана, 1957 г. РФ ИИЯЛ.
- Рамазанов, Шихсаидов, Очерки — Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории южного Дагестана, Махачкала, 1964.
- Рашид ад-дин, Сборник летописей — Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1962.
- Рубрук, Путешествие — Гиљом де Рубрук, Путешествие в восточные страны. В кн.: «Путешествие в восточные страны П. Карпини и Рубрука», М., 1957.
- Савельев, Сообщение—Сообщение Савельева на VI заседании Отделения восточной археологии 19 января 1853 г. ТВО РАО, ч. II, СПб, 1856.

- Савельев, Мухаммеданская нумизматика — Н. С. Савельев, Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, СПб. 1847.
- Саидов, Дербент наме — М.-С. Саидов. Дербент наме. Труды II научной сессии Дагестанской базы АН СССР, Махачкала, 1949.
- Саидов, О некоторых памятниках — М.-С. Саидов, О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР — УЗ ИИЯЛ, т. III, 1957.
- Саидов, О распространении — М.-С. Саидов, О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане — УЗ ИИЯЛ, т. I, Махачкала, 1956.
- Себеос, История — История императора Иракла, Сочинение епископа Себеоса, СПб, 1862.
- Смирнов, К. Ф. Смирнов, Археологические исследования в Дагестане 1948—1950 г. — КСИИМК, вып. XLV, М., 1952.
- Смирнова, Договор — О. И. Смирнова. Договор арабского полководца Кутайбы с царем Согда Гуреком. СВ, 1957, № 2.
- Смирнов, *Н. А.* Очерки — Н. А. Смирнов, Очерки по изучению ислама в СССР. М., 1954.
- Солодухо, Подати — Ю. А. Солодухо. Подати и повинности в Ираке в III—V в. н. э. СВ, М.—Л., 1948.
- Сукиасян. — А. Г. Сукиасян, Общественно-политический строй и право Армении в эпоху феодализма, Ереван; 1963.
- Тарихи Дербенд наме, — Тарихи Дербент наме, под ред. А. Аварского, Тифлис, 1898.
- Тизенгаузен, Проект — В. Тизенгаузен, Проект программы — «Труды V археологического съезда в Тифлисе». М., 1887.
- Тизенгаузен, *В.* В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1844; т. II, М.—Л., 1941.
- Толстов, Периодизация — С. П. Толстов, Пе-

риодизация древней истории Средней Азии. — КСИИМК, XXVIII, 1949.

~~Очерки — К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.—Л., 1959.~~

— А. Г. Туманский. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и русских. ЗВО, IX, (1896) 1897.

Курганы — А. С. Уваров, Курганы с расчленением близ г. Дербента. — «Труды V археологического съезда в Тифлисе», 1881, М., 1887.

О надписях — Х. Д. Френ, О надписях города Дербента -- «Труды и летописи Общества истории и древностей российских при Московском Университете» ч. VIII, 1837.

Очерки — С. М. Хайдаков, Очерки по лексике лакского языка. М., 1961.

Археологическое известие — Н. Ханьков, Археологическое известие, «Кавказ», 1850, №№ 52, 53.

Еще археологическое известие — Н. Ханьков, Еще археологические известия, «Кавказ», 1850, №№ 76, 85, 87.

О некоторых арабских надписях — Н. В. Ханьков, О некоторых арабских надписях Дербента и Баку. «Записки РАО», т. IX, 1859.

Очерк — Н. В. Ханьков. Очерк ученой деятельности на Кавказе, «Кавказ», 1851, № 25—29.

Общественный строй — Х.-М. Хашаев. Общественный строй в Дагестане в XIX в. М., 1961.

Х.-М. О. Хашаев, А. Р. Шихсаидов, Рецензия на монографию Л. И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв.», СЭ, № 1, 1968.

— Д. А. Хвольсон. Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах,

Тревер, **К. В.**

Туманский,

Уваров,

Френ,

Хайдаков,

Ханьков,

Ханьков,

Ханьков,

Ханьков,

Хашаев,

Хашаев, Шихсаидов,

Хвольсон.

- Хоренский, История Армении — Моисей Хоренский, История Армении, Новый перевод с армянск. Н. О. Эмина (с примечаниями и приложениями), М., 1893.
- Хоренский, Новый список — К. Патканов, Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, — ЖМНП, ч. ССХХVI, 1883, март.
- Худуд ал-алам, Худуд ал-Алам. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.
- Церетели, Арабская хрестоматия — Г. В. Церетели, Арабская хрестоматия, Тбилиси, 1949.
- Церетели, К характеристике — Г. В. Церетели, К характеристике языка среднеазиатских арабов. — «Труды II сессии ассоциации арабистов», М.—Л., 1941.
- Шейхов, *Н. Б.* Погребальный обряд — Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник — КСИИМК, т. XVI, М., 1952.
- Шиллинг, *Е. М.* — Е. М. Шиллинг, Кубачинцы и их культура, М.—Л., 1949.
- Шихсаидов, *А. Р.* Арабские — строительные надписи — А. Р. Шихсаидов, Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.) — «Ученые записки» ИИЯЛ, т. XIII, серия историческая, Махачкала, 1964.
- Шихсаидов, Когда и как — А. Р. Шихсаидов, Когда и как насаждался ислам в Дагестане, Махачкала, 1962.
- Шихсаидов, Новые данные — А. Р. Шихсаидов, Новые данные по средневековой истории Дагестана — «Ученые записки» ИИЯЛ, т. IX, 1961.

- Шихсаидов, О пребывании — А. Р. Шихсаидов, О пребывании монголов в Рича и Кумухе — «Ученые записки» ИИЯЛ, т. IV, 1958.
- Шихсандов, Распространение ислама—А. Р. Шихсаидов, Распространение ислама в Дагестане (VII—XV вв.) — Рукопись кандидатской диссертации, Махачкала, 1959.
- Шихсандов, *Распространение — А. Р. Шихсаидов.* Распространение ислама в южном Дагестане в X—XV вв. — «Ученые записки» ИИЯЛ; т. VI, Махачкала, 1959.
- Шмерлинг, Храм близ Датуна, — Р. О. Шмерлинг, Храм близ сел. Датуна в долине реки Аварское Койсу — сессия ИИГИ, 1956 (тезисы докладов).
- Чикобава, Грузинско-аварская надпись —А. С. Чикобава. Грузинско-аварская надпись XIV в. из Дагестана,—«Сообщ. АН Груз. ССР», т. 1, 1940, № 4.
- Чурсин, Г. Ф. Культ железа — Г. Ф. Чурсин. Культ железа у кавказских народов, Тифлис, 1927.
- Чурсин, Праздник выхода плуга — Г. Ф. Чурсин, Праздник выхода плуга у горских народов Дагестана, Тифлис, 1927.
- Юшков, Рукопись. — С. В. Юшков, Рукопись по истории Дагестана. РФ ИИЯЛ.
- Якуби (пер. Жузе), — *История. Текст и перевод.* Лек. проф. П. К. Жузе, Баку, 1927. (Вып. III и IV «Материалы по истории Азербайджана.»).
- Якубовский, Восстание — А. Ю. Якубовский. Восстание Муканны СВ, V, 1948.
- Якубовский, Ирак — А. Ю. Якубовский, Ирак на грани VIII—IX вв. — «Труды I сессии арабистов», М.—Л., 1937.
- Якубовский, Об испольных арендах — А. Ю. Якубовский, Об испольных арендах в Ираке в VIII в. СВ. IV, 1947.

- Якубовский,** О русско-хазарских отношениях, — А. Ю. Якубовский, О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. — «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1946, т. 3, № 5.
- Якубовский,** Рассказ Ибн ал-Биби — А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн ал-Биби о походе малоазиатских турок на Судан, половцев и русских в XIII в. — «Византийский временник», т. XXV, (1927), Л., 1928.
- Якубовский,** Тимур — А. Ю. Якубовский, Тимур (опыт краткой характеристики). «Вопросы истории» 1964, № 8—9.
- Aboulféda,** Geographie — Geographie d'Aboulféda, Texte arabe, publié... par M. Reinaud et de Slane, Paris, 1840.
- Barbier de Meynard,** — Barbier de Meynard, Dictionnaire... Paris. 1861.
- Bartold,** Abu Muslim — V. V. Bartold, Abu Muslim, EI, t. I.
- Beladsori** — Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Djabir al-Beladsori, ...ed. M. J. de Goeje. Lugd. — Batavorum, 1866.
- Becker** C. H. Becker, Beladsori, EI, I, 624—625.
- Berchem,** Monuments — Max van Berchem. Monuments et inscriptions de l'atabek Lulu de Mosoul. — «Orientalische Studien», Erster Band, Gieszen, 1906.
- Brockelmann,** Geschichte der arabischen Litteratur — C. Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur, I—II, Weimar—Berlin, 1898—1902; Supplementband, I—III, Leiden, 1937—1942.
- Brosset,** Histoire — Histoire de la Géorgie... trad. par M. Brosset, I — partie, Spb, 1849.
- Cazwini's** Kosmographie — Zakarija Ben Muhammad Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie, hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, t. II, 1848.

- Derbend-Nameh** — *Derbend-Nameh. Translated from a select turkish version and published with notes, by Mirza A. Kasembek, Spb, 1851.*
- Dietrich** — *A. Dietrich. Textkritische Bemerkungen zu V. Minorsky's Studien zur kaukasischen Geschichte. «Orientalia». 27, Nove Series Fasc. 3, 1958.*
- Dorn,** *Beitrage. — B. Dorn, Beitrage zur Geschichte den Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. I—Versuch einer Geschichte der Schirwanachache; IV — Tabari's Nachrichten über die Chasaren, nebst Auszügen aus Hafis Abru, Ibn Aasem el-Kufy u. a.; V — Geographica Caucasica.*
- Dorn,** *Die jetzigen Kubätschi — B. Dorn, Die jetzigen Kubätschi. Bull. de l'Acad. des science de Spt., 1873, XVIII, № 3; MA, VI, 1872.*
- Dorn,** *Vierzehn Schriftstellern — B. Dorn, Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angrenzenden Länder, MA, VII, 1874.*
- D'Ohsson** — *D'Ohsson, Les peuples du Caucase, Paris, 1828.*
- Eichwald,** *Reise — E. Eichwald, Reise auf dem Kaspischen Meere und in den Kaukasus, Bd, II, Berlin, 1838.*
- Al-Garnati,** *Le Tuhfat al-albab — Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati edite... par G. Ferrand, Paris, 1925 (JA, CCVII, pp. 1—148, 193—304).*
- Grunebaum,** *Der Islam — G. E. von Grunebaum, Der Islam in seiner klassischen Epoche, 622—1258. Zürich-Stuttgart, 1966.*
- Heyd,** *Geschichte.—W. Heyd, Geschichte des Levantehandels in Mittelalter. Bd. I. Stuttgart, 1879.*
- Hitti,** *History. — History of the Arabs by*

- Philip K. Hitti. Fourth edition, London, 1949.
- Hitti,** Islam and the West. — Philip K. Hitti, Islam and the West. A Historical Cultural Survey. Princeton, 1962.
- Ibn al-Athir,** — Ibn el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.
- Ibn Rosteh,** BGA, VII — Kitab al-alak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmad ibn Omar ibn Rosteh et Kitab el-boldan autore Ahmad ibn abi Jakub ibn Wadhah al-Kitab al-Jakubi ed. M. J. de Goeje, edit. secunda, Lugduni-Batavorum, 1892 (BGA, VII).
- Ibn Chordadbeh** — Kitab al-masalik wa-l-mamalik auctore Ibn Chordadbeh. BGA, VI, Lugduni-Batavorum, 1889.
- Ibn al-Fakih** — Compendium Libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadani. Ed. M. J. de Goeje, (BGA, V). Lugduni-Batavorum, 1885.
- Jacut** — Jacut's geographisches Wörterbuch... hrsg von F. Wüstenfeld, I—VI, Leipzig, 1866—1870.
- Jakubi** — см. Ibn Rosteh.
- Jakubi** (Wiet) — Jakubi. Les pais. Trad. par G. Wiet. Le Caire, 1937.
- Khanikoff,** Mémoire.—N. Khanikoff, Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase — JA, sér. 5, t. XX, 1862.
- Klaproth,** Geographisch-historische Beschreibung — J. Klaproth, Geographisch-historische Beschreibung des ostlichen Kaukasus, Weimar, 1814.
- Klaproth,** Tableau, — Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et de provinces limitrophes entre la Russie et la Perse par M. Klaproth. Paris—Leipzig, 1827.

- Klaproth, Voyage — J. Klaproth, Voyage au mont Caucase et en Georgie, t. I—II, Paris, 1823.
- Kremer, Culturgeschichte des Orients — Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen von Alfred von Kremer, Bd. I—II, Wien, 1875.
- Lewicki, Zrodla — Zrodla arabskie do Dziejow stowianszczyzny t. I, wydal i opracowal Tadeusz Lewicki, Wroclaw Krakow, 1956.
- Marquart, Iberier und Hyrkanier — J. Marquart, Iberier und Hyrkanier, «Caucasica», 1931, Facs. 8.
- Marquart, Streifzüge — J. Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903.
- Maçoudi, Les praries — Maçoudi, Les praries d'or. Texte arabe et trad. par Barbier de Meynard et Pavet le Courteille, I—IX, Paris, 1861—1877.
- Minorsky, Studies — V. Minorsky, Studies in Caucasian History — «Cambridge Oriental series», London, 1953, № 6.
- Minorsky, The Khasars — V. Minorsky, The Chasars and Turks in the Akam al-Marjan — BOSOS, vol. IX, part I.
- Minorsky et Cahen, Le resuel — V. Minorsky et Cl. Cahen Le resuel transcaucasien de Masud b. Namdar — JA, t. CCXXXVII, 1949, № 1.
- Minorsky, Hudud al-alam — Hudud al-alam. The Regions of the world. A persian geography 372 A. H. — 982 A. D. translated and explained by V. Minorsky. London, 1937 (GMS, № 5, XI).
- Paret — R. Paret, Al-Tabari, EI, IV.
- Reineggs, Beschreibung des Kaukasus — J. Reineggs, Allgemeine historisch-geographische Beschreibung des Kaukasus. Aus dessen nachgelassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von

- F. E. Schröder, Th. I, Zote — St.-Pbg, 1798.
- Sachau,** Verzeichniss — E. Sachau, Ein Verzeichniss muhammedanischer Dynastien. Berlin, 1923.
- Sarton,** Introduction — G. Sarton, Introduction to the History of Science, I, From Homer to Omar Khayyam. Baltimore, 1927; II, From Rabbi ben Erza to Roger Bacon, Parts I—II, Baltimore, 1931.
- Sprenger,** Die Post-und Reiserouten — A. Sprenger, Die Post-und Reiserouten des Orients—«Abhandlungen der Deutschen morgenlandischen Gesellschaft» — 1864, Bd. III, № 3.
- Spuler** — B. Spuler, Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955.
- Spuler,** Geschichte, I — B. Spuler, Geschichte der Islamischen Länder. Erster Abschnitt.— Die Chalifenzeit. «Handbuch der Orientalistik» — Sechster Band. Leiden, 1952.
- Tabari,** Annalen — Annales quos scriptit Abu Djarir Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugd.—Bat., ser. I, t. I—VI, 1879—1890; series II, t. I—III, 1881—1889; series III, t. I—IV, 1879—1890; Печатка — Lugd.—Bat., 1964—1965.
- Tabari** (Belami) — Chronique de Abou-Djarir-Mohammed-ben Djarir ben Jezid Tabari, traduite sur la version persane d, Abou-Ali Mohammed Bel'ami... par M. H. Zotenberg, t. I—IV, Paris, 1958.
- Tabari** (Nöldeke) — Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari übers. von Th. Nöldeke. Leiden, 1879.
- Wüstenfeld, Register** — F. Wüstenfeld, Register zu den genealogischen Tabellen, II Theil, Göttingen, 1853.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	5
ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛО- ЖЕНИЕ ДАГЕСТАНА В IV—X ВВ.	28
1. Политические образования Дагестана в IV—X вв.	28
2. Экономическое и социальное развитие Дагестана в V—X вв.	48
ГЛАВА III. АРАБСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ И НАЧАЛО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛА- МА (VII—X ВВ.)	74
ГЛАВА IV. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА В ДАГЕ- СТАНЕ В X—XV ВВ.	124
Заключение	216
Библиография	227

Амри Рзаевич ШИХСАИДОВ

**ИСЛАМ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ
(VII—XV вв.)**

Редактор Е. И. Чернигова.
Тех. редактор В. А. Махулова.

Подписано в печать 24/IV-1969 г. С02198.
Форм. 84×108¹/₃₂. Печ. л. 15,75. Уч.-изд. 13,88.
Тираж 1000. Заказ 332. Бум. типогр. № 1. Цена 97 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
г. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.